

А. В. Громова

СОЦИОПРИМАТЫ

СОДЕРЖИТ
НЕЦЕНЗУРНУЮ
БРАНЬ

18+

Андрей Викторович Громоватый

Социоприматы

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=72115939

SelfPub; 2025

Аннотация

Это не книга. Это вызов вашему внутреннему гуманизму. «Социоприаты» – вскрытие морального макияжа, взгляд под кожу инстинктов. Здесь нет утешений, нет веры в разум или душу – только механика: статус, размножение, безопасность, доминирование. Человек – примат с богатым воображением, хорошей памятью и врождённо-хрупкой моралью, ведомый импринтами, гормонами и шаблонными поведенческими матрицами. Его «свобода» – хорошо задизайненный поводок. Мозг – всего лишь рационализатор того, что тело уже решило. Чувства, идеалы, влюблённости – биоинженерия на грани химического шантажа. Любовь? Забудьте. Межполовые отношения – не про чувства, а про репродуктивную стратегию выживания и доступ к ресурсу. Это не философия. Это мануал по социобиологии, переведённый с языка импульсов на человеческий. Читайте на свой страх и риск.

Содержание

Перед тем как станет неприятно	4
Приматы с дипломами	12
Голод и жадность	32
Право первой крови	48
Прирученный страх	64
Примативность	77
Импринтинг	96
Есть проблемы	108
Естественная мораль	132
Ярость без мандата	141
Себялюбие	181
Конец ознакомительного фрагмента.	191

Андрей Громоватый

Социоприматы

Инстинкты не вымерли – они просто выучили новые слова. Мы не стали умнее. Мы стали убедительнее в самообмане. Мы называем выбор выбором. Природа – наследуемым алгоритмом.

Добро пожаловать в рынок чувств, где цена – ваша наивность.

Перед тем как станет неприятно

Платон мне друг, но истина дороже.

Правд много, но факт – один. Всё остальное – его интерпретация, которую каждый выдаёт за свою *правду*.

Какое ключевое различие между понятиями *факт* и *правда*? Факт – это объективное событие или явление, которое можно проверить и подтвердить независимо от чьих-либо взглядов. Например, *сегодня идет дождь* – это факт, если он действительно идет.

Однако когда люди обсуждают факты, они часто интерпретируют их по-разному, исходя из своего опыта, убеждений, интересов или эмоций. Эта интерпретация и становится для каждого *правдой*. Именно поэтому правд может быть

много: у каждого своя точка зрения на один и тот же факт.

Например, один человек может считать дождь благословением для урожая, а другой – помехой для прогулки. Оба говорят правду с позиции своего восприятия, хотя сам факт (дождь идет) остается неизменным.

В философии эта тема обсуждается с античных времен. Сократ, Платон и Аристотель подчеркивали, что истина должна быть выше личных симпатий и субъективных мнений, а истина – это то, что максимально приближено к фактам и объективной реальности. Но в реальной жизни люди часто называют *правдой* именно свою интерпретацию факта, а не сам факт.

Личные убеждения оказывают решающее влияние на восприятие истины. Они формируют своеобразные фильтры, через которые человек воспринимает и интерпретирует факты и события. Убеждения определяют, что человек считает истиной, а что – нет. То, что один воспринимает как очевидный факт, другой может полностью отрицать, если это противоречит его внутренним установкам.

Источниками убеждений выступают личный опыт, воспитание, культурные нормы, авторитеты и социальные стереотипы. Эти установки могут быть как рациональными, так и иррациональными, позитивными или ограничивающими.

Под влиянием убеждений человек избирательно воспринимает информацию: склонен замечать и запоминать то, что подтверждает его взгляды, и игнорировать или отвергать то,

что им противоречит. Это явление называют *селективным восприятием*.

Иррациональные или жесткие убеждения могут исказить реальность, приводить к ошибочным выводам и эмоциональным реакциям, не соответствующим объективной ситуации.

Таким образом, личные убеждения не только влияют на то, как человек воспринимает истину, но и часто формируют его собственную версию правды, отличную от взглядов других людей. В результате, *правда* для каждого оказывается субъективной: она складывается не только из фактов, но и из их интерпретации через призму личных убеждений.

О чём эта книга?

Социальные нормы и поведенческие ограничения человека – не просто биологическая данность, а результат целенаправленного формирования поведенческой модели, тесно связанной с эволюционной историей нашего вида. В этой книге рассматриваются вопросы: *как и почему возникли нормы*, каким образом они закреплялись и почему стали критически важными не только для выживания, но и для эволюционного прогресса.

Коллективные договорённости, взаимные обязательства и механизмы поддержки стали фундаментом морального и культурного развития. Слабо вооружённый от природы вид

– человек – создал свою *моральную прошивку* не только для того, чтобы выжить, но и чтобы строить сложные сообщества, культуры, а затем и цивилизации.

Перед вами – первый том серии, посвящённой человеческому поведению и методам его внешнего управления. Но не поведению вообще, а *унаследованному*, сформировавшемуся в процессе филогенеза. И, прежде всего – тому, *как этим поведением легко можно управлять извне*. Это важно. Я не планирую рассматривать бесконечные религиозные, идеалистические и философские концепции, равно как и углубляться в психологические дебри. Основу анализа составляют модели поведения живых существ – в том числе нас, социальных приматов – с опорой на социобиологическую, этологическую и психогенетическую парадигмы.

Если вынести за скобки физиологию и рефлекторные акты, большая часть человеческого поведения – это поведенческие шаблоны, работающие на перспективу: выживание, размножение, доминирование. И работают они не через расчёт, а через встроенные поведенческие алгоритмы, выработанные миллионами лет отбора.

Инстинкты. Все слышали, но мало кто задумывался, что именно скрывается за этим словом. Инстинкт – это не просто зацикленная программа, как у насекомых. Это врождённая предрасположенность – стремление, склонность, готовность действовать определённым образом в определённых условиях. Это не фиксированный набор движений, а направление

поведения *по умолчанию*. Человек, как существо с проблесками разума, может этому импульсу следовать, а может – и нет. Но только если *не следовать* он захочет достаточно сильно. Иными словами – нужен повод, воля и усилие, чтобы не быть биологическим автоматом.

Подавляющему большинству людей вовсе не свойственно замечать свои инстинкты. Они работают в фоновом режиме, без внутреннего голоса, без вывески *внимание: побуждение*. Они просто есть – и воспринимаются как *само собой разумеющееся*. Так же, как воздух или притяжение: никто не задаёт вопросов, почему предметы падают, а не взлетают. Или почему чувство стыда, возмездия, любви или гордости возникает спонтанно, без предварительной команды. Они *есть*, и этого большинству достаточно.

Однако всё это – не универсальные законы мироздания, а продукт эволюционной сборки. Эти чувства и побуждения – инструменты, отшлифованные отбором. То, что кажется внутренним порывом – результат биологического и социального программирования, частью которого являются не только инстинкты, но и примативность, импринтинг, гормональные циклы, накопленный эмоциональный опыт, нормы и мораль, правила и традиции, давление окружения, пропаганда, контентная среда и даже микротембр социальных сигналов. Всё это незаметно формирует поведенческую матрицу – от выбора партнёра до причины наорать в пробке или купить очередной бесполезный гаджет.

Это и есть скрытая анатомия мотивации. Поведение управляется через простые каналы: *потребляй, реагируй, спаривайся*. Большинство людей искренне верят, что действуют *по своей воле*, хотя реальной воли там не больше, чем у муравья, идущего по оставленной феромонной дорожке.

И вот здесь возникает ключевой момент: *фактов мало, интерпретаций много*. Один и тот же факт может порождать десятки, сотни правд – потому что правдой называют не событие, а его объяснение. В обществе факт начинает *жить* только после того, как его объяснили, отжали, истолковали. СМИ, лидеры мнений, моральные образы, культурные алгоритмы – все они упаковывают факт в интерпретацию, и уже её массовое сознание признаёт за правду.

Человек инстинктивно тянется к интерпретациям, совпадающим с его убеждениями и опытом. Это снижает внутренний конфликт и позволяет сохранить иллюзию целостности. В реальности же – человек просто *верит* в то, что выгодно системе. В то, что на данный момент признано *нормой*. Потому что одиночный индивид без коллективного смысла чувствует себя уязвимым, а потому – легко управляемым.

В повседневной жизни людям важны не столько сухие факты, сколько их трактовки и объяснительные версии – то, *что они значат лично для них*, и как на них следует реагировать. Именно интерпретация активизирует поведение: вызывает страх или надежду, даёт команду *бей, жди* или *повернись спиной*. Потому что человек действует не по факту, а

по *смыслу*, который сам же и присвоил этому факту – или который был навязан извне.

Интерпретация факта важнее самого факта – именно потому, что она превращает абстрактное событие в нечто значимое, личное, обязывающее к действию. Факт – лишь строительный кирпич. А вот из чего из него построят: храм, тюрьму или рекламный баннер – решает интерпретация. И эта *архитектура смыслов* давно уже не хаотична. Её формируют те, кому принадлежит мегафон: медиа, идеологи, цифровые платформы*, образовательные институты и прочие агенты коллективного сознания.

Вот в этом и есть главная цель книги: разобраться, *что именно нами движет*, какие внутренние пружины приводят нас в движение, и почему большинство этих пружин заботливо скрыты от глаз – под глянцем *воспитания, морали, образованности, общечеловеческих ценностей* и других симпатичных ширм. Эти механизмы управления не отменяют свободу воли, но обрезают её до длины поводка, на котором так удобно вести.

Да, в наше время уже всё написано, всё сказано, всё подсчитано и опубликовано. Вопрос не в этом. Моя цель – собрать разрозненные фрагменты в работающую систему. Соединить биологию и культуру, инстинкты и идеологии, чувства и стимулы, чтобы получилась цельная картина: не философский трактат, а инструмент навигации по себе и окружающим. Я стою на плечах *титанов* – учёных, мыслителей,

практиков, наблюдателей, естествоиспытателей, циничных реалистов, мизантропов с телескопическим зрением, мастеров системного мышления, мрачных пророков человеческой природы и просто безумцев, которые видели больше, чем надо.

Хочется верить, что эта книга станет своеобразным выходом из сказочного мира самоиллюзий в мир реальных механизмов поведения – в мир грубой, неприукрашенной правды о себе самом. Туда, где распадаются все иллюзии и начинаются факты. Где уже не спрячешься за *так принято* или *так учили*, а видишь, *почему именно ты сейчас чувствуешь то, что чувствуешь* – и почему кому-то это выгодно.

* Упоминание *Facebook, Instagram, WhatsApp* и *LinkedIn* – соцсетей, признанными иноагентами и экстремистскими организациями территории РФ.

Приматы с дипломами

Рефлексы – это упрощённая прошивка природы. Безусловные, условные – выбирайте на вкус. Безусловные – как старая добрая мебель из ИКЕА: базовые инструкции уровня *живи и не умри*. Эволюция вытачивала их веками, как ювелир с дрожащими руками, только вместо бриллиантов тут – чистая борьба за выживание. А вот условные рефлексы – уже апгрейд, кастомизация под вашу личную *операционку*. Обожглись о кухонную плиту? Второй раз туда не полезете, разве что ради зрелищного шоу с дымом и скорой.

Инстинкты – это рефлексы, прокачанные до версии 2.0. Длиннее, навороченнее и с элементами квазилогики. Тут и поиск партнёра, и попытка размножиться, и бесконечная гонка за чем-то, что должно придать смысл всей этой биологической кутерьме. Половой инстинкт? Нет, не про романтику речь – это сухой, безжалостный код: *Увидел подходящий набор признаков – активируйся*. А как же развитие цивилизации? Инстинктам до фонаря. Они всё так же ищут симметрию лица и крепкие бёдра, как в ту эпоху, когда первое свидание заканчивалось у костра – с куском первобытной дичи, а не с бутылкой мерло.

Наши инстинкты – это динозавры на службе у *Homo sapiens* в мире хайтека. Громоздкие, упрямые, с мозгом размером с грецкий орех, они всё ещё несутся по пыльным тро-

пам каменного века, в то время как наше общество уже нацепило галстук, вооружилось смартфоном, нырнуло в гиперпространство Tinder и, попивая смузи, уверенно прокладывает маршрут к звёздам.

Пещерный навигатор продолжает настойчиво вещать. *Бойся! Копи! Размножайся!* – в мире, где уже давно правят биометрия, нейросети и блокчейн. Он по-прежнему видит главной угрозой саблезубого тигра, в то время как настоящие хищники – это кредитные менеджеры, HR-отделы и алгоритмы социальных сетей. Инстинкты топчутся на месте, как туристический автобус в пробке, пока цивилизация уже на реактивной тяге штурмует квантовые горизонты. Их команды остались прежними: *Накопи жирок. Найди достойную пару. Не высывайся.* Но мир давно сменил правила – теперь всё про ИИ, генные модификации и бронь на Марс.

Инстинкты – идеальные разведчики. Настоящие шпионы. Они работают скрытно и действуют молча, без предупреждений, задолго до того, как вы всё осмыслите. Это они решают, кто вам приятен, кого вы на дух не переносите и почему готовы выпрыгнуть из трусов ради лайка от незнакомца с аниме-аватаркой. Можно сколько угодно кичиться своим IQ, моральным компасом и осознанностью – но за рулём всё равно он. Тот самый древний, животный, слегка неадекватный мозг. *Вкусно – ешь. Страшно – беги. Кто-то смотрит – позируй.*

Да, инстинкты умеют гнуться. Но эта гибкость – как у пен-

сионера на йоге: чуть влево, чуть вправо – а потом хрясь! – и травма. Природа, видите ли, не предусмотрела кнопки *обновить прошивку*. Представьте: вечеринка в стиле киберпанк, а вы заявили в набедренной повязке с дубиной. Так и живём – на дискотеке XXI века, танцуя под палеолит. Неудивительно, что древние программы начинают глючить, особенно когда дело касается отношений.

Поставил сердечко на фото фитоняшки – *Дорогая, я просто следую зову предков!* – отличная отмазка для тех, кто использует мозг исключительно как подставку для черепа.

И вот этот обезьяний центр управления, не обновлявшийся со времён ловли ящериц на завтрак, ежедневно пытается ориентироваться в мире пуш-уведомлений, сторис и эмоционального выгорания. Он не понимает разницы между отвержением в племени и лайком, который вам не поставили. Он искренне считает, что если кто-то не ответил в течение трёх секунд – это значит изгнание, голод и смерть в одиночестве под кустом.

А вы просто смотрите на экран и думаете: *Почему он не прочитал? Почему?!* – в то время как ваши надпочечники уже запускают тревогу пятого уровня.

Да, друзья, инстинкт выживания теперь срабатывает на синий кружочек в мессенджере.

Когда вы вдруг замечаете, как доисторические программы незаметно дёргают за ниточки вашего сознания, у вас появляется шанс – если не вырубить их к чертям, то хотя бы

поставить им ловушку на тропе. Правда, для этого придётся напрячь свои извилины и отправить привычный уютный комфорт в бессрочный отпуск без обратного билета.

Четвёртый кусок торта исчез в бездонной утробе? *О, это всё инстинкты!* – классическая баллада для оправдания собственной слабости. По такой логике можно и в суде оправдаться: *Извините, Ваша честь, эволюция любит калории – я просто марионетка!* Но мозг вам дан не для того, чтобы подмахивать ленивым отмазкам. Он – аварийный рычаг, чтобы выключать режим *автопилот идиота*.

Так что хватит прикрываться природой – пора брать штурвал в свои руки, господа социоприматы!

Хотя, конечно, большинство выберет автопилот. Зачем шевелиться, когда можно безмятежно плыть, как бревно, по мутной реке обстоятельств? Живём, как получится, а там видно будет. Но стоит один раз задать себе вопрос: *Кто тут, чёрт возьми, рулит?* – и вот уже, поздравляем, мини-революция в отдельно взятой черепушке.

Пусть и с грохотом, но с намёком на осознанность.

Но вот в чём фишка: как только вы начинаете *рулить* – всё вдруг становится не так просто. Революция внутри черепа может начаться с одного ясного осознания, но её поглощает инерция повседневности, как чёрная дыра. Два дня, полдня или пара часов решимости – и вот вы снова на том же диване, с теми же мыслями, потягиваете тот же кофе. Эволюция в этой борьбе сильнее, чем вы думаете. Потому что,

извините, вы же не робот, и мозг не обновляется по щелчку пальцев. Революция, как правило, встречает оборону: *Не сегодня, брат!* – и возвращает вас на привычную колею. С одной только поправкой: теперь вы хотя бы знаете, что находитесь в зоне турбулентности.

Давайте начистоту: эти ваши инстинкты – не великие кормчие, а скорее пьяные таксисты с севшим GPS, которые по привычке кое-как везут вас по маршруту *от пещеры до офиса*, по пути задевая пару столбов и мило забывая про сдачу. Иногда они действительно привозят куда надо – но чаще вы оказываетесь в эмоциональной подворотне без понятия, как туда попали. И самое очаровательное: вы даже не замечаете, как эти примитивные штурманы снова хватаются за руль, пока вы сладко дремлете на заднем сиденье собственного сознания.

Что дальше? В идеальной Вселенной – где у каждого по врожденному буддисту и осознанность продаётся в капсулах – мы бы сами решали, когда внимать этим древним внутренним позывам, а когда отправлять их в игнор, как спам в почте.

Инстинкты – не скрижали с горы Синай, а всего лишь черновики поведения, нацарапанные в спешке эволюцией. Так, шпаргалка для ленивых. Но большинство так и остается рабами этих базовых алгоритмов, потому что они действуют тихо, как ниндзя в тапочках. Они не требуют аргументов, не поднимают руку – просто появляются в голове, маскируясь

под *естественные желания*. И вот уже – оп! – вы снова жрётё на ночь, флиртуете с кем попало или трясётесь от страха перед начальником, как кролик перед удавом.

У животных все просто: стимул – реакция. Жрать хочешь? Жри. Страшно? Ноги в руки. Никаких метафор, никакого внутреннего конфликта. А у человека? О, тут начинается настоящий цирк с конями. Стоит включиться неокортексту, и понеслась: *А что, если...?* – спрашивает режиссёр-любитель из лобной доли и начинает кромсать древний сценарий, добавляя туда шепот стыда, вспышки морали и накладные социальные улыбки. Вроде как мы уже не совсем звери. Хотя, между нами, не факт, что это весомый повод открывать шампанское.

Человек – тот еще фокусник. Может не просто приручить свои инстинкты, но и нарядить их в смокинг современности и пустить на бал, уверяя всех (и себя), что под манишкой уже не зверь, а сознательный гражданин с пропиской в церебральной коре. Представьте себе дикого волка в костюме-тройке: лацканы отутюжены, взгляд учтив, походка отточена... Вроде и выглядит цивильно, как настоящий джентльмен, но стоит музыке сбиться – и вот уже клыки наголо.

Проще всего, конечно, свалить всё на *внутреннего зверя*. Удобно, как оправдание в записке родителям: мол, простите, это не я – это моя лимбическая система.

Захотелось пиццы в три ночи? Виноват древний мозг. Автомобильная пробка превратила вас в Цицерона с репертуа-

ром работяги с заводского района? Ну, так это моя рептильная сущность выговорилась. Но давайте без сказок на ночь. Вы не узник биологии – вы просто договорились с ней, что сегодня она за рулём, а вы – рядом, с выключенной совестью и включённым автопилотом.

Запуск инстинкта у *Homo sapiens* – это не дешёвый боевик, а скорее бродвейская постановка с солистами из подсознания, детскими травмами в хоре и моралистом в роли режиссёра. У животных – всё линейно: *вижу цель – не вижу препятствий*.

Догнал, съел, уснул. А у нас? У нас сначала сценарная группа вспоминает, что скажет общество, потом появляется внутренний ребёнок, который всё ещё обижен на *пятого А*, и только после этого – бабушка, строго следящая, чтобы локти не касались стола. Базовый импульс, конечно, есть. Но пока он пробирается через лабиринт фильтров, на выходе получается не *бей-беги*, а *улыбнись, скажи 'спасибо' и закинь это в копилку подавленных эмоций*. Такой себе коктейль из правил приличия, неврозов, личных загонов и натянутых фальшивых улыбок, больше похожих на звериные оскалы.

Вот она – человеческая суперсила: *уметь не делать то, чего до смерти хочется*. А потом с умным видом объяснить самому себе, почему это было правильным решением. Настолько убедительно, что даже ваш внутренний питекантроп в смокинге кивает: *да, сэр, звучит разумно, сэр*.

Эволюция поведения – это как апгрейд от первого Nokia

до последнего iPhone: вроде бы прогресс, но батарея садится быстрее, интерфейс сложнее, да и цена кусается. И чем изощённее мыслительный процесс, тем дольше загружается ваша внутренняя операционка. Пока сознание методично взвешивает риски, подбирает морально устойчивые аргументы и сверяется с коллективным бессознательным, инстинкт уже открыл аварийный выход. Буквально. В виде фразы *А ты сам-то кто такой?*, зловеще брошенной незнакомцу на остановке. Или в виде вашей руки, как будто помимо воли, тянущейся за третьей булочкой – не из-за голода, а по алгоритму.

Да, гибкость поведения – великая вещь. Теоретически. На практике она работает как Windows Update: медленно и обязательно в самый неподходящий момент. Инстинкт всегда бьёт первым. А потом, как по расписанию, выходит на сцену наш внутренний МХАТ – спектакль под названием *Рациональное мышление*, где главные роли играют оправдания, реконструкции и отложенные инсайты.

Но кто вообще сказал, что эволюционные механизмы адаптации должны подчиняться логике? Они не про осмысление – они про скорость, надёжность и абсолютную невосприимчивость к контексту. Им плевать на ваши дипломы, ценности и пройденную психотерапию. Стоит мелькнуть знакомому паттерну – и всё, занавес. Увидели вывеску *скидки до 70%*? Ваш внутренний собиратель уже притащил корзину и, не моргнув, наполнил её хламом с Авито, будто го-

товится к доисторическому Black Friday. Наткнулись на чужое, оскорбительно-*неправильное* мнение в интернете? Инстинкт защиты стаи уже строчит гневный манифест CAPS LOCK'ом, пока логика скромно забивается в угол и просит пощады.

Так и живём: прикрываем свои звериные порывы тончайшей шкуркой цивилизованности, словно надеваем смокинг на волка и делаем вид, что теперь это не лютый волчара, а уставший офисный клерк. Но стоит этой оболочке соскользнуть – и вот он, пожалуйста – наш внутренний пещерный антропоид во всей красе, без купюр и этикета. Только вместо дубины – смартфон с прогнозом погоды, биржевыми котировками и свежей подборкой мемов про прокрастинацию.

Эволюция поведения – это не отмена, а лишь редизайн старых алгоритмов. Переход от *схватил-сожрал* к *три вилки для трёх блюд*. Суть та же, только подача с чуть большим лоском. Чем сложнее мозг, тем больше данных он способен жевать, переваривать и – при удачном стечении обстоятельств – даже не подавиться.

Поведение усложняется не потому, что мы лучше, выше или сильнее, а потому, что у нас теперь просто чуть больше настроек. Как в танцах: сначала вы неловко дёргаетесь невольный невольный, а потом – глядишь – уже импровизируете с грацией солиста Большого театра, изображая из стайного эстета с высоким эмоциональным интеллектом.

Но не обольщайтесь. Внутри всё ещё крутится тот самый

пещерный диджей, готовый в любой момент врубить первобытный рейв: с инстинктами, пульсом под барабаны тревоги и внезапной тягой к драме в комментариях. Он никуда не делся. Он просто ждёт, когда выключат свет.

Рассудочное поведение – штука дорогая.

Оно требует знаний, времени и той самой осознанности, которую все нынче так любят, но мало кто регулярно – и *правильно* – практикует. А значит, работает оно медленно. Пока вы пытаетесь подобрать дипломатичную формулировку для ответа недипломатичному коллеге, ваш инстинкт уже выдал всё как есть и послал его к чертям – с интонацией, намёками и лёгкой добавкой звериной агрессии. Быстро, эффективно, не всегда уместно – однако по-своему честно.

И вот здесь вся соль: инстинкты не заботятся о вашей рациональности. Им глубоко плевать на ваши мыслительные способности, диплом по психологии и внутреннего практика дзена, повторяющего заученные мантры. Они включаются не потому, что так разумно – а потому, что так *запрограммировано*. Их задача – реагировать.

Мгновенно, беспощадно, желательно без лишней рефлексии.

Именно поэтому не стоит удивляться, когда древние пове-

денческие шаблоны с лёгкостью сметают весь ваш лоск культурности, социальные замашки и три курса по эмоциональному интеллекту. Инстинктам плевать, что вы на деловой встрече – кто-то резко шевельнулся, и мозг уже ищет выход через окно. Им важно одно: чтобы вы выжили. А то, что напротив юрист, а не тигр-саблезуб – никого не волнует. Что всё это происходит в XXI веке, они, увы, так и не поняли.

Да, технически наш мозг способен держать инстинкты на коротком поводке. Иногда он даже его натягивает. Но способен ли он делать это стабильно, с воодушевлением и по установленному регламенту? Вопрос, как говорится, на миллион. И спойлер: скорее всего – нет. Управление собой – это не автопилот, а ручное управление в турбулентности. Это не встроенная функция, а дорогостоящая подписка на усилия. А усилия, как известно, – товар штучный. Люди прибегают к ним только в крайнем случае. В идеале – под угрозой репутационного краха или с эмоциональным пистолетом у виска. И то – не всегда.

Для начала – надо хотя бы признать сам факт: инстинкты существуют. Да-да, прямо сейчас, в нас с вами. Но не тут-то было! Наше эго, этот самодовольный павлин с дипломом и LinkedIn-профилем, страстно любит щеголять в тогах цивилизованности, изображая мыслителя, который якобы давно перерос всю эту биологическую возню. *Какой ещё такой инстинкт?* – фыркает человек, уже в третий раз за вечер штурмуя холодильник после вполне сытного ужина – *просто за-*

хотелось!

Ага, конечно. Расскажите это эволюции, которая миллионы лет до бритвенного автоматизма точила механизм поиска калорий. Отрицание инстинктов – чуть ли не олимпийская дисциплина. Вместо того чтобы честно сказать: *Да, мною рулит внутренний неандерталец с obsессией на сахар и личную территорию*, – мы изобретаем тысячу утончённых отговорок. *Это не гнев – это чувство справедливости. Это не страх – это интуиция.* А инстинкты в это время тихо похрюкивают в углу: они ведь знают, кто тут главный. Им даже не нужно надевать маску – у них власть по умолчанию.

Умение распознать момент, когда нас ведут за нос древние нейронные алгоритмы, – это уже половина пути. Потому что именно на этих слепых зонах строится вся архитектура манипуляций. Почувствовали прилив праведного гнева, когда какой-то дерзкий персонаж плюхнулся на единственное свободное место в метро? Поздравляю: кто-то ненароком нажал на кнопку *территориального инстинкта*. Вдруг захотелось купить очередную ненужную хрень, но *со скидкой*? Ваш внутренний охотник уже орёт из темечка: *Это мамонт! Лови, пока тёплый!* Включился *пищевой инстинкт* в обновлённой упаковке – и всё, здравствуй, очередная коробка с доставкой и тоской после распаковки.

Инстинкты – те ещё мастера перевоплощения. Они не просто срабатывают по щелчку, они ещё и ловко мимикрируют под наши *естественные желания*. Вот вы сидите в

уютном чатике с единомышленниками и думаете: *Приятное общение, наконец-то в среде близких по духу людей!* Ага. Щас. Это просто ваш древний механизм *свой-чужой* радостно фыркает от удовольствия, распушивая мех и готовясь защищать виртуальную пещеру от набегов саблезубых троллей. Только вместо тигра – случайный комментарий от залётного юзера, и вот вы уже на низком старте, готовы рвать чужака за поруганную честь своего цифрового племени.

Но вместо того, чтобы позволить гневу превратить вас в орущего орангутана при каждом споре в комментариях, попробуйте на секунду нажать паузу. И задать себе парочку неудобных вопросов: *Какого лешего я так завёлся? Что это за доисторическая паранойя вдруг решила, что репутация стаи под угрозой?* А когда ваш внутренний шопоголик уже тянет лапы к кредитке при виде очередной *супер-мега-распродажи*, притормозите! Спросите себя: *Мне действительно нужна эта лабуда, или это просто мой протерозойский охотник решил устроить шопинг-сафари?*

Запомните: ваши инстинкты – не враги. Они скорее бестолковые, но любящие родственники. Хотят как лучше. Защищают, спасают, тревожатся. Только вот делают это, руководствуясь инструкцией времён, когда мы ещё боялись огня и ели всё, что не успело уползти и ускакать. Их задача – среагировать. Ваша – осмыслить. Не задавить, не загнать в подвал, а – как взрослый человек – поговорить. Договориться. Перехватить у них руль до того, как вы окажетесь на офис-

ном столе, колотя себя в грудь и вопя о своём превосходстве над коллегами. Поверьте, объяснение *Это был мой внутренний ребенок гоминид!* вряд ли спасёт вашу карьеру.

Да, осознание – вещь энергозатратная. Как бег в гору с рюкзаком за спиной. Но в отличие от подавления, которое лишь прячет монстра в чулан, *зрячесть* умеет приручать. Она не боится смотреть в глаза своему зверю – потому что знает: дикие инстинкты, помещённые в контекст, становятся ресурсом. Это уже не безмозглый берсерк, а личный телохранитель, стратег и интуитивный советник. Главное – держать его на поводке, а не наоборот.

Подавленные импульсы – это бомба замедленного действия. *Терпел-терпел и взорвался* – классика жанра для тех, кто любит играть в святошу до поры до времени. А вот прирученный инстинкт – это уже не дикий зверь, а верный пёс. Страх превращается в здоровую осторожность. Агрессия – в решительность. А стадный инстинкт – в умение не быть социальным инвалидом.

А теперь – внимание: на авансцене появляются *они*. Великие кукловоды. Маги и шаманы постправды. Манипуляторы всех мастей, виртуозы человеческих душ, которые знают, как управлять нитями наших древних программ. Пока человек живёт по алгоритмам древнего мозга – он предсказуем, как маршрутная газель. Политики умело жонглируют страхом перед *чужаками*, сплачивая стадо баранов... простите, электорат. Политтехнологи мастерски воскрешают об-

раз врага у ворот, надувая до размеров дракона любого, кто выглядит не как мы. Страх – их главный инструмент: дешёвый, надёжный и мгновенно действенный.

Маркетологи? Эти художники дофаминовой манипуляции пишут шедевры, используя всего три цвета: *дефицит, срочность и социальное одобрение*. Смотри: *Акция! Только сегодня! Все уже купили – а ты? Не тормози – успеи!* Мамонт не будет ждать. Он уже убегает со склада.

А соцсети? Современные алхимики, превращающие ваше внимание в золото рекламных бюджетов. Их главный актив – ваши инстинкты. Каждое уведомление – как звон колокольчика для собачки Павлова. Каждое сердце на экране – крошечная доза цифровой любви. О, эти наркодилеры современности! Они подсаживают вас на иглу лайков и репостов, превращая в пускающих слюну зомби, бесконечно скроллящих ленту в поисках очередной дозы дофамина. А вы, между делом, пролистываете чужие жизни с выражением лица, которое раньше было доступно только коалам в коме.

Чем лучше вы распознаёте собственные реакции, тем сложнее вас дергать за ниточки, как нервную марионетку в театре гормонов. Вы начинаете ловить момент, когда кто-то пытается сыграть на клавишах ваших древних инстинктов: разжечь тревогу, раздуть гнев до боевого пламени или заманить в капкан иллюзии срочности – *хватай, пока не убежало!*

Осмысление – это тот самый микросекундный тайм-аут

между стимулом и ответом, маленькая, но драгоценная пауза, где зарождается свобода. И вот уже вместо рефлекторного *бей или беги* вы, в лучших традициях сапиенсов, осознанно выбираете, как именно реагировать – или не реагировать вообще.

Вот она, наша суперспособность: мы не обязаны быть рабами своих программ. Инстинкты – не приговор, а черновик. Да, они – первичный код, заложенный эволюцией, как автоматическая система пожаротушения. Но архитектура разума позволяет строить над ним что угодно. Мы можем пытаться переписывать эти древние сценарии, адаптируя их под свою реальность. Потому что человек – это не просто плоть на костях с набором поведенческих макросов. Это выбор. Это способность сказать: *Окей, я слышу этот сигнал, но поступлю иначе.*

Ирония в том, что именно эти реакции – причина, по которой мы вообще дотянули до сегодняшнего дня. Они спасали нас миллионы лет назад и продолжают выручать сейчас, пусть временами и выглядят нелепо в контексте современного мира. Увы, эволюция – не стартап с питчем на миллиард, тут нельзя закачать кэш, выкатить презентацию и ждать, что природа выкатит MVP. Всё дольше, больше и без гарантий. У эволюции нет бюджетов и инвестиций – и обновлений раз в месяц не завезут. Наш внутренний компас всё ещё настроен на пещеры, саблезубых соседей и хруст ветки в кустах, а не на open space, дедлайны и KPI, свисающие с потолка, как

цифровые лианы.

Так что если в стрессовой ситуации вы вдруг ловите себя на том, что *действуете на автомате* – не спешите судить себя слишком строго. Это просто включился ваш внутренний автопилот. Возможно, он не блистает адаптивностью, зато надёжен, как дубина из оленьего бедра: неуклюж, неудобен, но спасает. Работает безотказно уже миллионы лет – ещё со времён, когда стресс был синонимом злобного рычания и скрежета когтей, а не звонка от начальства в Zoom.

Вот она, правда жизни, господа приматы в костюмах, с дипломами и с фитнес-браслетами: ваши инстинкты – это встроенный аварийный генератор, который природа прикрутила на случай, если ваш хвалёный интеллект вдруг решит поразмышлять о смысле жизни в момент, когда надо просто бежать и не оглядываться. Они срабатывают быстрее, чем вы успеваете сказать *эво...*, спасая ваши благородные задницы там, где мозг, этот вальяжный эстет, ещё лениво потягивает нейронный кофе.

Но не спешите хлопать себя по плечу за мнимую продвинутость. Даже в нашем якобы цивилизованном обществе, где мы напыженно пестуем разум, культуру и прочие продукты неолитической самоуверенности, львиная доля решений всё ещё диктуется теми самыми древними скриптами. Ваш мозг может сколько угодно наряжаться в костюм Эйнштейна, но под капотом у него по-прежнему тот же архаичный движок эпохи каменных топоров и костяных иголок.

И вот тут начинается настоящее веселье. Эти умильные инстинкты, помимо того, что спасают вас от саблезубых кошек современности (читай: дедлайнов, разъярённых боссов и сообщений с пометкой *срочно*), с не меньшим энтузиазмом превращают вас в управляемых кукол – стоит кому-то овладеть схемой управления. Политики, маркетологи, инфлюенсеры, коучи, гуру самопомощи и другие профессиональные дрессировщики – все они давно освоили нотную грамоту ваших первобытных мелодий, чтобы заставить вас бояться, покупать, и подчиняться.

Играют легко: пару нажимов на страх, легато по вожделинию, трель по тщеславию, стаккато по зависти, вибрато по чувству вины – и вы уже танцуете, как заведённый шаманский бубен.

Что же делать, спросите вы. Отключить древние механизмы? Удачи. Скорее уж вы уговорите свою бабушку завести Telegram-канал и вести там прямые эфиры на тему *mindfulness*. Нет, друзья, иллюзий быть не должно. Единственный реальный путь – научиться укрощать своих внутренних зверей. Не глушить, не стирать под ноль, а, подобно терпеливому укротителю, встать в центр арены с кнутом миропонимания.

Опасно? Ещё бы. Сложно? Без сомнений. Но если получится – у вас будет самый эффектный номер в этом вечно шумном цирке под названием *жизнь*.

Ключ к свободе – знание. Критическое мышление – ваш

единственный щит в мире, где каждый второй норовит проникнуть вам в черепную коробку и устроить там вечеринку в стиле *купи, голосуй, подпишись, и не думай слишком много*. Поняв, как ваши милые инстинкты превращаются в рычаги управления, вы наконец сможете охранять свой разум от непрошенных вторжений и чужих попыток сделать из вас послушную овцу в стаде потребителей – как бы вежливо и красиво они ни были замаскированы под заботу, вдохновение или персонализированную рекламу.

Так что открывайте глаза пошире, господа разумные. Ваш внутренний неандерталец никуда не делся. Он всё ещё здесь – стоит на вахте – вспыльчивый, подозрительный, с неровной походкой, несвежим дыханием и отличной реакцией на шорох в кустах. И, поверьте, он не прочь перехватить штурвал в любой непонятной ситуации.

Ваша задача – не свергать его с пьедестала, но и не позволять ему править бал. Это не изгнание, это договор о ненападении. Вы – капитан, он – ваш старпом по безопасности. Ведь, как ни крути, именно благодаря ему вы всё ещё здесь, а не в чьём-то меню миллион лет назад. И если вы научитесь работать в тандеме, то, возможно, не просто выживете, но и станете чем-то большим, чем просто усовершенствованной обезьяной с кредиткой и тревожным расстройством.

Разум – не противоположность инстинкту. Это его эволюционное продолжение. И, как любой хороший инструмент, он требует не только апгрейда, но и понимания, как работа-

ет старая версия. Только тогда у вас появится шанс не быть ведомым, а вести. Не быть использованным – а выбирать. Не просто реагировать – а жить *осознанно*.

О, опять это слово... Затёртое, как мантра на кружке с Буддой. Но, чёрт побери, в нём всё ещё есть сила. А если повезёт – и вкус. Потому что, да: можно не просто выживать, а – жить.

И, представьте себе, с удовольствием.

Голод и жадность

Пищевой инстинкт – это базовый двигатель всей цивилизационной кухни. Он урчит, скрежещет и дымит, работая на трёх древних передачах: *найти, захватить и удержать*. Причём *удержать* желательно с таким запасом, чтобы хватило не просто на чёрный день, а на чёрную вечность – с ядерным апокалипсисом и полной распродажей человечности в придачу. А если по ходу дела возникает необходимость отнять еду у соседа – ну что ж, *кто не успел, тот стал калориями для более решительного*. Жестокость? Нет. Это всего лишь биология, экономика и примитивная философия под названием *Что бы ещё сожрать?*

В природе всё предельно честно: проголодался – иди и добудь. Волки объединяются в стаи и устраивают слаженное коллективное смертоубийство, без иллюзий и HR-отдела. Медведь, не моргнув, отбирает рыбу у менее удачливого сородича – никаких сантиментов, только белки и жиры. Даже ваши обожаемые мимимишные котики – хищники до костей. Один прыжок, и рыбёшка обречена, а мурлыканье после – это не благодарность, это саундтрек к личной победе.

Травоядные? Не стройте иллюзий. Попробуйте отобрать куст у голодного оленя – и в следующий момент узнаете, как ково это, когда в ваш лоб врежется копыто. Жирафы устраивают дуэли шеями, как медленные фехтовальщики доисто-

рической школы Mortal Kombat – за право дожевать последние листья. А пчёлы, эти крошечные утописты с социальной архитектурой, в один момент превращаются в самоубийц с жалами – если кто-то покусится на их драгоценный мёд.

И, заметьте – никто не заморачивается вопросами морали. Ресурс есть ресурс, и пощады не ждите. Потому что в мире инстинктов гуманизм – это роскошь, которую можно себе позволить только на сытый желудок.

Человеческий пищевой инстинкт остался прежним – только теперь его припудрили маркетингом, обернули в упаковку с дизайном и присыпали пудрой этики. Охота из саванны эволюционировала в стратегическую экспедицию в супермаркет. Вместо копий и ловушек – тележки с разбитыми колесами, вместо сумчатых тигров – агрессивные бабули с опытом локтевого боя и идеальным знанием маршрутов к отделу *Акции недели*. Они не бегают – они преследуют. Не рычат – но смотрят так, что хочется уступить им и путь, и продукты, и пенсию. Еще бы. В очереди за скидочным сосисками они способны уработать любого хищника. Например, дедулю- пенсионера из той же очереди.

Завоевание ресурсов теперь происходит под люминесцентным светом и звуки радио Relax FM: битва за последнюю банку тунца, вежливый геноцид у холодильника с йогуртами, тактическое наступление в отделе круп. Но суть та же: *еда = ресурсы, ресурсы = контроль, контроль = спокойствие, желательно до конца времён или хотя бы до дня вы-*

дачи аванса.

Вы возвращаетесь домой, потрёпанные, но победившие – и обнаруживаете, что ваш кухонный шкаф больше напоминает бункер. Тут – девять банок тушёнки, там – башня из гречки, способная пережить не только наступающую, но и ядерную зиму. В морозилке – стратегическая треска. И макароны. Макароны везде. В ящике, в кладовке, на балконе. Потому что *ну а вдруг*. А вдруг снова локдаун. А вдруг электричество станет валютой. Или а вдруг опять войдёт в моду средневековый каннибализм – кто знает? Всё логично. Лучше переесть, чем недоесть. Или, как подсказывает рептильный мозг, *лучше быть параноиком с запасами, чем мёртвым оптимистом с пустой полкой.*

Пищевой инстинкт – это не просто биология. Это древний компас, который делит мир на две категории: тех, кто ест, и тех, кто смотрит, как едят другие. На сытых и голодных. На хозяев пиршества и вечных наблюдателей. Именно этот простой, но безжалостный механизм однажды вытолкнул человечество из уютных пещер – сначала к сражениям за плодородные земли, потом к колонизациям, а затем и к торговым блокадам, вежливо маскирующим старую добрую экспансию под геополитику.

И вот еда перестаёт быть просто едой. Она становится рычагом, флагом, ультиматумом. Инструментом власти. Хочешь подчинить народ? Перекрой доступ к зерну. Хочешь рулить всем материком, как личным чат-ботом? Вводи эм-

барго, строй продовольственные монополии и называй это *стабильностью и борьбой за права человека*.

Еда – это валюта, за которую всегда платили кровью. И, если быть честным, ничего не изменилось. Голодные бунты до сих пор разрывают цивилизацию с той же интенсивностью, что и тысячу лет назад. Потому что в каждом из нас, в подкорке, всё ещё живёт зверёныш, которому плевать на идеологии, лозунги и сложносочинённые речи. Он говорит просто: *Хочу есть. Сейчас*.

Именно этот пещерный диктатор, уютно свернувшийся где-то в районе солнечного сплетения, первым начинает тревожиться при виде пустеющей полки – даже если дома уже пять банок точно такого же зелёного горошка. Это он возбуждённо шепчет в супермаркете: *Жрачка по скидке! Бери, пока дают!* – потому что вдруг завтра всё схлопнется: кризис, война, новый виток светопреставления или, упаси нейросети, очередной всплеск птичьего гриппа. И всё – без яиц, без омлета, без шанса выжить в этой нелепой цивилизации, где даже завтрак может стать роскошью.

Армагеддон сегодня – это, скорее, отсутствие авокадо в любимом эко-маркете. Но древнему инстинкту всё равно. Он не знает, что такое фудшеринг и zero waste. Он реагирует так же, как миллионы лет назад: *Запасайся. Защищай. Существой*.

Мы стали заложниками абсурдного цикла. Рабами маркетологов, играющих на наших древнейших страхах. Неволь-

никами собственных привычек, переодетых в наряд *заботы о будущем*. Посмотрите вокруг: реклама еды – это не просто демонстрация продуктов, это активация инстинкта. Сочные бургеры на билбордах, медленно тающий шоколад, счастливые семьи, собирающиеся за идеально накрытым столом – всё это не про еду. Это про охоту. Только теперь охотятся на нас. Каждый день, в каждом походе в магазин, при каждой прокрутке ленты. Мягко. Методично. Без когтей, но с бюджетами в триллионы.

Так пищевой инстинкт – некогда двигатель эволюции – превратился в утончённый механизм самоуничтожения. Мы обрастаем лишним жиром, выбрасываем тонны еды, сражаемся с диабетом, ожирением и сердечными болезнями, **но всё равно не можем перестать жрать**. Почему? Потому что наш мозг всё ещё прописан в каменном веке. Он не различает настоящий голод и эмоциональное *чем бы заесть тоску*. Ему плевать, что вам просто скучно, одиноко или тревожно. Он шепчет старое доброе: *Ешь, пока еда есть*. Вдруг завтра – голод, зима, мамонты исчезнут, и останется только корень лопуха и чувство внутренней стойкости.

Но времена изменились. Холодильник ломится от запасов. Доставка приезжает быстрее, чем скапается реклама на YouTube. Мы больше не в пещере, и голод больше не угроза – это просто сигнал. Фон. Отголосок. И настоящая сила сегодня – не в том, чтобы *запаситься*, а в том, чтобы *удержаться*. Не схватить про запас то, что тихо умрёт в темно-

те кухонного шкафа. Не впихнуть в себя лишний кусок. Не поддаваться панике при приближении очередного кризиса.

Пусть разум в этой пьесе – не главный герой, а скорее сдержанный голос из-за кулис, но именно он способен в нужный момент выйти на сцену и сорвать овации, если ему дать слово. Это он, едва слышно, но настойчиво, шепчет: *Ты не обязан сметать всё, что блестит.* Он напоминает, что акционные чипсы – это не вопрос выживания, а чей-то маркетинговый триумф. Что пустой холодильник раз в неделю – не катастрофа, а шанс пересобрать сценарий собственных привычек. Не каждый порыв – это зов голода. Не каждый внутренний сигнал требует немедленного жертвоприношения – хоть и в виде пончика.

Ведь пещерный человек в вас не ушёл восвояси – он просто адаптировался. Он больше не бежит с копьём за кабаном, он листает меню доставки. Он больше не охотится на дичь, он охотится на акции. Теперь его арена – это супермаркет и лента рекомендаций. А его сражение – за кратковременное облегчение, за дофаминовый укол вместо реального выбора.

Так что в следующий раз, набивая холодильник до отказа или разогревая третью подряд пиццу в микроволновке, вспомните: где-то внутри вас всё ещё сидит питекантроп, который готов драться за последний кусок. И неважно, что этот кусок теперь упакован в пластиковую плёнку и продаётся со скидкой 50%. Этот механизм – наследие прошлого, когда одна ошибка означала смерть от голода. И сейчас, пока мы

плотно ужинаем перед телевизором, наш мозг тихо шепчет: *Ещё кусочек. Ну пожалуйста. На всякий случай.*

Но главное – наш разум остаётся последней линией обороны в мире, где еда давно перестала быть просто пищей и превратилась в товар, инструмент манипуляции и форму зависимости. Не позволяйте своему внутреннему *пещерному человеку* садиться за штурвал. А если вдруг случится тот самый апокалипсис – куда уж без него – куда разумнее знать, как развести огонь и поймать рыбу, чем копить под кроватью сгущёнку и надеяться, что пронесёт. Или что вас, как обычно, это не коснётся.

Пищевой инстинкт эволюционировал вместе с нами. Когда мамонты закончились, а каменные топоры сменились банковскими картами, фокус сместился. Мы больше не тащим кусок мяса из соседней пещеры – мы *забираем своё* более изощрённо.

Корпоративные махинации, серые схемы, налоговые лазейки – всё это тот же древний импульс, только в современном обличье. Это не про аморальность – это про игру. Игру на выживание, где вместо копий – юристы, вместо охоты – сделки, а вместо добычи – бонусы, акции и аккуратно мерцающие цифры на счёте.

Чем выше в *пищевой цепочке* находится человек, тем виртуознее он крадёт. Олигархи перекраивают рынки, корпорации поглощают конкурентов, а маркетологи изобретают такие изящные способы вытягивать из нас деньги, что мы ещё

и благодарим их за это. Купили очередной *незаменимый* гаджет, который сломается через год? Прекрасно. Вы только что добровольно расстались со своим ресурсом, а кто-то в верхних слоях пищевой пирамиды ловко подставил под него корзинку – и довольно потёр руки.

Рынок? Это джунгли. Просто с дресс-кодом и банковскими счетами. На первый взгляд кажется, что правила стали цивилизованнее – на деле они стали лишь утончённее. Теперь сильные не отнимают напрямую – они создают такие условия, в которых слабые отдают всё сами. Называйте это как хотите: бизнес, экономика, система, формация – суть не меняется. В её основе по-прежнему лежит эксплуатация инстинктов. И да – чем выше хочешь забраться, тем хитрее должен быть.

Главное – не забывать улыбаться.

Распродажи! И миллионы людей, сражающихся за вещи, которые им не нужны, только потому что цены скостили вдвое. Думаете, они действительно хотят всё это барахло? Нет. Они хотят *выиграть*. Заполучить, урвать, схватить раньше, чем это сделает кто-то другой. Это охота в чистом виде. Базовый инстинкт выживания в упаковке пиара.

Каждый, кто хоть раз смотрел пиратский фильм или скачивал книгу с торрентов, отлично знает: это не про преступление. Это про тихий внутренний голос, который шепчет:

Зачем платить, если можно бесплатно?

И вот что интересно: в современном мире *украсть* – это уже не про вырвать из рук. Это про то, чтобы перехитрить. Систему. Алгоритм. Друг друга. Люди крадут не только вещи – они воруют идеи, внимание, *время*. О, да – время! Особенно время. Самый ценный ресурс, который нельзя ни заработать, ни отложить, ни переслать курьером.

Но давайте честно: все эти новые формы воровства не взялись из вакуума. Мы просто играем по правилам, которые диктует пейзаж эпохи. Когда один берёт кредит, чтобы дотянуть до зарплаты, а другой – чтобы заказать себе яхту размером с озеро, становится очевидно: в этой системе что-то треснуло. Кто-то оказался проворнее, кто-то – наглее, а кто-то слишком долго верил, что честным трудом можно достичь того же, что и львы в тени.

Природа, в отличие от материального мира, в этом смысле проще – и, как ни странно, честнее. У зверей нет иллюзий, что справедливость может быть восстановлена. Нет надежд, что кто-то придёт и вернёт украденное. Никаких судов, никаких кассаций, никаких адвокатов с портфелями из кожи бывших сородичей. Есть только два закона: сила и хитрость. Всё остальное – утопия для *Homo sapiens*.

Те же львы, например. Эти глянцево-романтизированные тиранозавры саванны – вовсе не героические охотники, а тонко настроенные механизмы биологического рэкета. Настоящие короли не джунглей – коварства. Главный самец

прайда – это не спринтер и не воин, а ведущий специалист по стоянию сбоку. Пока львицы валят добычу, он лениво зе-вает под акацией, дожидаясь момента. А потом важно выхо-дит, отбирает лучший кусок и опять уходит в тень. Это не наглость – это натуральный налог на наличие мышц.

Шимпанзе – настоящие виртуозы кражи. Их трюки с едой напоминают комедийное шоу: воруют так ловко, что жертва даже не замечает. Но если кто-то начинает играть чересчур вольно – коллектив быстренько напоминает, где заканчива-ется свобода и начинается стая.

А чайки? Чистый анархизм с крыльями. Пернатые банди-ты, для которых понятие *частная собственность* – не боль-ше чем шум прибора. Они не просят, не договариваются, не благодарят. Просто налетают – на рыбацкую лодку, на при-брежное кафе, на твою руку с булкой. Пока ты моргаешь от неожиданности, твой сэндвич уже уносится в небо, как ма-ленький гастрономический НЛО.

Вот так работает природа. Прямо, без прикрас. Там, где у нас дебаты о справедливости, у них – движение к ресурсу.

А человек? Мы прикрываемся договорами, корпоратив-ной этикой и витиеватыми словами вроде *честность* и *спра-ведливость*, но под лакированной поверхностью всё тот же первобытный голос шепчет изнутри: *Хочешь выжить? За-бери. Если не ты – заберут у тебя.*

Да, общество изобрело костыли: законы, тюрьмы, штра-фы – целый свод ритуалов, придуманных исключительно для

того, чтобы удерживать зверя на цепи. Но стоит системе качнуться, стоит привычному порядку дать сбой – и он просыпается первым. **Пищевой инстинкт. Укради и убегай.** Он не будет рассуждать о морали, ему не нужны аргументы, ему до лампочки на все мыслеформы – только доступ к ресурсу.

И именно он подскажет вам как выжить, когда ресурсов на всех не хватит.

В конце концов, всё сводится к одному простому вопросу: что вы готовы сделать, чтобы не остаться ни с чем? Пока всё спокойно – холодильник довольно урчит, курьер вбивает код домофона, а жизнь идёт по графику – можно позволить себе поиграть в приличия. Но стоит отключить свет, обрубить цепочки поставок и размыть тонкую грань между *можно* и *нельзя* – и сразу видно: кто здесь лев, кто – шакал, а кто был добычей со старта. Просто пока не знал.

Мы больше не метаем копыя и не крадём окорока у соседа по пещере. Цивилизация изобрела кое-что поизыщнее: теперь мы добываем *своё*, не вставая с дивана – пальцем по экрану и карточкой по терминалу. Вместо дубины – маркетинговый язык, отполированный до блеска корпоративной этикой и заливающийся соловьём про *ценности бренда*. Вместо ловушек – лендинг-страницы. Всё честно? Безусловно.

Правила опубликованы, пользовательское соглашение подписано, галочка стоит. Но суть осталась неизменной: каждый охотится. Просто теперь охота ведётся за вниманием, за лояльностью, за временем.

Кто быстрее урвёт – тот и альфа.

Распаковки на YouTube, реклама в Instagram, кредитки с лимитом до небес – это не просто фон. Это арена. Здесь каждый кадр – наживка, каждый клик – капкан. И когда вы *берёте по акции*, вас уже **взяли**. Ласково, добровольно, с кешбэком. Одна Чёрная пятница – и вот вы, оскалив зубы от щенячьего восторга, тащите домой пять пакетов того, без чего прекрасно жили ещё вчера.

Добро пожаловать в сафари нового времени: крови не видно, но охота вовсю идёт. Кто-то прикарманивает чужое время, кто-то угоняет идеи у конкурентов, кто-то – строит карьеру на чужой наивности. Один превращает людское простодушие в капитал, другой – чужую вовлечённость в личный актив. А кто-то организует бизнес на доверии – чтобы потом продать это доверие с хорошей наценкой.

В пищевой цепочке современности ты либо охотник, либо корм. А чаще – одновременно и то, и другое. **Выживают не сильнейшие, а самые обучаемые: те, кто первым освоил адаптивный интерфейс.** Приспособился – значит, извлекаешь выгоду. Монетизируешь чужой интерес, внимание, доверие, лояльность. Не успел – монетизируют уже тебя. И вот уже ты становишься ресурсом для тех, кто умеет. Всё просто.

И нет, это не грех. Это эволюция – с инстинктами, адаптированными к кнопке *Купить* и обонянием, улавливающим запахи распродаж и алгоритмической лояльности.

И не нужно утешать себя мыслью, что вся эта игра – где-то там, в башнях из стекла и бетона, среди акул с визитками и хищных фондов с цифровыми зубами. Нет. Это здесь. В нас. Вспомните, как вы занимали очередь *за друга*, пока он неспешно выбирал батон. Как проскочили на жёлтый, когда остальные уже покорно замерли в своих капсулах. Как скачали книгу, фильм или курс, убеждая себя, что *авторы и так богаты*. Как почувствовали сладкое тепло внутреннего триумфа, когда кассир по ошибке дал сдачу на двадцать рублей больше, и вы, – конечно же, – *не заметили*.

Все мы – мелкие браконьеры в собственных джунглях. Да, мы больше не рвём глотки за еду, но всё ещё крадём, обходим, приспособливаемся. Просто теперь мы делаем это тише, умнее и аккуратнее. По мелочи, *по-цивилизованному*. Без клыков, зато с банковским счётом и уверенной улыбкой. Это не порок – это биология в деликатной форме. Пищевой инстинкт, прошедший хороший апгрейд: теперь он носит костюм-тройку от Brioni, завёл деловые контакты, подписывает NDA и ловко жонглирует НДС.

Он сидит в каждом зазывном *не пропустите!*, в каждом письме *ваш бонус истекает*, в каждой сделке, где один выиграл, а другой даже не понял, что проиграл. Он есть в каждом успешном стартапе, в каждой хитрой акции и в каждом заманчивом предложении, которое кажется *слишком хорошим, чтобы быть правдой*. Это древний хищник, отточивший своё ремесло до маркетингового искусства.

И если завтра система мигнёт, заглохнет, упадёт – маски слетят. Блестящий фасад лопнет, и из-под него выглянет то, что всегда было рядом: охотник и добыча. Вечный танец зубов и инстинктов. Без ТЗ, без HR, без судов. Только голый выбор: съешь ты или съедят тебя. До тех пор, пока цивилизация держится на соплях договоров, иллюзии гуманизма и серверной стабильности, мы улыбаемся и работаем в команде. Но где-то под кнопкой *Согласен с условиями* всё ещё тихо урчит первобытный мозжечок.

Очередная глава человеческой истории захлопнулась – с фанфарами, TED-токама и пафосными мемами про прогресс. Но суть, как назло, осталась той же. Правила игры, по которым мы живём, старше городов, денег и алфавита. Инстинкты поднялись на уровень тонкой психологии, обзавелись соцсетями и подпиской на Yandex музыку.

Битва за ресурсы трансформировалась в тонкое фехтование вниманием, временем и деньгами. Мамонтов больше не валят – теперь их убеждают, проводят через воронку продаж и побеждают в конкурсе презентаций. Всё честно. Всё по правилам, которые никто не читал, да и без толку – они обновляются быстрее, чем вы успеете моргнуть.

Мы стали *культурными*. Но не перестали быть хищниками. Просто когти теперь скрыты под маникюром, а охота подаётся под соусом *персонализированного предложения*. Вы думаете, мир стал безопаснее? Ошибаетесь. Он стал утончённее. Теперь вместо засады с дубиной – баннер с тёплым

СТА и акцией, которая *только сегодня*. Вместо рёва охотника – пуш-уведомление: *Вы это искали? Успеите купить!* Вам улыбаются прямо с рекламного баннера и ведут по хитроумной воронке за руку прямо в ловушку, где вы сами с радостью отдадите последнее.

И что самое восхитительно-забавное – вся эта ловушка работает только потому, что мы *хотим* в неё попасть. Мы любим это чувство – когда *урвал, схватил, победил*. Нас бодрит адреналин скидки, как некогда бодрила перспектива не сдохнуть от голода.

Нам нужен этот псевдотрофей – вещь, покупка, галочка *Оплата совершена* – чтобы мозг выдал дозу дофамина, будто мы только что догнали антилопу и с наслаждением вонзили в неё зубы.

И даже если добыча окажется бесполезной, даже если через два дня она затеряется в пыльном углу – *момент охоты уже случился*. Нейрогормон выдан и мозг отметил галочку: задача выполнена. Система не требует результата – ей нужен сам процесс.

Антилопы нет, но скроллинг бесконечен.

В итоге современный мир – не что иное, как великая охота, растянутая на экраны, витрины и деловые кварталы. Миллионы охотников и столько же целей. Каждый из нас – одновременно и преследующий, и преследуемый.

Иллюзия выбора? Возможно. Но если вы уже на поле – примите простую истину: **каждый ваш шаг вперёд оплачен чьей-то ошибкой. За каждым выигрышем – чьё-то поражение. За каждым трофеем – чей-то огрызок.**

И знаете что? Это нормально. Эти инстинкты – часть нас. И они не делают нас злыми – они делают нас живыми. Выживание – не про справедливость, а про эффективность. Но есть нюанс: жадность – не стратегия. Это приманка. Потянешь слишком много – станешь примечательной целью. Схватишь чужое – не удивляйся, когда схватят твоё.

Главное – не потерять голову в этом сверкающем хаосе. Природа может быть жестокой, но у неё строгая отчётность и феноменальная память. Она всегда рассчитывается по заслугам: хищникам – трофеи, всем зазевавшимся – капканы. **Удача – это просто хорошо замаскированная адаптация.** Так что не обманывайтесь: мир не стал добрее. Он стал умнее, хитрее, тоньше, – *техничнее*. А значит, и вам придётся быть техничнее, чтобы не просто выжить, но и вынырнуть на поверхность хоть с чем-то в зубах.

В конце концов, как говорится, выживает сильнейший. Хотя, если быть точным – выживает тот, кто раньше других понял, что игра изменилась.

А вот правила – нет.

Право первой крови

Территориальный инстинкт. Звучит солидно, почти как диагноз из учебника по поведенческой психологии. В реальности – древний импульс, встроенный в позвоночник, заставляющий любое живое существо вцепиться в свой клочок пространства так, будто за забором конец света.

У зверей всё прозрачно: метнул струю на дерево, рывкнул в кустах, ударил копытом о землю, продемонстрировал клыки – и можешь спокойно жевать добычу, в округе никто не рискнёт сунуться. Территория помечена, правила понятны, нарушителей немного. Потеря своей территории? Ну, это билет в один конец: голод, гибель и конец генеалогического древа.

Но люди – мастера маскировки своих первобытных позывов. Утончённые ловкачи. Мы не просто охраняем границы, мы их эстетизируем. Мы превращаем инстинкт в идеологию, придаём ему лоск и даём благородные имена: *патриотизм, частная собственность, родовое гнездо*. Мы поднимаем заборы, будто за ними не сарай из шлакоблоков и старый мангал, а секрет бессмертия. Строим стены, чертим линии на картах, заводим армии, изобретаем визы, огораживаемся паспортным контролем – и всё это, чтобы никто не посмел приблизиться к нашему бесценному углу, где стоит тот самый диван, заботливо продавленный годами лежания.

А в повседневности? Те же правила. Только формы деликатнее, а выражения – цивилизованнее. Парковочное место – не просто кусок асфальта, а символ. Попробуй встать *не туда* – и тебе спокойно, но предельно ясно объяснят, что мир по-прежнему делится на *моё* и *чужое*. Рабочий стол, заваленный бумагами и невымытыми чашками, – неприкосновенная территория. И чужая клавиатура здесь уже не просто предмет, а акт вторжения.

Наш дом – не просто жилище, а персональный бастион. Мы выстраиваем баррикады из правил и ритуалов, маркируем каждый метр, отстаиваем границы даже в трамвае. Любая попытка влезть без приглашения – и вы станете свидетелем того, как первобытное пламя вспыхивает в глазах у существа, которое прямо сейчас гуглит *практики осознанности*. Мы больше не рвёмся в бой – мы устанавливаем границы, как флажки на Луне: молча, но с намерением *навсегда*. Мы больше не рычим – мы пассивно-агрессивно *занимаем пространство*. Ибо священное.

Территория – это не про стены. Это про контроль. И чем больше у нас снаружи цивилизации, тем тоньше и острее внутренний рев: *это моё, руки прочь!*

Но всё это бытовое безумие – лишь малая сцена для больших драм. Когда дело доходит до настоящих территорий, тех самых, что на сырой земле, – начинается спектакль совсем иного масштаба. Войны, склоки, кровавая свистопляска за клочок суши, который порой не стоит и меди. И нет, это во-

все не про прогресс. Это всё то же старое доброе: если не ты – то тебя. Потому что владеть территорией значит иметь право на существование. По крайней мере, так нас убеждают. *Независимость и суверенитет* – вот эти слова, это то самое.

А политики? Они и вовсе сделали из территориального инстинкта волшебную палочку. Хочешь управлять толпой? Раздели мир на *своих* и *чужих*. Приём древний, как наскальные рисунки, но работает до сих пор: даже вялый оратор способен разогнать патриотизм до такой температуры, что у всех в зале свёрнутые в карманах стяги начинают зудеть, как усы у прапора накануне парада в честь великих побед. А под всей этой блестящей упаковкой *защиты родного очага* чаще всего скрывается банальная жадность: прихватить чужое, прикрывшись лозунгами о *величии нации*, и оставить толпу гордиться тем, что её в который раз обвели вокруг пальца.

Национализм, ура-патриотизм, вся эта риторика – это все не про родину. Это всё та же неутомимая жажда занять, отстоять, отстроить, огородить. Хотите увидеть территориальный инстинкт в его самом мелком, но честном проявлении? Пройдитесь по дворам. Парковки, обнесённые покрывками и мусорными баками, – это уже не просто места для стоянок, а настоящие мини-крепости. Современный аналог рва с крокодилами. Садовые участки, превращённые в бастионы с колючей проволокой, – о да, мы бы и пулемёты поставили, если бы можно было. Кодовые замки на подъездах? Это не про безопасность. Это про сигнал: *мы готовы*

к обороне.

Офисы! Попробуйте занять чужой стол – и вы получите взгляд, способный расплавить металл. Кажется, ещё чуть-чуть – и кто-то обклеит свой скотчем, чтобы подчеркнуть: *здесь кончается ваше*. А очередь? Это вообще священное поле боя. Попробуйте вклиниться без приглашения – и на-ткнётесь на гнев, сравнимый разве что с яростью медведицы, защищающей медвежат. Очередь – это неписаная конституция, и любое её нарушение приравнивается к объявлению локальной войны.

А квартирные войны? Соседи будут сражаться до последнего за право их ребёнка первым вскочить на качели, за каждый неосторожный шаг, отдавшийся эхом за стеной, за каждую кошку, осмелившуюся нагадить в *не тот* цветник. И попробуйте только сказать, что вам всё равно – в тот же день вам выпишут почётный титул врага народа. А вечером вас уже будут обсуждать на лестничной клетке, чертя в воздухе стратегию партизанской осады.

И даже в цифровом мире эта древняя чума не сдаёт позиций. Соцсети стали новыми анклавами, и здесь всё повзрослому: удалили из друзей? Всё, вы вычеркнуты из жизни. Враг. Оспорили мнение в комментариях? Война. Аккаунты с тысячами подписчиков – это цифровые крепости, где владельцы, забравшись на башню из своего эго, вещают о собственном величии всем, кто не успел нажать *Отписаться*. Эта виртуальная земля не ничейная – *своя*, и бороться за

неё готовы не менее яростно, чем за парковку под окнами.

Территориальный инстинкт – это не просто эхо пещерной жизни, а эволюционно закалённая агрессия, изящно упакованная в деловой костюм и обложенная статьями административного кодекса. Теперь он говорит на языке директив, прикрывается моралью и аплодирует сам себе с экранов токшоу. И конечно, прячется за благородными формулировками вроде *уважения к законам, права на частную собственность и святого долга перед нацией*.

По сути, это всё та же древняя бестия – только вместо когтей теперь законоведы, а вместо пасти – телевизоры с круглосуточным вещанием. Современный камуфляж для всё той же агрессии. Просто сегодня мы больше не размахиваем копьями – мы размахиваем флагами, подписываем меморандумы и торгуем боевыми дронами с тем же азартом, с каким когда-то торговали солью и пряностями. И всё это – ну конечно же! – под нежным соусом благородства.

Любой военный конфликт начинается с душераздирающей сказки о защите чего-то *святого*. Родины, народа, исторической памяти, линии на карте, которую кто-то когда-то нарисовал дрожащей рукой в кабинете с портретом императора. Идеально поставленная драма, где *защита родной земли* – главный маркетинговый слоган.

Представление начинается: гремят фанфары, brave генералы лупят пяткой в грудь, политики пафосными речами выдавливают слёзы из толпы. Всё остальное – просто анту-

раж: марш-броски камер, стройные ряды журналистов, и декорации в виде разрушенных зданий, можно со старушкой с флагом на фоне – не помешает. И пока народ в зале хлопает и швыряет шапки вверх, власть, как опытный барыга, за кулисами переписывает нули в контрактах и прочерчивает новые маршруты поставок.

Политики – не львы, не пастыри, не пророки. Они – фокусники на службе. Как заправские иллюзионисты, ловко размахивают лозунгами, прикрывая ими всё: от авантюрных вторжений до аннексий. Их дело – отвлечь взгляд, пока рука тянется к чужому. Всё остальное – пыль, громкие слова, театральный дым и пафос на вынос. Вы думаете, это про *нацию*? Не дождётесь. За этой дешёвой опереттой всегда стоят одни и те же люди – *владельцы пульта от всего*.

Тайные редакторы вашей реальности. Дирекция вашего бессознательного.

В их руках патриотизм – идеальный костыль для шантажа, мобилизации и контроля: это всё про прибыль, влияние и новые куски пирога, которые вот-вот отправятся на кухню победителей – торжественным чеканным шагом и на серебряных подносах.

Национализм – удобоваримая приправа. Как кетчуп: заливает всё – от протухшей политики до гнилых экономических схем, перебивая запах. Им можно замариновать любую, даже самую зловонную идею – главное, подать с гарниром из военной формы, барабанов и набивных лозунгов.

На упаковке – слова вроде *честь, свобода, память предков*. Толпа глотает это не раздумывая – даже не жуя. Ведь если ты *свой* – значит, *прав*. А если так – **значит можно всё**. Даже то, что потом останется в музейных витринах: ржавчина, рваные кирзачи, поцарапанные ордена, кровь по краям военника – следы от *Великой эпохи*, которая всё равно сдохла.

А чувство *национальной идентичности*? Всего лишь бренд, не более осязаемый, чем герб на сувенирной кружке. Сегодня – *святое наследие*, завтра – свеженький логотип для продажи того же самого товара: госграниц, которые нарисовали всего пару веков назад.

Патриотизм – удобный повод для травли. Вещь отменная – его легко превратить в дубинку, которой с размаху лупят по тем, кто *недостаточно свой*. Им удобно затыкать несогласных, вешать ярлыки на тех, кто *недостаточно верит*. Не разделяешь идеалы – получи клеймо предателя. Не участвуешь в шовинистическом экстазе – вставай в строй чужаков. Это универсальный способ разжечь толпу и подавить несогласных. Агрессию оправдают *богом-данной-миссией*, репрессии – защитой общих интересов.

Схема простая: когда аргументы заканчиваются и логика бессильна – запускается святой пафос.

Включите новости – и увидите, как примитивный инстинкт обнимает чиновничий галстук и превращается в государственную стратегию. Кто не с нами – тот против нас. Голос несогласия – саботаж. Вопросы к системе – подрыв

стабильности. Даже молчание подозрительно. Нейтралитет – это роскошь, которую система не может себе позволить. Или ты размахиваешь госфлагом, или он затянут тугим узлом у тебя на шее.

И только два ярлыка в наличии: *патриот* или *враг*. **Выбирай.**

Мы ушли от зверей не так далеко, как нам кажется. Они кидаются на чужаков, защищая своё – инстинктивно. Мы – заворачиваем этот же импульс в паспорта, гимны, парады и флаги. Чужаков теперь не просто изгоняют. Их методично стирают – морально, экономически и физически. И всё под знаменем великих целей, ради которых – якобы – нужно подавить всё инакомыслящее.

Священный долг – ширма практичная. За ней – запрет на сомнение, на критику и на самый опасный вопрос: *зачем*. Всё, разумеется, во имя мифического *общего блага*. Ну конечно, же. Ради того, чтобы кто-то, стоящий наверху, мог с гордым видом произнести: *Мы сделали это ради вас*.

Вот она – величайшая иллюзия человечества: *одни люди лучше других*. Абсолютный чемпион среди всех самообманов. Из этой дрожжевой закваски столетиями растут самые опасные формы общественной плесени: нацизм, фашизм, шовинизм, либерализм, религиозный экстаз, радикальный феминизм, этнические чистки и все остальные эпизоды кол-

лективного безумия. Именно из-за этой нелепой идеи Homo sapiens – гордое существо с высокоразвитым мозгом – с завидным упорством урчит и режет себе подобных, придумывает рабство, оправдывает тиранию и запускает войны как регулярные апдейты цивилизации.

Отсюда прорастают все наши *великие достижения*: лагерь смерти, работорговля, оккупации, крестовые походы, революции и холокосты. Это не сбой. **Это стратегия вида.** В отличие от волков и львов, человек сражается не за еду – за абстракции. За мнимое превосходство. За фантомы, которым сам же и поклоняется.

И этот карнавал с кастами, расами, народами, гендерными культурами и самозванцами в роли богоизбранных каждый раз заканчивается одинаково. Очередной геноцид, очередная революция, очередной сладковатый запах горелого мяса на улицах. А главное – иллюзия *правильных* и *неправильных* людей никуда не девается. Её аккуратно упаковывают в предания, заворачивают в школьные учебники, хранят в серванте – рядышком с семейной Библией и бабушкиным фарфором.

Наследие, знаете ли.

А вот и он – *свой-чужой* – древнейший фильтр восприятия, встроенный в прошивку нашего мозга задолго до появления речи. Только есть проблемка: апдейты к этому софту

перестали выходить ещё в эпоху, когда люди жили в пещерах и ели сырых диплодоков без соли: он как работал в палеолите, так и продолжает работать с багами в TikTok-эпоху.

Принцип простейший: если *оно* выглядит не как мы и пахнет не как мы, то, скорее всего, *это* надо убить.

В своё время, пока гоминиды гонялись за живностью по саванне и прятались от зубастых конкурентов, это было гениальное решение. Меньше раздумий – выше шанс дожить до заката. Но теперь, когда можно заказать васаби и филладельфию в три клика, лёжа в рваных трусах и экзистенциальной апатии, этот *протокол безопасности* превращает нас в коллективного дебила с манией разделять всё вокруг на *наших* и *ваших*.

Своих лелеем, от *чужих* шарахаемся – и каждый раз делаем вид, будто не понимаем, откуда дежавю. А история вновь нажимает *реплей*.

Ксенофобия – это когда этот древний софт конкретно глючит. Представьте – у вас в голове всплывает диалоговое окно: *Доверять этому человеку?* Но курсор упрямо зависает на *Нет*, потому что у него другой акцент, не тот цвет кожи или, о Боги! – странный взгляд на пиццу с ананасами. Нет, это не про инстинкты выживания. Это ошибка системы. Глюк. Но мозг, этот древний кодер на биологическом JavaScript'е, отказывается признать проблему. Он не апдейтится. Он пугается, когда что-то не вписывается в знакомую картинку, и вместо того чтобы разобраться – лихорадочно

жмёт *Удалить угрозу*.

И вот этот *глюк* оказался золотой жилой. Торговые марки, политики, религии – все они превратились в серых хакеров, взламывающих мозг, чтобы залезть к нам в карман, в избирательный бюллетень и прямоком в душу. Они ковыряются в нашем внутреннем коде и играют на страхе *чужого*, как пианист-виртуоз по тревожным клавишам – всё ради собственной выгоды. Эти кибер-жрецы давно научились вскрывать баги нашей психики, как домушник вскрывает замок. Не чинят, не лечат, не улучшают. Эксплуатируют. Подсовывают нужные лица, образы, лозунги – и страх *не такого, как ты* начинает пахать на них. Надолго и продуктивно.

В мире брендов нет места нейтральности – ты либо *свой*, либо *чужой*. Забудьте про продукт. Ты не носишь кроссовки – ты демонстрируешь племенную принадлежность. Даже кофе теперь пьётся с манифестом: у каждого сорта – **своя позиция** (sic!), у каждого стаканчика – свой флаг. Логотипы стали тотемами, рекламные слоганы – боевыми гимнами корпоративных кланов. Купил? Добро пожаловать в клуб, вот тебе почётный значок на грудь. Нет? Ну извини, ты выбрал неправильную газировку, мы тебе больше не друзья.

Но не обманывайтесь: это не про любовь. **Это про арендованную идентичность**. Всё, как в стрип-клубе самооценки – пока платишь, тебе улыбаются. Как только кошелёк худеет – тебя выписывают из племени и вышвыривают за пол маркетингового шатра. Из *своего* ты мгновенно превра-

щаешься в чужака, застрявшего в серой зоне потребительского небытия.

В мире брендов не бывает настоящих *своих* – есть только клиенты разной степени финансовой выносливости.

Вот тут и выходит на авансцену старый добрый страх. Древний, как плесень в складках мозга, как пыль на нейронах времени. **Мы боимся быть чужими.** Почему? Потому что с тех самых времён, когда неолит ещё только топал босиком по земле, *чужой* означал одно: *угроза*. Если не он – тебя, то ты – его. Выживание через исключение.

Этот инстинктивный ужас так глубоко в нас врос, что стал врожденной уязвимостью. И сегодня его вскрывают с хирургической точностью. Без крови – но с отличным результатом. Мы даже не замечаем, как нас снова раскручивают на бестолковый статусный блеск, на вход в *элитный* клубный загон, на бессмысленный лайк в сторону знакомого логотипа. Всё идёт по манежному кругу: шаг за шагом, петля за петлёй, пока мы бредём по чужим маршрутам, где правила написаны теми, кто давно не ходит пешком.

Инстинктивная инородческая неприязнь к *чужому* – и есть тот самый доисторический страх. Наша красная тревожная кнопка, срабатывающая на любой раздражитель, помеченный как *не наше*. Зеркало древней глупости, теперь в позолоченной рамке XXI века. Логика? Пфф. Чужая еда? Брезгуем. Неправильный клуб? Презираем.

Рациональность? Не смешите рептилию в мозжечке. Иная

вера? Сжигаем – пусть не на костре, но в комментариях точно. А самое абсурдное – умудряемся ненавидеть тех, кто похож на нас настолько, что смотреть больно. Потому что слишком напоминают, насколько мы ничем не лучше.

Люди могут до хрипоты спорить, чья религия ближе к божественной правде, но с тем же остервенением крушат тех, кто поклоняется тому же самому Богу, только с другим меню настроек. Православные прищуриваются на католиков, сунниты грызут шиитов. Всё ради иллюзии монополии на небесный шезлонг и молочный коктейль с архангелом. По подписке, конечно.

Буддисты и синтоисты выпадают из этой потасовки. Ну какие из них враги? Они просто сидят под деревом, очаровательно улыбаются и машут – и чертовски выбиваются из шаблона *свой против чужого*. Эти скорее растворятся в нирване, чем пойдут в наступление. А вот *своих*, особенно *почти-своих* – соседей по догмату, ритуалу или паспорту, ненавидеть милое дело. Чем меньше разница, тем сильнее зуд доказать, что *твоя* версия правильнее. Это уже не вера – это интеллектуальный гоп-стоп, духовный кроссфит, национальный спорт с элементами догматического мордобоя.

Сакральные тексты стали флагами, а чувство правоты – самым доступным оружием массового самоутверждения.

В новых странах, в новых городах, в новых офисах – тот же алгоритм. Люди судорожно ищут *своих*: земляков, соотечественников, тех, кто глубоко в подкорке знает, что *ёлку*

можно не убирать до Масленицы. А вот к новенькому – всегда скепсис. Он должен сначала пройти обряд социального крещения: отсидеть в углу, выучить правила стаи, доказать, что достоин совместного обеда. И только потом – если выживет – его допустят к корпоративной кормушке.

В человеческом зоопарке даже дружба выдается строго по заслугам.

А теперь – **шовинизм** в золотой рамке. Великая любовь к Родине, утяжелённая пушками, подрумяненная парадами. Всё тот же древний инстинкт *своих*, просто раздутый до размеров национального флага и прогнанный через фильтр великодержавного самолюбования. Сначала тебе поют гимны, нашёптывают про *особый путь* и объясняют, что твоя страна – это не просто география, а сакральная ось мироздания. *Эксклюзивная территория просветления*.

А потом – выдают повестку.

Война приходит как священное таинство: герои защищают, враги нападают – всё по канону детских книжек. Только финал всегда одинаков: мечты тех, кто верил в *высокую миссию*, сгорают в пороховом дыму, а те, кто эту миссию писал, открывают очередной счёт в банке. Патриотизм и национализм – идеальный ковёр под любую войну: удобно стелить, удобно маршировать, и особенно удобно – прикрывать им самую грязь. Под ковром насилие маскируется под доб-

лесть, а агрессия – под нравственную обязанность. *Под добродетель.*

Государствам репетиторы не нужны – они не нуждаются в подсказках. Для политиков это инструмент – мобилизовать, давить, объединять через страх. Для обывателя – костыль, оправдывающий, почему вдруг стало *нормально* ненавидеть, мучить, убивать. *Мстить.*

Когда-то Эйнштейн спросил у Фрейда: *почему люди так любят войны?* Ответ был обидно банален – потому что это инстинкты, обёрнутые в пафос. Величие нации, национальная гордость, защита традиций – лишь наклейки на бутылке с бензином.

Война действительно меняет мир – но делает это через пепел, мясо и воронки.

А пацифисты? Бросьте. Эти – как бегающие с кружками воды ребята – у горящего нефтезавода. В мире, где первобытная прошивка до сих пор рулит поведением, все их возвышенные слова о мире – давно устаревший антивирус. Пока одни разворачивают транспаранты *нет войне*, другие уже толпятся у дверей военкомата, спеша доказать, что они – *настоящему свои.*

Агрессия не умирает в мирное время – она просто садится в тень, затаивается и ждёт сигнала. Первый выстрел – и всё: зверь вырвался, поднял знамя и стал *героем.*

Пацифизм всегда проигрывает – инстинкт *свой-чу-*

жой нельзя перепрошить.

Люди всегда будут выбирать ненависть – снова и снова – потому что это всегда проще, чем пытаться понять другого.

Прирученный страх

Инстинкты есть у всех – вне зависимости от степени эволюционного лоска. Хотите вы этого или нет, даже самые воспитанные и внешне благородные особи волокут за собой свою звериную сущность, как облезлую дворнягу на верёвке приличий. Та, конечно, не лает – её дикарские порывы аккуратно приглушены вежливостью и надёжно придавлены этикетом. Обществу ведь спокойнее, когда волки щеголяют в галстуках, а волчицы щёлкают каблуками, а не клыками. Как будто улыбка способна скрыть тот факт, что под шёлковой маской по-прежнему дремлет хищник, лениво покачивая хвостом.

Инстинкт самосохранения – это наш встроенный телохранитель. Он всегда на посту, вне зависимости от того, в деловом ли вы костюме или в пижаме с утятами. Ему всё равно, что вы думаете о смысле жизни или как называете свои эмоции. Он не спит, не рассуждает, не читает Канта – он просто *есть*. И постоянно нашёптывает: *стой, прячься, беги, влети оплеуху, уноси конечности*.

Это он включает адреналиновую сирену при звуке опасности, настраивает зрение на режим *ищи выход*, и вот вы уже сканируете мир не глазами – а зрачками ящерицы на грани жизни и смерти. Это он заставляет вас шарахаться от риска, цепенеть перед угрозой, огрызаться на незнакомца и пла-

ниривать маршрут отступления при виде начальника, спешащего в вашу сторону с выражением лица, напоминающим передвижение литосферных плит. Это у него нет времени на вежливость – одна только древняя, но понятная цель: *не сдохни, пожалуйста*.

Когда речь заходит о самосохранении, биология срабатывает без осечек – мозг улавливает малейший намёк на угрозу и моментально включает аварийный режим. В дело вступает симпатическая нервная система, и организм начинает экстренную мобилизацию: сердце колотится, как заводной мотор, дыхание становится частым и поверхностным, мышцы напрягаются, а глаза расширяются, чтобы уловить мельчайшие детали окружающего мира. Адреналин заливает систему так же стремительно, как кофеин – вены офисного работника с утра в понедельник.

В животном мире всё просто и не обременено рефлексией: никто не спорит с природой и не заморачивается о философии. Олень замирает при малейшем шорохе – не потому что ценит тишину, а потому что знает: если его заметят волки, он – еда. Палочники и богомолы исчезают на глазах – идеальные иллюзии, как и хамелеоны. Эти мастера маскировки не устраивают эффектных номеров – они просто испаряются с радаров. Только что были – и уже нет. И начинаешь сомневаться: а были ли вообще?

Сурикаты – эти нервные часовые саванны – мгновенно поднимают тревогу при первых признаках опасности, спа-

сая своих сотоварищей. Яркие лягушки-древолазы, ядовитые змеи, глубоководные рыбы, пауки – живые рекламные щиты на дороге к саморазрушению: *Не трогай меня. Я – токсичен, буквально.* И если кто-то всё-же рискнёт испытать судьбу, ответ будет быстрым и, скорее всего – фатальным.

Для наших предков **реакция бей или беги** была не красивой метафорой, а буквально вопросом жизни и смерти. Представьте: вы – гордый первобытный охотник, крадётесь по саванне в поисках *чего бы пожрать*, и тут – из кустов выскакивает ящер- броненосец. Не для комплиментов, а чтобы устроить перекус – с вами в главной роли. Мозг мгновенно выносит гениальное решение: хватай копьё и атакуй или беги так, чтобы пятки сверкали. И всё это – за доли секунды. Ошибка стоит дорого: либо вы возвращаетесь с добычей, либо становитесь частью пищевой цепочки. Логика простая, как каменный топор: быстрота реакции = шансы на жизнь.

Теперь, конечно, пещерные львы все повымерли, но их место уверенно заняли брифинги, совещания, тайм-менеджмент, кредитные обязательства и настырные тётки, которые при любом удобном случае пытаются пролезть без очереди. Но ваши инстинкты об этом, конечно, не в курсе. Им что саблезубый, что налоговая – угроза есть угроза. И работают они по старой схеме: любое раздражение – повод для полной мобилизации. Сердце бьётся, мышцы напряжены, адреналин хлещет из ушей, но... вы не можете вмазать надоедливому начальнику увесистую оплеуху или сбежать с рутинного за-

седания по стратегическому планированию – нельзя.

Программа включилась, а выхода нет.

И что в итоге? Вся эта мобилизованная энергия остаётся внутри, как сжатая пружина, превращая вас в тревожный клубок. Поздравляю, чего уж: вы – эволюционное чудо, втиснутое в офисное кресло и доведённое до ручки бухгалтерией, бюрократической волокитой и неработающим кондиционером.

А теперь картина номер два: поздний вечер, тёмный переулок, за углом раздаётся шум. Ваше тело реагирует быстрее, чем разум успевает включиться – дыхание перехватывает, мышцы натягиваются как струны, глаза лихорадочно выискивают путь к спасению. Проходит доля секунды – и выясняется, что шум исходил от чувака, шкандыбающего по лужам, уткнувшегося в телефон. Мозг облегчённо выдыхает: *фух, пронесло*. И вот она – вершина эволюционного величия: внутренний охранник по-прежнему на посту, готовый к мифическому глиптодонту, даже если реальность подкидывает всего лишь рассеянного блогера на вечерней прогулке. Логика древняя и железобетонная: лучше лишний раз струхнуть, чем однажды не успеть.

Хотите ещё? Пожалуйста – бытовая классика жанра: резкий хлопок двери. Сердце срывается с места, будто намерено побить рекорд на стометровке, хотя вы точно знаете – это

просто сквозняк. Но мозгу плевать на ваши знания. Он живёт по принципу, вырезанному каменными буквами на пещерной стене: *лучше перебздеть, чем недобздеть*. И вот уже внутренний голос истерично вопит: *А вдруг это начало конца?!*

И знаете что? Этот базовый страх – не баг, а фича. Штука полезная. Он не даёт вам совать руки в огонь, сигать вниз с обрывов и лобызать гремучих змей. Он, как настырный родитель, снова и снова шепчет на ухо: *Осторожнее, балбес. Оно того не стоит*. И чаще всего он прав.

Но вот ведь в чём подвох: когда инстинкт самосохранения берёт власть в свои древние лапы, разум пасует. Перестраховка превращается в паранойю, осторожность – в цепи, а страх – в повод остаться в тёпленькой норке, в которой вы мирно отсиживаетесь, пока мимо проносятся все шансы вашей жизни – все ваши лучшие *а если бы...*

Избыточная тревожность, страх перемен, паническое стремление избежать конфликта любой ценой – всё это отголоски тех времён, когда шаг влево мог означать смерть.

Тогда – тигры, обрывы, ядовитые змеи. Сегодня – собеседование, угрюмый начальник или возможность, которая кажется *слишком страшной, чтобы пробовать*. Ваш внутренний охранник по-прежнему начеку, только вот теперь он пускает переезд в другой город с прыжком в бездну. Молодец, конечно. Но пока он бубнит сквозь зубы: *сидим тихо, не отвечаем, всё обойдётся*, – жизнь спокойно проходит мимо,

не дождавшись вашего выхода из укрытия.

Правда в том, что разум – не для декораций. Это не бантик на голове у обезьяны, а инструмент приручения: тот самый поводок, позволяющий инстинктам превращаться из кусачего волчонка в преданного сторожа, таскающего тапки. Мы не можем отключить эту древнюю сигнализацию – да и не нужно. Но мы можем научиться читать её сигналы. Потому что не каждая тревога – реальная угроза. Иногда это просто *громкий хлопок двери* внутри вашей головы.

Остановитесь. Проверьте факты. Спросите себя: *Что здесь действительно опасно? Это монстр – или моя фантазия в гриме?*

Инстинкт самосохранения – не враг, но союзник. Да, немного параноидальный, но по-своему надёжный. Он орёт *Спасайся!* в нужный момент – и это прекрасно. Но если он продолжает вопить, когда всё спокойно, – самое время указать ему на дверь. Потому что в современном мире большинство страшных монстров сидят не в кустах, а у вас между ушами.

Теперь посмотрите на сегодняшний день. Кажется, мы превратились в стадо самых беспомощных существ на планете. Парадокс: потомки тех, кто выживал в джунглях и саваннах, теперь живут, как будто каждый шаг – потенциальная катастрофа. Мы, гордые дети выживших, укутали себя в тёплое одеяло предосторожностей, правил и сервисов, которые спасают нас... от нас самих.

Противоскользящие покрытия, обучающие нас не падать, ремни безопасности, спасающие от лобового стекла, – спасибо, конечно, но неужели мы *настолько* недееспособны, что без них совсем никак? Инструкция на стакане с кофе: *Осторожно, горячо!* Неужели?! Спасибо, что предупредили – а то кто-нибудь ведь и правда примет его за освежающий лосьон и радостно обольётся в приступе душевного экстаза.

Всё вокруг шепчет: *Осторожно, внимание, пожалуйста, срочно, просьба, немедленно., не дышите без разрешения.* Мы живём в скафандре из уведомлений, страховок и подстраховок. Оступитесь – и тут же выныривают инструкции, кнопки, горячие линии, спасатели и тревожные операторы. Жизнь как будто поставлена на паузу, пока в ухо не зазвучит холодный голос системы: *Обработка угрозы личности начата. Пожалуйста, оставайтесь на месте. Ваша безопасность важна для нас.*

И вот результат: мы отучились держать себя в руках. Самосохранение стало внешней услугой, как доставка суши. В три клика – и ответственность рассосалась в облаке инструкций и страховочных протоколов. Проблема в том, что эта система не просто защищает – она делает нас заложниками комфорта и натурально программирует – бояться. Бояться рисков, шагов в сторону, принятия решений, ошибок. Бояться взросления, наконец. Зачем пробовать самому, если можно нажать тревожную кнопку – и пускай разбираются специалисты?

Да, взрослость теперь опциональна, как подписка на стриминг – можно отложить, можно не брать вовсе. Мы делегировали зрелость приложениям, тревогу – психотерапевтам, ответственность – чек-листам и службе поддержки.

Самосохранение превратилось в сисадмина на удалёнке. всегда на связи, но в экстренной ситуации просто предлагает *перезагрузить систему*. Мы больше не растём – мы *обновляемся*. А любое отклонение от курса теперь вызывает панику, будто кто-то случайно закрыл вкладку с инструкцией по выживанию.

Мы променяли внутреннюю стойкость на внешнюю страховку. Превратили силу духа в услугу по подписке. Сломался – починят, растерялся – подскажут, напугался – обнимут. Всё, что раньше тренировалось опытом, болью и ошибками, теперь замещается *доброжелательной* системой, где каждый шаг – под надзором. Не жизнь, а интерактивный туториал с гарантией возврата. Только вот цена – ваша способность делать выбор. Потому что если всё время держаться за перила, можно так и не понять, как ходить самому.

А ведь когда-то мы были охотниками, исследователями, бегунами в закат с палкой-копалкой в руке, с ветром в спутанной бороде и мечтой о костре на далёкой реке. Сегодня – поколение, которое вызывает тревожную кнопку, если у лифта сломалась подсветка. Мы, потомки тех, кто грыз кости и кидался копьями в тигров, теперь пугаемся и теряемся в мыслях, если на упаковке нет инструкции.

Мы не взрослеем – мы обслуживаем себя. У нас всё *по возможности, по готовности, если уровень энергии позволит*. Инфантильность стала идеологией: безопасно, комфортно, без лишних стрессов. Ошибаться – стрёмно. Рисковать – неэкологично. Отвечать за что-то – почти фобия. Теперь жизнь для нас – не охота, а анкета с множественным выбором, где нет неправильных ответов, только *немного более тревожные*.

Но вот в чём тонкость, граничащая с подлостью: вся эта умная конструкция работает лишь до тех пор, пока мир послушно следует сценарию. Пока алгоритмы не повисли, как капризный кот на гардине, пока системы не поскользнулись на собственной логике, пока электричество не решило драматично уйти, хлопнув дверью на выход, а ваш сверхинтеллектуальный *умный* дверной замок внезапно не постановил, что вы – не более чем непрошенный гость в собственной берлоге.

И вот тогда начинается настоящее шоу – без прикрас. Под названием: *Добро пожаловать в реальность*.

Ваш внутренний резерв – те самые инстинкты, затянутые паутиной цифровой лени – вдруг обнаруживаются жалким реликтом, эволюционной рухлядью, которую никто не заводил с тех пор, как последний раз выживание требовало чего-то серьёзнее, чем вспомнить пароль от Wi-Fi. Мы сдали

суверенитет машинному разуму, вверили самих себя экосистемам, которые не знают, что значит *спасать задницу*, и более того – **не собираются**.

А теперь представьте: привычный мир, аккуратно сшитый из кодовых нитей, пикселей и алгоритмических заклинаний, начинает расползаться по швам. Как карточный домик под дыханием ветра, которому глубоко наплевать на ваши апдейты. Всё летит под откос. Нет Google Maps, чтобы вывести вас из леса или обезлюдившего города. Нет 112 – линии мертвы, как телеграфные кабели эпохи парового энтузиазма. Телефоны молчат. Никто не мчится к вам с мигалками и драмой в голосе.

Остаетесь только вы, ваша голова – не всегда внятно работающая под давлением – и те древние инстинкты, что когда-то спасли ваших предков от зубов, когтей и голода. Именно они, а не облачные бэкапы, гарантировали, что вы сейчас сидите и читаете этот текст. Страшно? Неудобно? Ещё бы. Кто же знал, что когда айфон печально высветит *Нет сети*, именно вы должны будете решать, куда бежать? Теперь следующий ход – за вами. Да-да, не за приложением. Не за ассистентом. Не за ментором.

За вами.

И вот он, тот самый момент истины – не киношный, не постановочный, а настоящий, с острым запахом опасности и

привкусом паники. Когда цивилизация спотыкается и теряет равновесие, как старик в гололёд, и все её уютные костыли – GPS, push-уведомления, службы поддержки и прочие цифровые тёплые пледы – отваливаются с предательским грохотом. Тогда инстинкт самосохранения, до этого вежливо молчавший в углу, включает сирену на максимум и орёт: *Беги! Прячься! Делай хоть что-нибудь, ты – чёртова тупая биомасса!*

Но если вы годами кормили этот механизм пренебрежением и успокоительным подбадриванием *всё под контролем*, не удивляйтесь, если он в ответ лишь пикнет что-то неуверенное, а вы сами замрётё столбом посреди апокалипсиса, ошеломлённо хлопая глазами, как студент без шпаргалки на экзамене жизни. Ведь столько лет вам нащёптывали: *Не парься, техника всё решит*. Увы. Техника – это не мама. Она вас не утешит, не обнимет, и уж точно не запаникует за вас.

А урок, который даёт вам природа через этот ветхий, но упрямо живой механизм – предельно прост и как-то даже обидно честен: не забывайте, вы всё ещё лютый дикарь. Хищник. Хоть вас и обвешали дипломами, бейджами, гаджетами и уютными нарративами о превосходстве разума – под всем этим слоем глянца по-прежнему сидит *тот самый зверь*. Он может быть подзабытым, слегка одичавшим, с налётом офисной апатии – но, если прижмёт – зарычит, цапнет и будет выживать так, как учили его миллионы лет натаскивания в условиях *никакой техподдержки*.

И, между нами говоря, этот зверь в сто раз надёжнее вашего последнего апдейта безопасности iOS. Потому что он, в отличие от системы, не зависает. Никогда.

Мы живём в мире, где безопасность – не рефлекс, а платная опция. Услуга. Абонемент в клуб *Комфорта и контроля*, где тревожная кнопка всегда под большим пальцем, а напоминание *пить воду каждые два часа* выдаёт себя за заботу. Иллюзия защищённости – наш новый наркотик. Но в час, когда всё идёт под откос, вас не спасёт датчик движения над дверью и не назойливый push о нехватке шагов за день. Спасёт лишь способность *думать, реагировать и доверять своим инстинктам*, а не ждать, когда кто-то или что-то включит автопилот.

Так что не расслабляйтесь окончательно. Пусть ваш *современный я* греется в светодиодном городском уюте, но пусть *я первобытный* не дремлет. Он – не подписка, не приложение, не сервис с техподдержкой. Он тих, безмолвен, гол как сокол – но если его разбудить, он рванёт вперёд, цепко, яростно, молча – и вытянет вас даже оттуда, где сигнал давно умер.

А если всё-таки щекочет желание проверить, на что вы способны без Wi-Fi, навигатора и голосовых ассистентов – милости прошу туда, где трава колетса, воздух пахнет, а еда не подаётся в биоразлагаемом контейнере. Смело выезжайте на природу.

Разведите костёр – если, конечно, сможете понять, где у спички какая сторона. Вспомните, где находится запад и за-

гляните страху в лицо – он там, за кустом, ухмыляется и смотрит, как вы гуглите *как разжечь огонь* в зоне, где интернет не дотянул до рассвета.

И только, ради всех богов выживания, прежде чем чиркнуть спичкой – узнайте, куда дует ветер. Иначе ваш инстинкт заорет *Беги!* – и первыми, кто прибудет по зову вашей пробуждённой природности, окажутся пожарные.

С мигалками.

Без приглашения.

И с очень плохим настроением.

Примативность

Наши предки были просты, как мешок с картошкой – только чуть менее устойчивы к гниению. Они жили маленькими племенами, где мерой стоимости служили грубая сила, животная смекалка и способность жевать сырое мясо, не закатывая глаза от сальмонеллы. Доминировали те, кто лучше всех дрался, плодился и орал, чтобы все знали – он тут главный. Эти живучие, как тараканы, существа были идеально заточены под реалии дикого мира: жить быстро, умирать громко, не рассуждать.

Они не искали смыслов – они искали белок.

Но вот пришло сложное общество – этот культурный мегапроект с претензией на порядок. Теперь уже не так просто огреть, отнять и свалить с добычей. В игру вступили хитроумные изобретения вроде альтруизма, морали, эмпатии и этой странной идеи: *А давайте будем всё время спариваться с одним и тем же человеком!*

Для палеолитического самца это звучало бы как требование поведать о фотосинтезе.

Внешне всё вроде бы изменилось: появились законы, приличия и книги, объясняющие, *как надо жить*. Но под этим тонким, как слой лака на мебели, налётом цивилизации по-прежнему урчит старая биологическая машина. Инстинкты – это не музейные экспонаты, это несущие конструкции на-

шей психики. Достаточно малейшего сбоя – стресса, угрозы, резкого запаха власти – и фасад культуры рухнет, как картонный домик в бурю, оставив за собой того самого дикого примата: вспыльчивого, алчного до власти, еды и секса, – но уже с прямым выходом в интернет.

Когда вы смотрите в зеркало, вряд ли задумываетесь, что скрывается под ухоженной внешностью и выверенной осанкой. А между тем, за этой витриной благопристойности притаился тот самый голодный хищник. Ему глубоко безразличны ваши принципы, карьерные достижения и охваты в соцсетях. У него одна цель – выжить. И пока вы листаете экран смартфона, поправляете прическу или выбираете тональный крем с эффектом естественного сияния, он молчит. Терпеливо ждет.

Но его время приходит. Всегда.

Человечество любит рассказывать себе утешительные сказки – про прогресс, культуру, развитие. Но любой, кто хоть раз оказался на краю – в опасности, в настоящем стрессе, – знает, как быстро эти сказки испаряются, оставляя только голую правду. Зверь не дремлет. Он встает на лапы быстрее, чем вы успеваете сформулировать мысль. Вам кажется – это вы приняли решение? Нет. Это он нажал на спусковой крючок. Это он швырнул, всплакнул, вскрикнул, стиснул зубы, сжал кулак. Вы – только обложка. Он – содержание.

Смешно, правда? Мы носим смарт-часы, говорим про осознанность и управляемость, а внутри всё так же пляшут тени древнего леса. Те же барабаны, та же дрожь в костях – только теперь это зовётся *стрессом*, *аффектом*, *психосоматикой* и *эмоциональным выгоранием*. Мы убеждаем себя, что владеем собой, что приручили зверя. Но правда в том, что он никуда не делся. Он рядом. Сидит, тихо мурлычет, спокоен, терпелив и вполне доволен. Он выжидал миллионы лет – выждет и ещё пару часов.

Но потом, когда вы моргнёте – он напомнит, кто здесь на самом деле держит поводок.

Он не злой, не добрый, не друг, не враг – он просто есть. Биология не заботится о вашей самооценке или вашем курсе по эмоциональному интеллекту. Ей плевать, как вы объясняете своё поведение в посте в Facebook. Зверь работает по старым алгоритмам: безопасность, статус, размножение. Даже ваши высокие порывы, те самые, что вы гордо называете *призванием* или *миссией*, часто оказываются лишь изящно упакованными формами доминирования или репродуктивной стратегии.

На языке природы блогерство, стримы и пафосные выступления на публику – это всё та же павлинья пляска, только в цифровом камуфляже. Вместо хвоста – микрофон, софтбокс, поставленные жесты и отрепетированная ухмылка. Вместо брачного крика – мотивационные вопли и эмоции крупным планом. Смысл тот же: *Смотрите, какой я! Восхи-*

щайтесь немедленно! Биология не меняется – просто у павлина распушённые перья и громкое кулдыканье, а у человека подписчики, высокопарная бредятина и донаты сверху.

Социальные маски – штука удобная. Они помогают нам жить в мире, где никто не бросается на других за свободное место в автобусе или за последнюю тарталетку на банкете. Но под этой тонкой пленкой цивилизации скрывается жестокая истина. Мы всё те же существа, что прятались от хищников в пещерах, боролись за кусок мяса и смотрели на соседей с нескрываемым подозрением. Просто теперь игра стала сложнее, ставки выше, но правила остались прежними: выигрывают те, кто лучше адаптировался.

Выживает не самый сильный и не самый умный, а тот, кто лучше всех приспосабливается к изменениям. Побеждает всегда самый приспособленный.

Нам хочется верить, что мы – нечто большее, чем набор примитивных поведенческих скриптов. Что у нас есть свобода воли, моральный выбор, *душа в конце концов*. И да, у нас действительно есть история, искусство, наука. Но все эти чудеса – надстройка, не основа. Мы – хищники, научившиеся носить очки и писать диссертации. Мы строим города, но при этом продолжаем с остервенением следить, сколько лайков набрал наш сосед.

Порой зверь проявляется элегантно – в виде хищного

блеска в глазах на переговорах, в резком обострении интуиции, когда в комнате появляется конкурент, или в плотоядной улыбке на свидании. Мы называем это *социальным чутьём, харизмой, альфой, музой* – но за каждым из этих терминов маячит тот же старый зверь, покрытый тонкой вуалью культурного грима. Он научился говорить вежливо, ходить на тренинги и цитировать Юнга – но всё ещё остро чувствует запах крови.

Попробуйте простой эксперимент: лишите человека еды, одежды и крыши над головой. Как долго он будет вежливым, рассудительным, эмпатичным? Ответ очевиден. **Зверь возвращается всегда.** Порой достаточно одной искры – несправедливости, угрозы или банального голода – чтобы слои воспитания и морали сложились, как временные картонные декорации.

Да, мы носим одежду на заказ, рассуждаем о высоком, делаем вид, что управляем собой. Но не обманывайтесь: зверь внутри не вымер. Он не устарел и не перешёл в архив. Те самые инстинкты, что спасали нас в пещерах, всё ещё с нами – просто теперь мы называем их *решительностью, напористостью* и, в особо изысканных случаях – *лидерскими качествами*. Но вы же понимаете – это всего лишь фасад. Природа не амнезирует. Можно прятаться за технологиями, общепринятыми нормами, психотерапией и карьерными целями. Зверю всё равно. Он не читает ваши объяснительные, он не ходит на сессии саморефлексии.

Он просто ждёт – молча, терпеливо, как опытный и опасный хищник.

Инстинкты – встроенный софт человечества, который не удалить и не отключить, даже если очень хочется. Это такая фоновая функция системы: тихо урчит, пока не случится подходящий момент, чтобы вырваться наружу и напомнить, кто тут на самом деле рулит. Но, как и в любой игре, здесь есть уровни. У кого-то инстинкты просто шепчут на ухо, а у других – это рок-концерт с фейерверками, где мозг давно покинул зал, оставив записку: *Сами разбирайтесь.*

Человеческое поведение – это коктейль из нескольких активных ингредиентов: врождённые инстинкты, примативность, гормональный фон, уровень свободной энергии, воспитание, биологический ранг и импринтинг. Жизненный опыт – это скорее соус: добавляет вкуса, но не меняет базовый рецепт.

О внутренней энергии человека – той самой, что зовут жизненной силой, биоэнергией или *ци* в восточных школах – мы ещё обязательно поговорим. И не раз. А пока – просто запомните. Намотайте на ус, даже если у вас его нет:

Харизма – проявляемый через внешность или поведение высокий уровень внутренней энергетики. Это видимая форма внутренней силы, отражённая в же-

стах, взглядах, положении в пространстве и манере быть.

Цель воспитания проста: научить нас сдерживаться. Особенно когда срыв мешает учёбе, работе или чьему-то комфорту. Эмоции важны, но желательно без ущерба для производительности и атмосферы. Воспитание, по сути, – это когда общество берёт ваш дикий, пульсирующий потенциал и аккуратно запихивает его в формочку, удобную для окружающих. Нарушил правила? Лови ярлык *невоспитанного*. Дал волю инстинктам? Вперёд, на перевоспитание.

И вот тут на авансцену выходит **примативность** – термин, щедро презентованный нам Анатолием Протопоповым (*primatus*, если любите латынь, значит *первичный*). **Примативность – это индикатор того, насколько ваш внутренний зверь готов свернуть разум в рулон и использовать как обивку.** Это не просто импульсивность – это искусство сходить с курса при малейшем эмоциональном ветре.

Проще говоря, примативность – это индикатор того, кто сейчас в кабине пилота: ваш рассудок с моральным кодексом в обнимку или древний мозг, который всё ещё уверен, что вы в джунглях и всё решается громким рыком. Или уж совсем по-простому: вы действуете потому, что *так принято* – или

потому, что внутренний хищник зевнул, потянулся и решил, что – пора!

Природа, как ленивый программист, взяла древнюю прошивку пещерного дикаря и сверху налепила пару глючных патчей: *воспитание, культура, мораль*. Вуаля – те же обезьяны, только некоторые напялили галстуки и влезли в каблуки. За цивилизацию сойдёт.

Встречайте:

Высокопримативные. Люди с высокой внутренней энергией. Живут на инстинктах. Если хочется – делают. Если злятся – орут. Размышления? Сомнения? Рефлексия? Нет, не слышали. Их девиз – *чувствую, значит существую (и немедленно действую)*.

Среднепримативные. Балансиры. Нечто среднее между зверем и здравым смыслом. Обычно держат себя в руках, но могут внезапно откинуть воспитание, если задеть больную зону. Средний уровень жизненной энергии. В целом – среднестатистический *Homo sapiens* на нервах.

Низкопримативные. Их зверь – на поводке, в наморднике и, возможно, в ошейнике с GPS. Они сдержаны, рациональны, энергию дозируют. Могут уступить ради будущего комфорта и приличного общества. Их девиз – *думай, потом действуй, потом ещё раз думай*.

Давайте вскроем этих приматов по шву (пока не опомнились) и посмотрим, что там внутри.

Люди с высокой примативностью – это ходячие эмоциональные детонаторы. У них чувства работают в режиме *все лампочки мигают, сирена орёт*. Никаких *подумать, взвесить, а вдруг*. Только прямой эфир эмоций: буря, молнии, оркестр, финальный аккорд. Разум их – бедный кучер с дрожащими руками, пытается хоть как-то укротить троих разгорячённых жеребцов, впряжённых в одну телегу под названием *я чувствую, значит, надо срочно делать фигню*. Чем мощнее эмоция – тем дольше логика корчится у стены – с кляпом во рту. И всё лишь потому, что мозг не успел вовремя *включиться*.

Психологи ласково зовут это **истероидностью** – театральная подача в три акта с элементами трагедии, драмы и оглушительного финала. Это те самые люди, которые хлопают дверями, уходят навсегда, а через пять минут звонят с фразой: *ну и как ты теперь с этим живёшь?!* Их гнев – не сигнал, а буря пятой категории. Пронеслось, разнесло, унесло. Аплодисменты, занавес. Недолгий антракт, рюмашка коньячку в бужете, занавес поднимается – и... всё по новой.

И да – такая буря иногда бывает полезна. В ситуациях, где надо действовать без промедления, они – как реактивный двигатель. Пока остальные зависли в *что же делать?*, они уже всё сделали, и даже успели пожалеть. Их девиз – *меньше*

думай, больше жми на газ. Проблема в том, что за этим газом часто не видно поворотов, а тормозные колодки изношены до скрежета.

Высокопримативный человек смотрит на мир через чёрно-белые очки, в которых настройки контрастности выкручены до экстремума. Никаких полутонов, нюансов или *а вдруг*. Всё просто: работает – значит откровение; не работает – в топку. Анализ? Логика? Серьёзно? Какая логика, когда можно жить *на ощупь*, цепляясь за первое, что кажется очевидным. Проблема лишь в том, что реальность – это не двусторонняя листовка, а мозаика с тысячей кусочков, из которых одна половина – странной формы, а другая – вообще из другого набора.

Вот тут примативность и вступает в свои полные права: вместо решительности – напор кувалды, вместо стратегического мышления – детская раскраска из трёх цветов. **Потому что когда ты упрощаешь мир до уровня инстинкта, он в отместку упрощает тебя до уровня табуретки.**

И сразу начинается красочное шоу. Как схватить решение за хвост? Надо просто схлопнуть ситуацию до примитива. Сложности? Промежуточные факты? Да кто их вообще учитывает! Всё, что не попало в поле зрения – не существует. Главное – быстро, громко, с выражением.

А когда всё развалится? Ну, тогда можно и пострадать. Красиво. На фоне заката. Потому что пока остальные *думают*, высокопримативный уже скачет на белом коне, не заме-

тив, что седло туго привязано к гаубице.

А если ситуация требует точности, анализа, терпения? Интерес испаряется. Скучно.

Эти люди – как трейлер к фильму, где каждый кадр орёт *экин!*, но сценарий так никто и не дописал. В критических моментах они действительно незаменимы: прыгнуть, зарычать, вытащить, ударить – всё, что нужно для выживания в джунглях. Только вот мир давно не джунгли. Сегодня – герой, да. А завтра... тот самый герой, который гордо кричал *я сам всё решу!*, и теперь один, без зрителей, подметает руины.

Зато их энергия, эмоциональность, эта бесхитростная, живая искренность делают их дьявольски харизматичными. Их внутренний маршрутизатор прост до шаблонности: здесь – деньги, справа – признание, чуть левее – сексуальная привлекательность. Всё схематично, будто комикс: двигайся быстро, доверься чуйке, забудь про детали. И вот он, побочный эффект на полном ходу – игнорирование рисков, зависимость от сиюминутных удовольствий и полная неспособность к стратегическому планированию. Такой человек – как катер на мелководье: глиссирует эффектно, фонтаны брызг, восторженные взгляды, но всё что глубже – проходит мимо, оставаясь за кормой.

Море возможностей ускользает из-под носа – он их попросту не замечает.

Истинно высокопримативные – это существа с разогнанной свободной энергией и, увы, часто пониженным когни-

тивным тоном. В цивилизованном обществе они маложизнеспособны, потому что, буду честен, зачастую тупы как бревно в проливе. А кто выживает? Сильные – да. Умные – тоже. Наглые, расчётливые – обязательно. Но есть и еще одна категория: те, кто умеет гипнотизировать толпу. Музыканты, актёры, артисты сцены и YouTube-шаманы XXI века, обёрнутые в глянец и хайлайты.

Это не просто энергетические комбинаты – у них и интеллект выше среднего, и харизма в промышленных объёмах. Они не просто выживают – они живучи, как сорняки после ядерной весны. И часто взлетают выше, чем вся армия бизнес-стратегов, политических демагогов и корпоративных самураев. Потому что они – архитекторы эмоций. Создатели смыслов. Иллюзионисты внимания. А в мире, где внимание – это новая валюта, именно они держат персональный печатный станок.

Про среднепримативных не буду – это как середина между джазом и тишиной. Ни тебе соло, ни благословенной паузы. Оставим их в подтексте. Пусть себе тихо колышутся в климате умеренных решений.

Лучше представим противоположный полюс. Низкопримативные люди смотрят на жизнь не как на грубую схему, а как на сложную, многослойную конструкцию – почти как шахматную партию, где каждая фигура имеет вес, а каждый ход требует просчёта. Они не бегут по тропинке с флажками, а останавливаются, изучают рельеф, строят маршрут и толь-

ко потом делают шаг. Это не значит, что эмоции им чужды – просто их эмоции сидят в приёмной, вежливо перелистывают журнал и терпеливо ждут, пока разум их пригласит на аудиенцию.

Воспитанные, спокойные, будто вырезанные из инструкции по идеальной жизни. Для них рассудок – не тормоз, а навигатор с функцией *избегать пробок и катастроф*. Им не свойственно бросаться в омут с головой, они знают: дно там наверняка есть, и оно жёсткое. Всё у них ровно и чинно, как на банкетах с белыми скатертями. Выверено, взвешено, без эксцессов. И общество обожает их именно за это – за их *удобство*.

Никакого хаоса, никаких сюрпризов, всё предсказуемо, как расписание поездов. Вроде бы.

Но нет, не стоит путать гладкость с добродетелью. Их спокойствие может граничить с ледяной расчётливостью. А за фасадом приличий, вежливости, дипломатичности и корректности порой прячется нечто тревожно бесстрастное. **Это не просто люди – это живые машины, заточенные под оптимизацию.** Их холодный рассудок позволяет им выстраивать сложнейшие схемы и проекты, сохраняя при этом имидж скромного трудяги, работающего, – конечно же, – *во имя общего блага*.

Но вот ведь беда: те, кто не умеет прятать свои инстинкты, пугают общество своей бестактной прямоотой, а те, кто маскирует их слишком искусно – вызывают тре-

возможное чувство, будто за вежливой улыбкой притаилось что-то липкое. Так кто же опаснее – рубаха-парень, что машет руками и голосит как умалишенный, или молчаливый стратег, вежливо кивающий, пока мысленно точит нож?

Даже самые глянцевого эстеты приличий время от времени не могут удержаться от соблазна показать, кто здесь царь горы. Только делают это не кулаком, а иголкой: изящно, почти невидимо, но с эффектом скальпеля. Без шума, без лишней драмы – и с таким полированным фасадом, что на первый взгляд хочется восхититься: *Боже, какой утончённый человек!* А через мгновение понимаешь – он уже мысленно переехал в кабинет повыше, а тебе оставил роль мебельного фона.

Но с глубоким уважением, конечно.

В конечном итоге, мы все – коктейль. Из инстинктов, воспитания, логики и химии. Просто в одном стакане больше табаско, в другом – ванильного сиропа. Именно эта смесь и делает нас живыми: непредсказуемыми, неоднозначными, человеческими.

А теперь – алкоголь.

Кнопка аварийного отключения коры головного мозга. Хотите временно отложить социальную маску? Без проблем. Пара бокалов – и мозг, словно переутомлённый администратор, выключает свет и уходит в отпуск. Кора сдаётся первой, а древняя подкорка бодро вскакивает за штурвал: *Уйди, я сам знаю, куда ехать!* – и вот вы уже на танцполе, в шлё-

панцах жизни, сосётесь с бывшей, спорите с охранником и громко ищете смысл бытия.

Алкоголь – это не просто напиток, это социальный рентген: под утончённой оболочкой сразу вылезает то, что тщательно маскировалось: кто-то превращается в сентиментального философа, кто-то – в агрессивного альфа-петуха, а кто-то – в распластавшуюся медузу, булькающую о несбывшихся мечтах.

И всё потому, что тормоза цивилизации временно сняты с гарантии. Примативность выходит на подиум – без грима, без фильтров, в полной, иногда пугающей красе.

Ведь как устроен наш мозг? Сверху – неокортекс, логика, мораль, *добрый день, хорошо выглядите, проходите*. А под ним – древний зверинец: *беги, дерись, ори, совокупляйся*. Алкоголь – хитрый проводник в этот подвал. Он шепелявит неокортексу: *отдохни, я тут сам разберусь*. И всё, здравствуйте: драки за парковку, слёзы в баре, откровения на кухонной табуретке.

Цивилизация уходит перекурить, а инстинкты устраивают afterparty.

Но здесь есть и другой нюанс: алкоголь не создаёт – он лишь снимает покров. То, что вылезает наружу, было там всегда. Просто тщательно припрятано под прической с укладкой, хорошими манерами и социальной функцией. В этом смысле он не столько разрушитель, сколько разоблачитель. Человека можно долго изучать в трезвом виде, но стоит

чуть налить, и он сам покажет, кто он таков – без субтитров и дипломатии.

И, быть может, именно поэтому человечество веками обожествляло вино и проклидало похмелье: в одном флаконе – и путь к откровению, и маршрут в пропасть.

Что, ещё бокальчик? Мозг срывает галстук, душа радостно выбегает в коридор, а древний ящер внутри уже поглаживает себе пузо и радостно скалится: *Ха! Наконец-то я снова в игре. Ща будет весело.*

Результат? Добро пожаловать в инстинктивное царство первобытного экспромта. Никаких *это неприлично*, только чистая биология. Вдруг хочется драться, рыдать, обниматься, или – о чудо! – объяснить официанту, что он твой лучший друг в жизни. Воспитание, мораль, культура – всё это лишь поверхностная маскировка, которой нужен трезвый мозг, чтобы не свалиться с лица.

Кружевная девушка *с принципами* и моральными устоями внезапно превращается дельфина-экстраверта, визжащего от восторга над шутками, которые трезвая заклеимила бы как *ниже пояса*. Вдруг хочется танцевать босиком, кричать малознакомой подруге *я люблю тебя!*, а потом – а как же! – затеять слёзную исповедь в женском туалете. Этикет, сдержанность, культурный лоск, воспитание – всё, словно нарядное платье, летит на пол, оставляя только чистую биологию в её первозданном виде.

Живую, визжащую, неукротимую.

Femina in vino non curator vagina – как язвили древние мудрецы, у которых, между прочим, была своя латынь для каждого жизненного случая. Вольный, но честный перевод: *Пьяная женщина – не хозяйка своей цензура*. Изящно? Вряд ли. В точку? В яблочко. Потому что алкоголь не просто ослабляет контроль – он снимает корону с неокортекса и вручает скипетр прямо в лапы примативности.

Вот почему бокал вина – это и религиозный символ, и социальная мина: первый глоток дарит крылья, третий – срывает тормоза.

Воспитание – одно из самых коварно-гениальных изобретений человечества. Оно работает как старый, педантичный цензор: пролистывает черновики нашего поведения, аккуратно вымарывает всё слишком дикое, слишком острое, слишком настоящее – и сдает в печать гладкую, стерильно-благоразумную версию *нас*.

Проблема в том, что цензор иногда слишком старателен: вместе с грубостями исчезает и живое мясо – амбиции, напор, жажда успеха, инстинкт доминирования.

Тот самый нетленный двигатель прогресса, который теперь вбит тапком под кровать, как побитый пёс: тихо рычит, но даже на свет не высовывается.

Общество, разумеется, обожает стремление к лучшему. Но! – в пределах приличий. Пожалуйста, амбиции можно,

но чтобы не пачкали обивку. Чуть-чуть энергии, немного честолюбия, ложечку карьеризма – это полезно, это украшает. А вот настоящая страсть к вершине, эта бурлящая смесь гордости, риска, праведной злости и крепких зубов? Нет-нет, это уже неудобно. Это уже революционно. А революции нам, знаете ли, ни к чему. Оставьте свою анархию за порогом.

В идеале амбиции должны быть такими, чтобы можно было с умилением кивнуть: *Какой целеустремлённый, и никого ведь не придушил.* Примерно как в покере: выигрывать можно, но только если все уверены, что ты просто везучий парень, а не шулер с тузами в рукаве.

И вот каждый из нас ходит с видом рационального сапиенса, уверенный: *Я действую по логике. Это продуманное решение.* Конечно, конечно. Заказали самый простой салат в ресторане? *Из заботы о здоровье.* Ага, рассказывайте – просто не хотите выглядеть жмотом, если не возьмёте вообще ничего. Купили дорогущую машину? Ну, конечно же – из-за *надёжности.* На деле – чтобы соседу глаза колола. Инстинкты здесь, под кожей, дышат нам в затылок. Мы их лишь заворачиваем в красивую обёртку – или вообще не скрываем.

Забавно устроен наш биосоциальный цирк: **чем ниже уровень примативности – тем выше шанс, что культура вылупится во что-то великое.** Искусство, наука, технологии – всё это держится на древнем искусстве заглушить внутреннего орущего *хочу сейчас* ради умного, эволюционно-выверенного *позже будет круче.*

Но задача нетривиальная – особенно для существ, чьи инстинкты носятся кругами, как дети после литра колы.

Однако и тут подстерегает ловушка: слишком усердное самообуздание порождает не общество, а вежливо выдрессированный маскарад. Вуаля: мир, где каждое движение – отрепетированная сцена, каждое *спасибо* – акт дипломатии, каждая услуга – часть хитроумного плана, а улыбка – тонко заточенный инструмент социального торга.

Итог? Не люди, а ходячие нейросети, обсчитавшие выгоду каждого кивка. Как обычно, всё упирается в баланс – эту зыбкую точку между животной прямоотой и культурной хореографией. Проблема в том, что удержаться на этой грани – не так уж и просто.

Но эволюция, как известно, никогда не подписывалась под идеей лёгкой прогулки.

Импринтинг

Говорят, эволюция – это про гибкость и адаптацию. Ну да, конечно. На самом деле всё начинается с жёсткого, как армейский устав, инстинктивного автопилота.

Генетические импульсы дирижируют парадом: этому – бежать, тому – драться, третьему – прикинуться пеньком и надеяться, что опасность обойдёт стороной. А уж потом, если повезёт, подключается та самая *поведенческая гибкость*. Но это уже для тех, кто в силах дожить до стадии, где мозг включает режим *ну-ка, давай – попробуй подумать*.

На старте жизни включается механизм, ловкий и беспощадный, как автоматическая камера слежения: увидел важный объект – *бац!* – запечатлел. Это называется **импринтингом**, или, если по-простому, *увидел – запомнил – подписался*.

Звучит солидно, но по сути – биологический *быстрый старт*. Первый, кто попадает в поле зрения новорождённого, становится его путеводной звездой, гуру и гарантом безопасности. Неважно, что это – мама, человек в белом халате или унылый плюшевый мишка с фабричным запахом полиэстера. В голове срабатывает древняя программа: *следуй за этим, и, может быть, ты не умрёшь с голоду*. Механизм примитивен, как палка-копалка, но безотказен.

Всё идёт как по маслу – пока в дело не вмешиваются ум-

ники. Конрад Лоренц, например, немного поиграл в Бога: стал *мамой* для гусей, и те носились за ним, как за поп-звездой на гастролях. Смешно? Есть такое. Но в этом, как ни странно, есть и лёгкий налёт трагедии. Природа проектировала систему как страховку на выживание, а мы – как обычно – превратили её в научное кабаре.

Импринтинг – это не просто механизм запоминания. Это самая первая операционная система, предустановленная на биологическом жёстком диске. Он кодирует не только кто мама-папа, но и *как жить, с кем играть, на кого рычать*, а главное – *кому подчиняться*. Это поведенческий фундамент, на котором потом, если звёзды сойдутся, вырастет целый дворец личности – с колоннами убеждений и библиотекой здравого смысла. Или, увы – с лабиринтами неврозоз и чердаком комплексов.

Природа предлагает один бесплатный взгляд, а дальше – а дальше, всё: пожизненная привязанность. Гусёнок увидел человека? Ну всё, теперь он считает его родителем и будет преданнее, чем ваши подписчики в Instagram. Это первый урок адаптации: впитал в детстве, кого щипать, кого любить, кого бояться – и поковылял по жизни.

Гусёнок знает: мама – это еда, защита и вообще весь смысл существования. Но если объект выбран неправильно, всё летит наперекосяк. Ошибся *мамой*? Принимай поздравления: твоё выживание теперь в руках человека – или, что хуже, в лапах плюшевого мишки. Механизм работает жёст-

ко, как армейский устав: образ, зафиксированный в первые секунды жизни, остаётся с тобой навсегда. Попробуй потом переубедить гуся, что он – гусь, если он уже решил, что его родитель – человек.

Импринтинг – это не только про маму. Это биологическая школа поведения. Самцы учатся доминировать, глядя на отца, самки – воспитывать потомство, копируя мать. Этот механизм подсказывает, как общаться, с кем дружить, кого избегать. Он же – ключ к иерархии. Посмотрите на стаю волков: молодняк впитывает повадки альфа-самца и фиксирует своё место в структуре. У приматов всё ещё сложнее: инстинкты подсказывают, как избегать лишних конфликтов и сохранять стабильность в группе.

И вот парадокс: механизм, призванный удерживать вид в равновесии, иногда становится его слабым звеном. Если объект запечатления оказался ошибочным, можно забыть о нормальной социализации. Молодая самка лебедя, увидевшая трактор, может потом искать себе партнёра с дизельным двигателем. Звучит как анекдот, но в мире биологии это почти трагикомедия с научной подоплёкой. И это не романтика, это сбой прошивки: **импринтинг фиксирует реальность, как выжженная метка.** Переустановить – почти невозможно. Для мозга это аксиома: *так устроен мир.* И неважно, что мир уже давно сменил антураж.

Это ваш биологический Photoshop: в самом начале жизни он накладывает на мозг те самые фильтры восприятия, ко-

которые уже не откатить. В первые мгновения мозг впитывает базовые образы, звуки, запахи – и эти данные становятся фундаментом, на котором потом выстраивается всё поведение. Увидел лицо, услышал голос – записал. И всё: до конца жизни будешь безошибочно различать, где мама, а где потенциальная угроза. Импринтинг не прощает промахов. Мозг запоминает всё – словно выбивая печать раскалённым железом.

Этот механизм становится основой всего на свете – социальных связей, понимания иерархии, половых ролей, навыков выживания.

Импринтинг – это не волшебная сказка на ночь и не тёплое какао перед сном. Это прошивка, которая встраивается в голову раньше, чем ребёнок узнаёт слово *нет*. Малыш из билингвальной семьи щёлкает два языка, как орешки. Аплодисменты, маленький гений! А теперь возьмём обычную кухню, где вместо языков – папино вечное ворчание. Его словарный запас: *Всё плохо. Я устал. Ничего не выйдет.*

Поздравляем: полиглот не получился, но выпускник школы экзистенциального нытья – налицо.

И давайте без иллюзий: ребёнок – это не чистая доска, а скорее губка с фабричным браком. Она впитывает всё подряд, без фильтров и сортировки – и в первую очередь то, что впечатывается проще всего. Мягкая улыбка матери? Прекрасно. Но если поверх неё регулярно накладывается тревожный тик – запомнится именно он. Вспомните се-

бья: сколько раз вы ловили себя на фразеях и жестах, которые точно видели у родителей? Это не совпадение. Это те самые первые сцены, вписанные в вас как неудачный татуаж. Их уже не стереть – только научиться носить с лёгкой иронией.

Губка, я сказал? О нет. Ребёнок в первые годы жизни – это даже не губка. Это промышленный пылесос без фильтра, с разбалансированным мотором и неисключительной жадностью к окружающему миру. Он втягивает всё подряд: мамины истерики, папину отстранённость, шум из телевизора и крики с лестничной клетки. Всё, что делают взрослые, автоматически попадает в раздел *так и должно быть*. Мамин нервный срыв? Ну, значит, так выглядит забота. Папино молчание? Вероятно, это и есть любовь. На этом этапе критического мышления нет – есть только безоговорочное принятие.

Родители – это первые продюсеры шоу под названием *Твоя жизнь*. Если они уверенно шагают по сюжету, с чётким взглядом и ясной целью, ребёнок впитывает: *мир – мой личный ринг, сейчас всех сделаю*. Но если всё, что он видит – это дикие оры, тревожные паузы, семейные ужины под соусом пассивной агрессии и вечное *да что же это такое!* – добро пожаловать в сериал *Бегущий по граблям*. Хотели бойца?

Получили титулованного чемпиона по самосаботажу.

И вот в чём мерзость: эти детские импринты не ветшают. Мамины тревожные интонации импринтируются во взрослых *а если не получится?* Папина ледяная дистанция – в при-

вычку молчать, когда внутри уже пожар. Всё, что однажды попало внутрь, становится сценариями, которые мы играем снова и снова: прокручиваем старую пьесу в новых интерьерах – но с тем же надломом внутри.

Меняются люди, обстоятельства, антураж – но не сюжет.

Взрослая жизнь – это, по сути, театральная постановка, в которой сценарий вы писали на незнакомом языке, а ставили те, кто сами до сих пор забывают, зачем заходят в комнату. Ваши *взрослые* выборы – партнёры, работа, реакция на критику – выглядят осознанными. Но если присмотреться, за ними легко угадываются старые детские сюжеты. И вот вы уже не выбираете – вы повторяете. По накатанной, как цирковой тигр, который давно забыл, зачем вообще прыгает в горящее кольцо.

Импринтинг не спрашивает, удобно ли тебе с этим жить. Он встроен в архитектуру реакции: кого ты считаешь надёжным, кто кажется *своим*, кого хочется спасти, а кого – бояться. **Именно поэтому мы так часто узнаём близких в совершенно новых людях.** Не потому что они действительно надёжны – они *внушают* доверие – потому что в них вдруг щёлкнуло что-то знакомое. Мозг словно встрепенулся: *Ты это уже видел. Всё идёт по плану.*

Даже если план – катастрофа.

Взрослые свято верят, что просто *живут свою жизнь*, не замечая, как снимают драму с непоправимыми последствиями. На деле они ставят спектакль перед зрителем, который

ещё и читать не умеет, но уже выучил каждую реплику. Каждый их *да ладно, ерунда* превращается в чужие фобии, каждое *не сейчас, я занят* – в эмоциональные тупики и страхи, каждое *фигня, переживёшь* – в психосоматические блоки и зажимы, которые потом хрен когда расковыряешь. Хоть кость грызи, не разберёшься.

И когда у ребёнка трещит фундамент по швам – что ж вы удивляетесь? – архитектор-то вы. Этот бардак с раздолбанными декорациями, заикающимся суфлёром и забытым сценарием – не что иное, как главная постановка детства. Режиссёр? Опять вы.

Главный актёр? Вы, кто ещё. Камеры пищут, дублей нет и не будет, и никаких *ой, давай по-другому*.

На выходе – браво, дамы и господа – человек, прошитый на баги. **Баганутый.**

Поздравляю, ваш ребёнок – айфон времён VHS, с кнопкой перезагрузки, которая только делает вид, что работает. Всё, что вы загрузили в эту хрупкую, абсурдно доверчивую голову, там и остаётся. Не на время – навсегда.

Хотите всё исправить? Конечно, удачи. Перепрошивка мозга – дело не из лёгких. Это как натянуть на древний компьютер последние обновления: патчи встанут, если очень повезёт, но стоит нажать не туда – и вся система отправится в нервный срыв. Каждое ваше слово, мимолётная гримаса,

усталое *потом разберёмся* – это кирпич в стене. И эта стена потом держит весь дом. Даже если он построен через одно место.

Ирония в том, что никто вас об этом не предупредит. Родители полагают, что у них вагон времени, чтобы рассказать детям, где *хорошо*, а где *плохо*. А по факту?

Реальность уже соткана. Полотно закончено. Узоры впитаны. И ребёнок живёт в мире, который вы для него придумали – даже если вы этого ни разу не заметили.

Особенно феерично это сказывается на гендерных ролях. Мама в засаленном халате – обнимающая то ли сигарету, то ли скалку, а скорее всего – и то и то. Папа в трениках, чья эластичность сдалась где-то в девяностых, пахнет вчерашним пивом и отрыгивает неизбывной тоской. А ребёнок смотрит, дышит, впитывает: *Ага, вот она – жизнь. Вот так и надо. Навсегда*. И плевать, что эти ходячие стереотипы давно уже отправлены на пенсию и пахнут нафталином. Для него это не археология, это – Конституция Мироздания.

А законы в детстве не подлежат пересмотру. Они просто *есть*.

Если дома крики – как утренняя зарядка, если скандалы – вместо будильника, то урок усвоен быстро и надёжно: в этой жизни ты либо орёшь, либо прячешься под стол. Договариваться? Забавно. Нет, у нас тут так не заведено, консенсус – это из области ненаучной фантастики. В итоге вырастают взрослые, которые либо держат всё под тотальным контро-

лем, либо сбегает от любой проблемы, как тараканы от света.

Дети не слушают ваши слова. Они читают вас, как слепые пальцами читают Брайля: на ощупь, глубоко, без ошибок. Папа, который по пятому кругу обещает *в следующий раз*, а потом снова исчезает в недрах ноутбука или вечного *важно-го звонка*? Урок прост и безжалостен: *слова – пустышки*. А мама, которая рвётся в истерике, а потом сидит в углу, как будто её выключили, и ни слова, ни объяснения – только тень и тишина? Прекрасно, новый закон жизни импринтирован намертво: *чувства – это стыд*.

Современные родители – это не архитекторы судьбы, это халтурщики без лицензии и с похмелья, с ржавой рулеткой, которые наспех малюют план жизни ребёнка прямо на грязной салфетке. Линейка? Уровень? Лазерная отвеска? Не, не слышали. И когда фундамент этой кустарной халабуды оказывается кривым, не удивляйтесь, что ваш *многообещающий гений* строит не небоскрёб, а шаткий шалаш. Кривобокий и без дверей: первый ветерок, и всё это дело летит в ближайшую топь.

А нужно было так: папа показывает, что сила – это не разносить в клочья каждого, кто подрезал на трассе жизни, а спокойно держать курс, даже когда штормит и приборы молчат. Это не про героизм с фанфарами, а про тихую, упрямую способность собирать себя заново, когда всё снова и снова летит в тартарары. Это уметь держать удар, когда жизнь от-

вешивает оплеуху, и не расползаться лужей, когда запахло керосином. Это не геройство, а базовая способность решать любые проблемы. Мама учит, что забота – это не марафон самопожертвования, не *давай, убейся ради всех*, а выдержка другого уровня: держать курс, когда корабль бросает между рифами. Вместе эти двое – не герои, не святые, а две колонны, на которых держится всё детство.

И если эти колонны стоят – ребёнку есть на что опереться.

А если нет? Тогда ребёнок шагает в жизнь по зыбкому песку. Его внутренний компас вертится-крутится, будто вблизи магнита. Он не умеет принимать решения – потому что дома всё решали криком или молчанием. Он не верит в опору и не знает, как выглядят уверенность и сила – потому что дома их никогда не было. И вот он, уже взрослый, с внешне приличным лицом, ползает по жизни на коленях, потому что в детстве ему так и не показали, как держаться прямо.

И знаете, в чём подвох? Всё это начинает происходить ещё до того, как ребёнок успевает выучить слово *мама*. До первых кубиков, до первого *не трогай*. Импринтинг, примативность, зеркальные нейроны, врожденные инстинкты – невидимые дирижёры оркестра под названием *ваша судьба*. Именно они шепчут сценарии, пока вы свято уверены, что рукопись пишете сами.

Ваш ребёнок – зеркало вашей же внутренней развалины. Пока вы заняты *воспитанием* – выбираете экологичные иг-

рушки, подбираете кружки по интересам, курсы английского и садики с бассейном – настоящая работа уже давно идёт. Ага, – в ваших фразах на автомате. В ваших перекошенных взглядах. В усталых жестах. В том, как вы сами справляетесь с жизнью – или не справляетесь вовсе.

Как там у классиков, которых теперь цитируют только по пьяни и после родительских собраний?

Нет воспитания – есть подражание.

Макаренко спёр золотую фразу у Аристотеля, а современные мамы с TikTok – у него. Всё просто: дети не слушают ваши нравоучения, они импринтируют повадки. Их не слова воспитывают, а личный пример. Ходишь по дому как эмоционально нестабильный гоблин – жди мини-клона с тем же выражением лица.

Дети не учатся, они впитывают. Не педагогика – дрессировка через зеркало.

А что же *свобода воли*, этот великий миф гуманистической эпохи? Увы. Это просто сказка для уставших взрослых, чтобы легче спалось по ночам. На деле – ваша собственная операционка сбоят с тех пор, как вы сами были ребёнком, и никто не объяснил вам, как её настроить. И пока вы не распутаете этот клубок – не поймёте, что именно делает вас *ва-*

ми – вы будете продолжать бегать по замкнутому кругу. С ощущением движения. Без прогресса.

Добро пожаловать в игру *найди ошибку*.

Теперь вы хотя бы знаете, где она закралась.

Есть проблемы

Примативность. Этот молчаливый монстр из шкафчика эволюции, о котором приличному обществу говорить не комильфо. Стоит лишь напомнить, что под пиджаками, дипломами и последними айфонами всё ещё прячутся пещерные рефлексy – и цивилизованная публика делает сальто назад. Паническое бегство под лозунгом *Мы не такие!*

Инстинкты? Тоже удобная мишень. Только заикнись, и вас обсыплют конфетти, как на карнавале: *сексист, ретроград, редуccionист* – особенно ценится последняя метка, как знак особого научного мракобесия. Ведь признать, что человек – это не только дитя воспитания, но и выношенное миллионами лет эволюции животное, значит покуситься на священные иконы: *свобода воли, равенство возможностей, чистый лист*.

Это она – классическая шизофрения современного дискурса! Мы с удовольствием цитируем теорию Дарвина, когда речь идет о вымирающих видах или о том, как молекулы превращаются в органические бульоны. Но стоит тем же механизмам коснуться сексуального поведения, социальных иерархий или тяги к власти – и начинается истеричный хор: *Не-не-не, так не пойдёт! Мы – не животные! Это всё культурные конструкты!*

Правда?

Тогда почему наши желания, страхи и поведенческие реакции до боли напоминают тех, кто прогуливался с копьём в руке и носил шкуры? Почему притягательность, конкуренция, доминирование и тяга к статусу подчиняются не теориям Фуко, а древним алгоритмам репродуктивного успеха? Почему лидер, пусть даже в потёртом пиджачке от Zegna, всё равно интуитивно выбирается по неуловимому запаху, уверенной походке и уровню тестостерона в голосе?

Вот он – тот самый драгоценный миг, когда вся эта прогрессивная мишура с её инклюзивными фанфарами и свободой выбора, как с витрины этичного лубочного бутика, внезапно сталкивается с неприятной, липкой правдой. Истина, давно загнанная в угол, сгорбленная под ворохом концептуального хлама, наконец выбирается на свет – словно забытая гниющая рыба, начавшая подавать сигналы о своём существовании.

Примативность.

Примативность – та самая заноза в глазу гуманистических утопий, тот испорченный ингредиент, который превращает сладкий коктейль культурной детерминации в кислый квас. Она грубо вмешивается в благородную легенду о том, что человек – это исключительно продукт вдохновенного тру-

да культурных шеф-поваров, замешанный на социализации, вебинарах по самопознанию и терпимости в формате TED. Мир прогрессивных теорий шарахается от неё, как от фамильярной обезьяны, которая заявила в музей современного искусства и начала кидаться экскрементами. Потому что признать её – значит подорвать всё здание, выстроенное на вере в то, что человек – это пустой холст, доступный для любого рода эстетических изысков.

А примативность, как заправский дерзкий экскурсовод по внутреннему зверинцу, беспепелляционно объявляет: *Прошу прощения, ваше интеллектуальное высочество, но вы – не только ваши лайки, образы и гендерно-нейтральные игрушки. Вы – продукт миллионов лет безжалостной эволюции, а не просто набор масок, вылепленных в воскрешающих тренингах личностного роста. С природой, увы, не торгуются. Извините, если что не так.*

Феминистские теории (и не только они) настаивают: всё – от сексуальных предпочтений до распределения ролей – это исключительно культурные конструкции, детально вышитые на *табуле расе* под микроскопом социума. Воспитание, окружение, токсичный патриархат – вот ключи к человеческому поведению. Но тут появляется примативность и нагло заявляет: *Секундочку! У вас в мозгу уже предзаписано куда больше, чем вам хотелось бы – ещё до того, как вы впервые пролезли сквозь решётку кровати!* И это, конечно, ересь. Настоящее кощунство. Особенно для тех, кто верит,

что гендер – это пластилин, а личность – стартап с бесконечными инвестициями в редактирование.

Да и сама архитектура этой концепции – *мужик и баба?* Серьёзно? Всего два пола? Ну куда ж мы с таким мракобесием в век метавселенных и нейросетей, обученных на квир-поэзии? Современный мир стоит на своём изысканно креативном, дрожащем основании: если ты не погружаешься в бездонную палитру гендерной многомерности, не виляешь хвостом между *агендером* и *демибоем*, – значит, ты *ошибка системы*. А вот примативность снова влезает, как муха в бокал с шампанским, и скромно шепчет: возможно, это не сбой, а та самая системная настройка по умолчанию. Просто природа, со всей своей безапелляционной прямолинейностью, подсказывает, что понятие *пол* – штука упрямая и не особенно поддаётся корректировке, несмотря на весь арсенал культурных кисточек.

И начинается настоящий баттл за *новые нормы* – как операционная система, которую все пытаются переписать на ходу. С одной стороны, примативность в сопровождении хладнокровных, порой бесстрастно-эстетичных наук – от нейрофизиологии до этологии – заявляет сухим голосом эволюции: *Ваши гендерные роли – это не просто наряды для бала самовыражения, а следствие миллионов лет поведенческого естественного отбора*. С другой стороны, строем идут идеологические авангарды – яркие, шумные, иногда абсурдистские, как парад LGBTQ+ Прайда в космосе. Они го-

нят вперёд *квадроберов, кибер-эльфов и гендер- флюидных кентавров*, и скандируют: *Мы сами решаем, кем быть!* Их манифест прост: гендер, сексуальность, идентичность – не от кости и крови, а от контекста и контента. А природа?.. Ну, кто вообще в XXI веке советуется с природой?

Системе совершенно невыгодно выносить примативность на свет софитов. Потому что в ней – **слишком много настоящего**. А настоящее не продаётся. Оно не нуждается в обёртке. Инстинкты – это не глянец, а голая механика выживания. Стоит человеку начать осознавать, чем он на самом деле движим – и вся конструкция начинает шататься. Люди перестают быть идеальными потребителями. Зачем покупать десятую пару кроссовок или проходить семинар *Как стать версией себя 3.0*, если вдруг стало ясно: ты просто самец или самка, запрограммированные миллионами лет выживать, размножаться и держаться иерархии?

В тот момент, когда человек осознаёт: *Это не мои мечты – это мои инстинкты в маркетинговом гриме* – начинается конец. Конец не эволюции. Конец модели всеобщего благоденствия потребления. Поэтому на сцену выходят психологические марафоны, коучинги, йога-психотерапия и фабрика смыслов: они аккуратно накидывают вуаль на лицо примата. Чтобы он не понял, кто он есть. Чтобы продолжал покупать, стараться, сомневаться в себе – и, главное, сравнивать себя с витринными версиями *лучших людей*.

А что учёные? Ах, эти изящные **артисты компромис-**

са, мастера обтекаемого формулирования – в эпоху, когда за неосторожную фразу можно оказаться не у кафедры, а у позорного столба Twitter'a, научное сообщество предпочитает мягко отступить в тень. Концепция примативности, со всеми её неудобными молекулярными откровениями, архивируется под грифом *политически токсично*. Она как радиоактивный изотоп – стабильная, но социально опасная. Отвергают её не потому, что она научно слаба, а потому, что слишком сильно воняет правдой – и может повредить тщательно выстроенным витринам прогрессивных нарративов, а также поколебать устои целых индустрий.

Идеологическая повестка, как говорится, важнее какой-то там последовательности ДНК.

Признание того, что биология держит нас за горло – нежно, но крепко – это как плеснуть кислотой на изящный фарфор гендерных утопий. Хрупкий фасад, нарисованный акрилом идентичностей, начинает трескаться. И из-под слоя символических конструкторов проступает старый добрый зверь – с его доисторическими инстинктами, ролевыми паттернами и трагикомической предсказуемостью.

Неудобный мир человеческой природы, увы, не подписывал никаких манифестов. Он просто живёт в нас, как старый постоялец, которому наплевать на правила нового общежития.

Суть проста и болезненно красива в своей прямоте: стоит примативности выйти из тени – не вальяжно, не с изви-

няющимся покашливанием, а на полном ходу, как хищник, уставший ждать, – и весь этот блестящий балаган психологических тренингов, кросс-культурных изысканий и размышлений о социальных конструктах разлетается в клочья. Как мыльный пузырь, отражающий радугу до тех пор, пока в него не ткнули пальцем. И нет, проблема не в биологии.

Проблема в том, что её смертельно боятся.

Биология – как пыльная древняя книга, которую никто не решается открыть, потому что внутри может оказаться не алмазная истина, а зеркало. Очень откровенное зеркало. Признание примативности ломает привычный пазл: больше не прикрыться благородными теориями о воспитании, влиянии среды или восхитительном равенстве.

Вдруг окажется, что природа приложила к нашему поведению не лёгкую тень, а полноценный бетонный каркас. Упс.

И вот он, главный скандал. Не медийный, не политический – антропологический. Примативность, как безжалостный реставратор, сдирает шелушащуюся позолоту с наших уютных иллюзий. И под ней – грубая, шершавая, наскальная правда: мы не ушли от пещеры так далеко, как рекламируют в буклетах по личностному росту. Более того – мы от неё и не особенно хотим уходить. Просто вырезали окна, навесили гирлянды и назвали это *саморазвитием*.

Копнём глубже.

Теории развития – привязанности, когнитивных скачков, эмоционального интеллекта – уютны и мягки, как психологические пледики. Нас в них заворачивают, убаюкивают. мол, всё можно исправить, перенастроить, переосмыслить. Эмоции, чувства, эмпатия – звучит почти как массаж души. Но потом на сцену тяжело вваливается **импринтинг** – и, как плохо отрепетированный дубль, вся милая сценография рушится.

Импринтинг – это не эволюционный курьёз, это хардкод. Это биологическая кнопка *Запись*, которая включается раньше, чем вы успеете выбрать родительский стиль на основе лекций по гуманной педагогике. Детёныш – будь он гусь, волчонок или человека – не анализирует, он впитывает. Как губка, но не фильтрующая, а архивирующая.

Реальность, знаете ли, далека от гламура. Импринтинг – не просто модное словечко из учебника, а реальный механизм, который превращает младенцев живых существ в ходячие копии поведения взрослых.

Сценарий первый: ребёнок наблюдает, как взрослые решают конфликты без криков, обсуждают проблемы не через швыряние кастрюль, а за ужином с чаем и аргументами. Итог? Выросший экземпляр с нервной системой, устойчивой к бытовому апокалипсису. Такой взрослый может слушать, говорить, не превращать каждый спор в миниатюрную Тро-

янскую войну. Скучно? Возможно. Но чёрт подери, как это работает. На фоне драматических страстей инфантильных парочек он выглядит почти как персонаж тягучего сериала – но именно такие и не орут по пустякам и не режут по ночам в подушку.

Сценарий второй: в доме – не тишина, а глухая симфония из хлопков дверей, затяжных пауз и воплей, резонирующих в подкорке лучше всякой классики. Или ещё тоньше – эмоциональный игнор: вроде бы всё спокойно, но напряжение такое, что кошка предпочитает ночевать в ванной. Что получает ребёнок? Правильно, премиум-подписку на программу *и так сойдёт*, а вместе с ней – поведенческий набор из серии *сам справлялся как мог*. Итог: взрослый с отлаженным, как швейцарские часы, арсеналом токсичных реакций. Он либо орёт на коллег и партнёров с благородным пафосом армейского инструктора, либо замыкается в себе, лелея роль тихого страдальца, обиженного на весь мир и особенно – на тех, кто посмел не угадать, чего он хотел на этот раз.

Импринтинг – это не нянька и не терапевт. Это безжалостный зодчий, которому плевать на ваши чувства. Он не интересуется объяснениями, не разбирается в контекстах и не читает книжек по позитивному родительству. Его подход почти эволюционно военный: *Вот тебе молоток, три гвоздя и пример – делай, что хочешь*. И самое восхитительно-горькое здесь то, что этот набор инструментов – часто бракованный, ржавый и вообще не для этой работы. Люди взрослеют,

уверенные, что действуют по собственному плану, что они – капитаны своей судьбы, флагманы личных решений... пока не выясняется, что сценарий их жизни был написан задолго до того, как они научились говорить *я сам*.

Родители становятся режиссёрами спектакля, не подозревая, что ребёнок – вовсе не зритель, а впечатлительный актёр, впитывающий реплики, мимику, даже интонации. Они показывают, что такое любовь, как проявлять заботу, как злиться, как отстраняться, как наказывать и как просить прощения (или не просить вовсе). Всё это укладывается в шаблоны, в трафареты – от одного поколения к другому, как закваска, которая каждый раз даёт один и тот же каравай.

Хотите предсказать поведенческий паттерн взрослого? Посмотрите, как его родители решали, что делать, когда обидно, страшно, стыдно, скучно, одиноко, неловко, не оправдались ожидания – или никто не вымыл посуду. Это и будет его демоверсией в будущем браке.

Ирония? О, она здесь в каждой строчке. Импринтинг не просто создаёт привычки – он выстраивает лабиринты. Те самые поведенческие паттерны, которые в детстве казались *нормой*, становятся невидимыми стенами во взрослой жизни. Представьте себе человека, который рос в доме, где эмоциональная близость – это либо миф, либо мина. Что он сде-

лает, когда кто-то попытается сблизиться? Правильно – либо убежит, как дичь в лесу, либо, наоборот, превратит каждую ссору в миниатюрную войну за признание и контроль. Он не знает другого. Он не выбирает – он повторяет.

Всё как биология и любит.

И в этом, пожалуй, главное разочарование: мы не столько ищем свободу, сколько интуитивно воспроизводим то, что когда-то было зашито в нас без спроса.

Как базовый алгоритм в компьютере, импринтинг молча определяет наши поведенческие маршруты. Он не спрашивает разрешения, не отправляет уведомлений – просто запускается. И этом-то и кроется главная насмешка судьбы: большинство даже не подозревают о его существовании. Им кажется, что они делают *выбор*. Что они анализируют, сравнивают, принимают решения с умным прищуром и *осознанием*. Но по факту?

Это программа, которая запустилась ещё тогда, когда они были слишком малы, чтобы вообще понять, что происходит.

И вот они, взрослые тела с детскими алгоритмами, гордо маршируют по жизни, уверенные в своей автономии. Они идут на свидания, выбирают партнёров, ругаются, мирятся, строят семьи – уверенные, что это они управляют процессом. Но стоит покопаться – и обнаруживается, что их реакции давно выбраны за них. Не жизнью. Не логикой. А формулой, вписанной в подкорку в возрасте, когда они ещё верили, что телевизор работает, потому что внутри живут ма-

ленькие люди.

Психологи, конечно, пытаются подать это под романтическим соусом тепла и обнимашек: *эмоциональная связь, базовое доверие, формирование привязанности*. Всё звучит приятно – как вечер под пледом. Но стоит его отдёрнуть – и перед нами не ламповая история о любви и традициях, а сухая биологическая математика. Это даже не психология – это нейропрошивка. Ваши привычки, как вы реагируете на критику, как вы переживаете отказ, почему вы беситесь, когда вас перебивают – всё это было вшито в вас до того, как вы научились самостоятельно завязывать шнурки.

И вот что по-настоящему неприятно (и восхитительно правдиво): избавиться от этой прошивки – не так-то просто. Вы можете пройти марафон саморазвития от человека в футболке с надписью *Я стал лучшей версией себя*, можете прочесть десяток книг с подзаголовками вроде *Как перепрошить мозг за 21 день*. Но если основная программа осталась прежней – вы будете возвращаться. Всегда. Назад, в свой биологический default.

Потому что импринтинг – это не воспоминание. Это не опыт. Это фундамент. Это как пол под ногами: вы можете постелить ковёр, поставить диван, повесить модную картину, но под всей этой мишурой – тот же самый бетон.

Зашлифуйте это в подсознание, как клеймо на скоте: импринтинг – это не добрый психотерапевт, который бережно возьмёт вас за руку и скажет: *У тебя огромный потенциал*,

ты особенный – ты сможешь всё изменить. Нет – и это будто удар в живот всем тем, кто привык искать оправдания в *детских травмах и неправильной социализации.*

Этот бескомпромиссный диктатор говорит без сантиментов: *Смотри, дружок, всё сложнее. Ты не просто травмирован – ты настроен так, как тебе показали. Всё, что ты видел в первые годы жизни, стало твоей операционной системой. И это уже не перепишешь уютными историями о новом подходе к воспитанию. Ты не просто согрешил – ты был запрограммирован согрешить.*

И почему, интересно, эта концепция до сих пор остаётся за пределами научных дебатов?

А вот почему. Так же, как и примативность, она жутко неудобна для всех тех, кто хочет остаться в уютном мире социальных конструкций. Импринтинг рушит новомодные теории, в которых человек представлен исключительно как продукт социальной среды. Он крошит в дребезги эту идиллию, как ребёнок витрину с керамикой: громко, с треском и без права на возврат. И утверждает: все эти тома по психологии, что обещают вам новую жизнь, работают не так, как хотелось бы. Потому что внутри вас прописан не только опыт – но и биологический код. А его, увы, не так-то просто перепрошить.

А что же альтернативы? Давайте взглянем на них.

Теория привязанности Джона Боулби, основанная на этологических принципах, звучит как родная сестра концепции импринтинга. Ранние взаимодействия с родителями формируют устойчивые паттерны – своего рода чёртово наследство, от которого невозможно избавиться даже через суд. Боулби утверждал, что привязанность – это не сентиментальная чепуха из романических комедий, а жёсткий эволюционный механизм выживания. И с этим трудно спорить: чем ещё объяснить наше навязчивое стремление к близким, которые порой эмоционально душат нас – вроде из любви, но слегка с подвывихом?

Привязанность – она как парашют: может и не раскрыться, но выбросить всё равно нельзя.

Вот только фокус в другом: привязанность создаёт ощущение безопасности, а импринтинг – выжигает поведенческие матрицы в долговременной памяти. С пелёнок. И на всю жизнь. Попробуйте их стереть – удачи. Не выйдет! Эти шаблоны всплывут в самый неподходящий момент, в любой кризисной ситуации, как вирусы из глубинного кэша. И неважно, сколько раз вы пересмотрели свои установки, сколько прошли тренингов, сколько купили аффирмационных открыток.

А теперь взглянем в другую сторону. **Социокультурная теория Льва Выготского** – великий гуманистический жест, гласящий: *окружение влияет на нас!* Да что вы говорите. Но суть в другом – в отличие от импринтинга, здесь

есть слабый проблеск утешения: возможность корректировки. Якобы. Только вот беда – импринтинг это не натирка на стекле, это татуировка на сердце. Глубокая, кровавая, бес-сменная.

Попробуй повернуть туда, куда хочет *новый ты*, если твой внутренний компас упрямо ведёт по старому маршруту.

Информация, впаянная в психику через импринтинг, не фальсифицируется, не поддаётся вырезанию и не признаёт волю клиента. Это не просто механика подсознания – это BIOS вашей личности. Прописано. Запечатано. Без кнопки *Сброс*.

Исследования импринтинга на людях – это отдельная песня, и, скажу я вам, не для деликатных ушей. Академическая среда и медиа опять вопят хором: *Не-не-не, не трогайте!* Потому что сама концепция ведёт себя как нетрезвый гость на интеллектуальной вечеринке: громкая, наглая и совершенно не стремится соответствовать дресс-коду. Все эти мантры о доверии, безопасности и тонкой душевной настройке? Миленько.

Но тут заходит биология, ноги на ширине плеч, хрустит косточками и невинно спрашивает: *А вы уверены, что всё это вообще работает?*

Потому что сама мысль о том, что поведенческие паттерны могут навсегда запечататься в мозгу – как автограф на сыром бетоне – многих **пугает до дрожи**. Ужасает. Их не сбросить, не стереть, не пересобрать, не заменить на новую

прошивку. Всё: ты с этим, как с переполненным рюкзаком на горной тропе – тащишь, спотыкаешься, но носи-неси, дружок, это уже твоё.

И вот ты стоишь, со всех сторон обложенный концепциями о *развивающейся личности*, а они внезапно выглядят так же уместно, как гирлянда в конце февраля. Это и есть импринтинг. Он не интересуется, комфортно ли тебе – он просто действует. Без пауз и просьб.

Теперь представьте, что кто-то взялся изучать импринтинг на людях. Не просто абстрактно – а с полным погружением в такие *скользкие* темы, как поведение, секс, гендерная идентичность. Ох, это будет мясо! Потому что внезапно выяснится: паттерны поведения, которые мы считаем *выбором*, на деле – инсталлированные схемы. А все эти изящные конструкции о чувствах, *социальном опыте* и *личностном развитии* начинают рассыпаться, как картонная мебель под дождём.

Но многие всё ещё держатся за идею *свободной воли*, как за спасательный круг. Мокрый, дырявый, зато родной.

Вот девочка растёт в доме, где мама – главнокомша: отдаёт приказы, руководит парадными, варит борщ и одновременно строит бизнес-стратегии. Как вы думаете, кем она вырастет? Ха. Скорее всего, это будет та самая амазонка, что в семейной жизни сражается за власть до последнего аргумента, подавляя мужа в духе опытного полевого командира. А если папа был непререкаемым авторитетом – она без проблем

перенесёт эту модель и в свои отношения.

А теперь посмотрите на мальчика, который видел маму в образе царицы с венчиком в одной руке и скалкой в другой. Захочет ли он доминировать в своей семье?

Сомнительно. Вот вам и гендерные стереотипы – не продукт культуры, а, возможно, прямой трансфер поведенческой матрицы.

Живите теперь с этим!

Ах, психология... Эта гуманитарная королева с научными замашками, которая с торжественным видом препарирует когнитивные процессы, сознание, мотивацию, самореализацию и прочие величественные конструкции, будто речь идёт о запуске марсохода, а не о банальном *почему Петя опять выбирает Машу, а не Катю*. Всё так сложно, так витиевато, что невольно вспоминается бритва Оккама: а не слишком ли вы закрутили гайки, дамы и господа? Может, всё гораздо проще? Без лишних заморочек и избыточных танцев с бубном?

Но стоит только произнести страшное слово – *импринтинг* – как в зале мгновенно холодает. Будто кто-то резко выключил кондиционер и вылил ведро ледяной воды на сидящие головы специалистов. Потому что идея о том, что человек – не венец аналитики и осознанного выбора, а ходячий регистратор поведенческих шаблонов, прописанных в него с

детства, – напроочь рушит уютные схемы и красивые лекции.

Для большинства психологов импринтинг – это черный ящик, который игнорирует все их любимые социокультурные факторы и личные решения. Они привыкли объяснять поведение через призму окружения и воспитания, а тут вдруг – *врожденные механизмы и биологические процессы*. О Боже!

Импринтинг не оставляет места для благородных колебаний, он просто фиксирует. А это уже совсем не тот психологический триллер, к которому все привыкли.

Животные, конечно, здесь честнее. У них никто не требует самоактуализации или высоких мотивационных структур. Там импринтинг работает как часы. Но когда мы пытаемся натянуть эту схему на человека, начинается паника. Потому что человек – существо *особенное*, с тонкой душевной организацией и глубинной психодрамой. А тут – бах, и всё объясняется, как у гусят: *увидел – запомнил – повторяешь до гроба*.

В этой парадигме концепция импринтинга звучит как вызов. Особенно сегодня, когда идеология равенства и конструкция *я выбираю себя* прочно засели в умах. Импринтинг посягает на священное – на веру в свободу воли. Он приходит, словно молот Тора, и вдребезги разбивает это хрупкое стекло из цитат Карла Роджерса и мотивационных self-made роликов от Тони Роббинса.

И это особенно злит тех, кто привык видеть в поведе-

нии исключительно результат выбора, а не встроенного, как BIOS, набора реакций. Фем-активистки, борцы за индивидуальность, носители просветлённого гуманизма – все они вздрагивают при одном упоминании, потому что импринтинг ставит под сомнение саму идею личной автономии.

Но хотите вы этого или нет – он уже здесь.

А что бы сказал биолог? Да всё куда проще: мы – животные. Высокоорганизованные, амбициозные, трогательно влюблённые в собственный интеллект – но всё равно животные. И вся эта философия самореализации – не более чем дрожащая попытка уцепиться хоть за что-то *человеческое*, когда под ногами давно уже скользкая земля.

Вспомните Маугли.

Классика жанра: пацан из джунглей, который так и не стал человеком. Не потому что не мог – потенциал у него был, как у всех. Просто его прошивка прописывалась не среди книг, игр и людских диалогов, а среди лиан, шорохов и ревущих волчьих глоток. Это не романтическая дикость – это жёсткий импринтинг, вбитый задолго до того, как он впервые осознал себя. **Классический пример: вырос среди диких животных – получил звериную операционку.** Первозданную, неокультуренную, первобытную. И сколько бы его ни пытались *обучить человечности*, код остался прежним – Маугли навсегда остался на уровне низшего примата.

Потому что импринтинг – это не гость. Это хозяин. Импринтинг, друзья, – вот кто здесь главный. А всё остальное

– разговоры о свободе воли, самореализации и каком-то там *выборе* – не больше чем застарелая пыль в этом биологическом урагане.

И тут начинается наш любимый человеческий трюк: *а вдруг мы – исключение?* Мы ведь, кажется, можем мыслить, выбирать, мечтать? Мы же не гусята, не медвежата, не волчата! Мы же читаем книжки и регулярно ходим на психотерапию. Мы ведь – осознанные. Мы ведь *можем* перепроситься, правда?

Вот только... нет.

Мы, люди, сочинили себе уютную сказку о свободе воли, самосознании и самореализации – как ребёнок, накинувший на себя простыню и уверенный, что теперь он невидимка. Психологи возвели эту сказку в ранг *искусства* с лёгким флером философии, окрестив фантомы самопознания и роста звучным термином – *личностное развитие*.

Мы свято уверены: стоит только по-настоящему захотеть – и можно изменить своё поведение. Нам хочется верить, что сила желания способна переписать мозг. Что если хорошенько потянуть себя за волосы – вытащишься из болота, как барон Мюнхгаузен.

И да, эта вера выглядит внушительно. Почти благородно. Почти свято.

Но биология не впечатлена. Она смотрит на всё это с ленивым, чуть насмешливым снисхождением – как взрослый, слушающий, как пятилетний вдохновлённо объясняет осно-

вы квантовой физики. Трогательно. Но бесполезно.

Ау, самореализация! Блестящий термин для эгоистов, стремящихся элегантно оправдать своё *хочу*. Эти понты – чистый продукт воображения. На деле – это театр, где каждый из нас с серьёзным лицом играет сценариста, забывая, что реплики уже давно написаны инстинктами. Мечты, цели, амбиции – по сути, всё это вариации одного и того же глубинного алгоритма: попытки доказать окружающим (и себе заодно), что ты не просто ходячий генетический набор с паспортом. Что ты умнее соседа.

А если копнуть глубже – никакой ты не режиссёр своей жизни. Ты – вечный статист. В великой, бессловесной пьесе природы. Всё, что мы гордо зовём *свободой выбора* и *свободой воли*, – на деле всего лишь инстинкты, заgrimированные под рациональность. Чуть изысканнее, чем у собаки, чуть амбициознее, чем у воробья.

Разве что теперь в этом спектакле появились костюмы, грим и красиво оформленные слова.

И всё бы ничего – если бы не одно *но*: людям невыносимо, когда за них уже всё решено. Наша так называемая *свобода* – это умело замаскированный блеф. Прямой эфир шоу под названием *жизнь*, где игроки искренне уверены, что могут менять правила. Но они даже не подозревают: за этим шоу стоит генеральный продюсер.

Биология.

Самая неприятная часть? Она не скрывает свою роль. Просто никто не читает титры.

Но даже это знание – о своей несвободе – мы умудряемся использовать в попытке выделиться. Стать осознаннее, выше, лучше остальных. Как будто признание собственного автоматизма делает нас чуть менее автоматическими. Мы строим из этого новую идентичность. *Я не как все. Я понял. Я проснулся.* Только вот проснувшийся тоже идёт по заранее натоптанной тропе – просто в рубашке другого цвета и с модным словом *инсайт* на устах.

Эй, самопознание! Ты ли это опять? Реклама новой версии старого инстинкта, только теперь с интерфейсом минимализма, практик внимательности и чашечкой матча латте.

Но давайте будем честны: мозг – не ищущий истины философ. Он просто алгоритм, жадный до выживания. Он создаёт иллюзию выбора не для того, чтобы мы были свободны, а чтобы мы функционировали. Чтобы хоть как-то мирились с абсурдом.

Смысл жизни? Да пожалуйста, ищите и обрящете. Цель, предназначение, высшая миссия? Вот, держите и стремитесь, только не мешайте биохимии делать своё дело. И пока мы произносим на тренингах вдохновлённое *я – творец своей реальности*, тело тихо подсовывает нам дофамин за каждую галочку в чек-листе.

Всё честно: ты веришь в свою волю, а биология – в твоё выживание.

И вот что ещё: мы до смерти боимся этой мысли. Боимся признать, что наш выбор не свободен. Что лайки, карьера, ипотека, отношения, духовные практики – не более чем усложнённые формы древнего биологического поиска партнера, безопасности и доминирования. Мы заклиная реальность коучинговыми мантрами, философскими цитатами и курсами по самоперепрошивке, как будто можно удалить код лёгким свайпом влево. Но реальность куда жёстче: в конце концов мы всегда возвращаемся туда, откуда нас однажды запустили.

А если выбора нет, если мы запрограммированы так же безапелляционно, как **обезьяна Маугли**, – тогда вся эта борьба за статус, квартиры, автомобили и отдых на Мальдивах – просто абсурдное хобби. Изящная симуляция смысла жизни. Только вдумайтесь в это.

И в конечном итоге? Мы маниакально убеждаем себя, что всё ещё можем переписать сценарий, изменить курс, освободиться. А можем ли?

Вот так мы и живём. С видом капитана, стоящего на мостике, когда на деле давно уже в трюме, прикованные к вёслам. И каждый гребок – это не *шаг к мечте*, а просто отклик на шёпот древнего механизма внутри: *Греби. Ещё чуть-*

чуть. Может, тебя заметят.

И страшнее всего не то, что свободы нет. Страшнее то, что она, возможно, и не была нужна. Только красивая обложка для книги, которую всё равно никто не писал сам.

И увы, в глубине души мы это знаем: мы – как те самые лемминги, которые стремительно несутся к краю обрыва, с каждым шагом всё отчаяннее веря, что это *их* выбор.

Естественная мораль

У животных всё просто: рычишь громче – дерёшься реже. В мире зубов и когтей страх – валюта повседневности. Экономика примитивна, но эффективна: напугал – сберёг силы, шкуру и, особенно ценный ресурс в дикой природе, – время на заживление.

Угроза – это филигранный удар без единого движения. Чем внушительнее клыки – тем меньше поводов их применять. Логично, не правда ли?

И тут начинается великая ирония природы: чем опаснее твои когти, тем туже затянут твой моральный корсет. Да-да, у зверей он есть – встроенный аварийный тормоз под названием **естественная мораль**. Что-то вроде биологического ремня безопасности для тех, у кого слишком остро всё настроено.

Страховка для особо буйных.

Мощное оружие требует сдержанности: одно неловкое движение – и ты случайно кого-то убил. Или, хуже, – себя. Конрад Лоренц, старый лис от этологии, заметил это первым: чем смертоноснее потенциал, тем серьёзнее страх его применения. У слабаков мораль простая: *не тронь меня – и я не трону*. А у хищников – целый негласный свод законов выживания.

И тут на сцену выползает человек – это недоразумение

эволюции, жалкий, голый, беззащитный, с шансами на выживание как у курицы против лисицы. Но мы, умники, решили обмануть систему. Вместо клыков – палка. Потом копье, пушка, бомбардировщик, атомная бомба. Казалось бы, всё удачно складывается, однако наша естественная мораль не поспела за прогрессом – увязла где-то в доинтеллектуальной топи, на уровне инфузории-туфельки.

Потому что интеллект мчится вперёд на гиперзвуке, а эволюция – это плуг на конной тяге.

Мы гордо называем себя вершиной пищевой цепочки. Но какая это вершина, если каждый наш шаг грозит обрушением? У нас есть интеллект, который изобрёл способы уничтожить планету десятки раз, но нет элементарного согласия, чья идея или пантеон богов лучше.

Мы – это трагедия и фарс одновременно. У нас технологии будущего и мораль прошлого. И в этом безжалостном парадоксе – весь человек.

Сравните нас с остальным зверинцем. Змеи – химические реакторы на брюхе – шипят, устраивают дуэли взглядами, но до реального замеса доходят редко. Волки, клыкастые дипломаты, урегулируют конфликты мимикой, ритуалами и кодексами волчьей чести. Природа, мудрая скряга, встретила им тормоза: не бей просто так, не убивай без причины – береги популяцию. А вот когда дошло до человека, словно кто-

то отвлётся и забыл активировать ограничитель.

У братьев наших меньших всё внятно: чем страшнее твой арсенал, тем жёстче внутренний запрет на его применение. Никаких хитросплетений. Змеи – шипят, волки – рычат, но настоящей бойни почти не случается. А человек? Он изобретает дроны-камикадзе, а тут же торжественно собирает форум по *глобальному миру*. И в перерывах, пока кофе не остыл, испытывает парочку новых ракет – **на всякий случай**.

Сдерживающие механизмы? Да, они есть. Где-то. Как аварийный тормоз на телеге, которую давно унесло вниз по склону. Мы называем это *искусственной моралью* – великой симуляцией приличия. Но это как пытаться уговорить голодного тигра перейти на брокколи. Все такие: *Ну мы же цивилизованные, правда?*

Спойлер: не очень.

Человек – штукавина без встроенных ограничителей. Изначально. Ни клыков, ни панциря, ни ядовитых желез. Просто кусок мяса с мозгом. Но зато – с гранатомётом. Начав путь с пустыми руками, мы закончили боеголовками с радиусом поражения в тысячи километров. И потому были вынуждены в экстренном порядке придумывать костыли: религии, нормы, законы, кодексы, – весь этот моральный крепёж, чтобы хоть как-то удержать зверя внутри нас.

С появлением оружия, способного одним движением пальца превращать города в пепел, человечество вдруг спо-

хватилось: *Может, пора придумать что-то, чтобы мы сами себя не угробили?* Так началась эпоха моральных подпорок – хрупких конструкций из норм, запретов и договорённостей, отчаянно призванных залатать зияющую пустоту там, где природа *забыла* встроить внутренние границы.

Мораль стала чем-то вроде пластыря на пробитую артерию – жестом не столько эффективным, сколько символическим. Потому что, стоит отпустить всё на самотёк, Homo sapiens с удивительным энтузиазмом начинает монтировать себе фееричный финал – эффектный, громкий, с фейерверками и классическим грибовидным облаком на заднем плане.

Но вот беда: религии, законы, этика – всё это декорации. Красивые, пафосные, но хрупкие, как витражи. Они создают иллюзию порядка, пока кто-то решит, что правила больше не работают. И тогда – вуаля: под маской цивилизации снова проступает лицо примата. Только теперь этот примат держит в руках не палку, а ядерный чемоданчик.

Технологический апгрейд – галактический. А мораль всё ещё на уровне песочницы: дай ведёрко, отдай совочек, не дерись, не тыкай палкой в других. Мы балансируем на краю, как пьяный канатоходец над кратером, играя с силами, к которым внутренне не доросли. Каждый год изобретаем всё более изощрённые игрушки смерти, но наша этика всё ещё в подгузниках и с погремушкой.

И пока моральный прогресс плетётся в хвосте у техноло-

гического, на звание *разумного вида* нам рано подавать заявку. Мы – ходячая эволюционная шутка с таймером самоуничтожения.

У животных агрессия – это инструмент. Настоящий survival kit, не каприз. Природа выдала чёткий мануал: бей только когда припрёт. Защищай, отпугивай, выживай – но не устраивай геноцид ради зерна и нефти. Человек же решил, что правила – это для слабаков. И теперь наша мораль растягивается, как резинка в дешёвых трусах: чуть что не так – и хрясть, – понеслась душа в рай.

В быту мы, конечно, милашки: *Как дела? Как семья?* Но стоит кому-то взглянуть не так, и лоск цивилизованности слетает быстрее, чем макияж в ливень. Внутренний неандерталец тут же ломает дверь: не с дубиной, а с высокоточными системами наведения. Любезность испаряется, стоит затронуть что-то *святое* – детей, флаг, землю или, страшно сказать, *национальную гордость*. И вот – здравствуй, шоу: инстинкты с глухим хрипом вырываются на свободу, разум уходит в бессрочный отпуск.

Агрессия – не порок. Это наш автопилот. Предустановленная опция с заводским чипом: *распознай своих, бей чужих*. Работает до того, как мы научимся говорить. Дайте группе карапузов случайный признак отличия – и сразу получите мини-рейх в песочнице. Лопатки летят, ведёрки превращаются в крепости, лозунги звучат на тарабарском.

Мы легко превращаем цвет, флаг или логотип в тотем и готовы идти в крестовый поход за любую пластмассовую идентичность.

Этот древний баг мозга – золотая жила для манипуляторов. Политики, пропагандисты, маркетологи – все, кто знает, на какие кнопки жать: они играют на нашей пещерной психике, как виртуозы. Укажи на врага – и толпа тут как тут. Готова линчевать даже тех, кто носит носки с сандалиями: этих еретиков первыми поднимут на вилы. Потому что главное – обозначить *чужого*. Остальное – дело техники.

Так запускается конвейер ненависти. Животные убивают без изысков, а мы превратили жестокость в искусство. Это – наш особый талант, наша суперспособность. **Мы не просто причиняем боль – мы проектируем её, стилизуем, доводим до блеска, патентуем.** Мы – не звери. Мы хуже. Потому что зверь убивает, чтобы выжить, а человек – чтобы *доказать свою точку зрения*. И природа смотрит на всё это с легким недоумением: *Что, простите, я вообще создала?*

Гнев – старая, как мир программа. Кто-то нарушил границы? Тут же включается сигнал тревоги. Покажи зубы, подними шерсть, рыкни – и, если повезёт, обойдётся без драки. Но человек не ищет простых решений – о нет. Мы начали с камней, продолжили топорами, а теперь сидим, пальчиком по сенсорной ядерной кнопке ласково водим.

И не дай Бог дрогнет.

И чтобы хоть как-то замедлить эту смертельную игру, мы придумали новый костыль – модный, дорогой и вкусно пахнущий эфирными маслами: психотерапию. *Попробуйте проговорить свои эмоции. Найдите компромисс. Обнимите своего внутреннего ребёнка.* Прекрасно. И вот уже на сцену, как горох, целыми горстями высыпают герои нового времени – коучи, тренеры, гуру самоосознания, терапевты, психологи. В нарядных штанах, с правильными цитатами и серьёзными лицами – с важным видом рассказывают нам о том, как *управлять гневом, осознать себя и достигать внутреннего дзена.*

Ах да, дыхательные практики. Глубокий вдох... медленный выдох... Представьте свой гнев в виде воздушного шарика. Замечательно. А теперь – представьте, как он медленно сдувается. Превосходно. Где-то за горизонтом уже щёлкнул предохранитель системы ядерного реагирования... Дышите глубже, это не повод паниковать.

Представьте радиоактивный пепел как медитационную пыльцу, оседающую на всё живое – она не обжигает – она внутренне трансформирует. Опишите, что чувствуете. Не переживайте – душа всё равно первой эвакуируется.

Добро пожаловать в осознанный Армагеддон. Это и есть дзен эпохи выжженной земли.

А ещё – есть приложения! Да, это он, так и есть – наш лю-

бимый техно-шаманизм. Хотите научиться *активному слушанию*? Или поработать с *внутренним блоком гнева*? А может, вас заинтересует *нейрографика* – изысканное раскрашивание подсознания в пастельные тона? Это всё мило. Очень мило. Только агрессия не испаряется от цветной мандалы и чаши поющих тибетских вибраций. Она затаивается. Тикает. Ждёт своего часа. И этот час, как показывает история, всегда приходит. С точностью до минуты.

И самое умильное – святая вера оптимистов в *конструктивный диалог*. Давайте, мол, соберёмся в кружок, нальём чаю, выложим на стол свои чувства и решим всё мирно, по-взрослому. Конечно! Это же наверняка тронет агрессора, который уже пересёк границу с танками, минирует ваш огород и направил башню на детский сад.

Он услышит про вашу *внутреннюю уязвимость*, вздрогнет, пустит слезу, отложит оружие и уйдёт воспитывать эмпатию, обнимая берёзки. Ага. Только скорее всего, вас в этой чашке чая и утопят – аккуратно, с легким намёком на уважение. Пока вы взволнованно проговариваете свои эмоции, другой уже апатично нажимает *Пуск*. Но вы держитесь. Говорите про дзен. Ведь ничто так не останавливает агрессора, как хороший задушевный разговор, верно?

И вот он, сухой остаток – без фильтров и обёртки. Весёлого мало. Человек – это первобытная тварь с летальным арсеналом и дырой на месте совести. У него нет врождённой морали, как у слабых, – они не дерутся, потому что знают,

чем это кончится. Нет и встроенных ограничителей, как у сильных, – те не убивают, потому что *могут позволить себе не убивать*.

Мы – странная ошибка, нелепица от природы, одетая в приличный костюм, причёсанная и слегка напудренная: существа, которые вместо клыков придумали ракеты, а вместо тормозов – оправдания.

И пока мы с важным видом рассуждаем о ценностях, этике, правах и глобальном мире, внутри нас всё так же сидит тот самый древний предатор. Не ушёл. Не эволюционировал. Просто научился ждать. Сидит в углу, потирает лапы, точит когти – и если появится удобный случай, снова вылезет наружу. Без маски, без стыда, без совести. С инстинктом на взводе и пальцем на кнопке: ради наживы, ради любви, ради идеи, **ради того, чтобы почувствовать себя живым**.

А пока – играйте свою роль разумного, сдержанного, этичного. Носите с миром свою личину благопристойности.

И надейтесь, что она не слетит в самый неподходящий момент.

Ярость без мандата

Репродуктивная гонка – это самый бессердечный мотор эволюции. Великая мясорубка бытия, беспощадный отборочный тур, где вся суть жизни сводится к одной- единственной цели: протащить свои драгоценные гены сквозь века. Самцы бросаются в этот марафон с таким фанатизмом, словно на финише их ждёт не просто право на потомство, а прямая путёвка в генетическую Вальгаллу.

Природа – это не бабушка с пирожками и добрыми сказками, а строгий бухгалтер с каменным лицом и очками без оправы. Принёс пользу популяции – отлично, остаёшься в каталоге. Стал балластом – извини, нам не по пути. Здесь побеждают не самые отзывчивые, а самые эффективные – те, чьё биологическое эхо отзовется в будущих поколениях.

Остальные – просто пыль на тропинке эволюции.

Межвидовая борьба – это не какая-то мелкая грызня за завтраки. Это тотальное побоище за право вообще существовать. Зубы, когти, ядовитые жала – в ход идёт всё, что выдали при рождении. Нет своей стратегии? Значит, ты – часть стратегии кого-то другого. Добро пожаловать на чью-то тарелку.

Но по-настоящему сочный трэш начинается внутри видов. Вот где природа устраивает кинопоказ категории *для взрослых* с элементами документалки. Какой же здесь ад на

земле!

Внутривидовая борьба – это уже не просто война, а саможестокость на уровне ДНК. Вид сам себе ставит подножку: битвы за территорию, самок, пищевые крошки или даже банальное чувство собственной значимости – причина, по большому счёту, неважна. Итог всегда один: истощение, сокращение численности, и – финальные титры.

Природа не тратит время на перевоспитание. Неэффективных она не лечит – она списывает целые виды из своего каталога. Безжалостно. Без возврата.

А теперь – о нас, людях.

Мы возвели внутривидовую грызню в ранг высоких искусств. Войны за нефть и золото, торговые санкции, территориальные переделы, политические интриги – всё та же драка под фонарём, только теперь с пресс-службами и брендбуками. Мы зовём это прогрессом, хотя по сути это старая, как мир, эволюционная возня за жирный кусок пирога. Окружающей среде, впрочем, плевать на наши красивые вывески. Для неё мы по-прежнему не совсем умные приматы, бодро лупящие друг друга за крошки ресурсов, клочки земли, жвачку и власть, удобно называя это *геополитикой* – и с завидным энтузиазмом добровольно стирающие себя из её реестра.

Человечество вечно пытается себя переиграть. Мы с важ-

ным видом называем себя *цивилизированными*, будто само это слово способно прикрыть все баги биологии. Откройте любую книгу по истории – и вы увидите не путь просветления, а хронику бесконечных попыток выдать дикого зверя за воспитанную дворнягу. Мы надеваем на него смокинг, машем перед носом дипломом, ставим в углу рояль и гордо заявляем: *вот она, цивилизация!*

А зверь? Он просто сидит в тени, точит когти о ножку стола – и ждёт. До первой же оплошности.

Агрессия – не сбой системы, не сбивка с курса, не случайность и уж тем более не чья-то *тёмная сторона*. Это хищно-точная гильотина природы: безжалостная, отточенная, абсолютно функциональная. Она не спорит, не рассуждает – она отсекает. Слабых – в клочья, сильным – апгрейд, допинг и пространство.

Естественный отбор без пауз и скидок: или ты растёшь, кусаешь, дышишь в затылок – или превращаешься в фоновый шум. Природа не играет в альтруизм, ей плевать на мораль, ей важна отдача на вложенное. Кто тащит – тот размножается. Кто тормозит – уходит под лёд. Больно? Да. Но страшно эффективно.

А где, скажите на милость, копится вся эта красивая, выверенная злость?

Да в голове же. Человеческий разум – это глючная, но по-

своему гениальная прошивка для приматов. Она позволяет не только жрать, спариваться и биться за квадратные метры, но ещё и страдать, мечтать и рефлексировать до полуобморока. И – коронный момент – **пытаться перепридумать самого себя.**

Теперь человек может не просто существовать, а *осмыслить* своё существование, нить по прошлому, строить воздушные замки про будущее и сжигать тонны ценного нейронного топлива на то, что природе вообще по барабану.

Для выживания в природе нужен минимальный пакет: съел, спарился, подбросил крошек деткам, исчез за горизонтом. Но человек пошёл вразнос – у него избыток энергии. Не мышечной – ментальной. Этот психический переток, энергия второго сорта, и стал топливом для мечты, трагедии и экзистенциального маразма. Разум – это оформление этой избыточности, способ её упаковать, перегнать агрессию в культуру, а тревогу – в трагикомедию.

Разум – высшая точка психоэволюции. Концентрированное ментальное горючее, из которого можно слепить что угодно: от квартета на струнных до термоядерной боеголовки. Животным этот апгрейд не выдали – им хватает скромного набора: инстинкты, условные рефлексy, минимальная нейронная автономия. А человек зачем-то вручил себе навороченный интерфейс: теперь, будь добр, кайфуй не только от мяса и оргазма, но и от музыки, абстракций, философских шизофрений, бесплодных споров, маниакального само-

копания и изошрённых, высокоинтеллектуальных способов испортить жизнь себе – и довести до нервного тика окружающих.

И всё бы ничего – звучит почти благородно, – но есть нюанс. Разум, при всей своей напыщенной гениальности, бессилен изменить базовые настройки. Он не может перешить ни архитектуру мозга, ни скорость нервной реакции, ни объем выбрасываемой в топку психической энергии, а лишь худо-бедно пытается дрессировать древнюю звериную платформу, на которой построен человек.

Сублимация, самоконтроль, самопринуждение – да, всё это возможно. Но только как вежливая надстройка над тем же маститым животным, которое продолжает хотеть: ощущений, действия, секса, доминирования. Троглодит внутри требует движухи, и только потом, спотыкаясь о последствия, приходит разум с детским совочком и начинает разгребать руины.

Так что нет, речь не о том, чтобы *меньше страдать*. Хотелось бы просто, чтобы страдания шли с инструкцией по применению. Ведь технический прогресс уже швыряется спутниками и алгоритмами, а моральная прошивка по-прежнему пищит модемом каменного века. Человечек остался прежним: жадный, тревожный, мстительный, алчный и кровожадный. Просто теперь вместо дубины у него система самонаведения с программно-аппаратным интерфейсом.

И это, как бы так выразиться... слегка настораживает.

Но тут, как из кустов, придерживая сползающие штаны и размахивая брошюрами, выскакивают пацифисты и гуманисты – с горящими глазами и тысячу раз проговоренными мантрами: *обижать нельзя; надо договариваться; давайте строить мосты, а не стены; любой конфликт решаем миром.*

Прекрасно звучит, особенно когда речь идёт о любовных треугольниках. Конечно, давайте сядем за стол, проведём переговоры, накидаем карту желаний и выработаем взаимоважительное решение. Может, предмет страсти даже выдаст официальное разрешение на эксклюзивный доступ обеим сторонам?

Да нет же, естественно.

Влюблённый – это хищник на адреналине. Ему глубоко плевать на аргументы. Он либо выносит конкурента с поля боя, либо сам проваливается в эмоциональную сингулярность, потому что **жизнь без неё не имеет смысла**. И вот в этот момент попробуйте прочитать ему курс по *рациональному поведению* и предложить *конструктивный диалог*. Желательно – из-за бронированного стекла или вне зоны досягаемости острых предметов.

Даже Давид, который, на минуточку, занимал не последнее место в социальной пищевой цепочке, не стал устраивать дипломатический брейншторм. Он просто устранил оппонента. Чётко, без театра, без затей – и, что характерно, результативно. Потому что иначе никакого Соломона бы не

случилось, и вся славная династия ровненько шла бы мимо. Что важнее – благородные принципы, этические скрижали или сильный наследник?

Да и кому, в сущности, сдались эти границы и принципы, если выигрывает всегда тот, кто вовремя вышел за их пределы?

Ох уж эти возвышенные стремления. Стоит человеку захотеть чего-то *по-настоящему* – и вот уже кровь на песке, кости под ногами, а на выходе привычное оправдание: *ну, это же ради прогресса*. Вот вам, к примеру, Магеллан. Хотел найти новый путь в Индию, но довольно быстро осознал: без кандалов, мозгов на палубе и умеренного количества трупов его великая экспедиция останется студенческим курсовиком на уровне вечерней болтовни у костра.

Он не был дураком – прекрасно понимал: если за его пафосной одержимостью не маячит золотишко и власть, то вся эта затея ничем не лучше влажных фантазий гуманитария первого курса: *а давайте сделаем мир лучше*.

А мечты, как известно, живут в тесной коммуналке – делят койку с честолюбивым зудом. И всегда в команде найдётся кто-то с дрожащим голосом и начнёт хныкать: *а может, вернёмся? Подлечимся? Пересидим у родных берегов? Ну ведь можно же без всей этой жести...* Да, можно. Можно поставить паруса обратно, развалиться в гамаке и допить

остатки рома на берегу. Только в такой конфигурации – либо ты за борт, либо они.

Магеллан, человек жёсткий, но трезвый и предельно логичный, просто освободил штурвал от лишних рук: **немного почистил команду** – от самых впечатлительных. Чтобы не мешали рулить. Потому что аргумент *да ну его, этот ваш край света, домой бы* – это не позиция. Это дефолтная настройка тех, кто не создан для неизвестности; тех, кого пугает глубина.

Да и вообще – кто сказал, что *домой* – это хорошо?

Проблема в том, что если каждый раз перед любым трусливым визгом *нам и так нормально* – жать на тормоз, то можно навсегда забыть про цивилизацию – и остаться в уютной болотной *стабильности*. Магеллан мог бы сдаться, вернуться, попивать винцо под шум прибоя, рассказывать морские байки под печёную скумбрию.

И что? Мир остался бы маленькой, тёплой лужей. Никто бы ничего не проверил, не открыл, никто бы не узнал, действительно ли Земля круглая или это просто иллюзия перспективы. Мы бы так и остались полупещерными – по локоть в сажу и копоту, с круглыми глазами, в драных ошмётках и шарахающимися от грозы.

Можно было подождать! – скажут всё те же мягкотелые мечтатели, склонные к *созерцательному подходу*. Конечно, можно. Можно вообще ничего не делать. Сидеть на месте, обнимать подушку и ждать, что всё само как-нибудь рассо-

сётся. Только не рассосётся. Не тогда, не через десять лет, не через сорок. Люди почти никогда не выходят за пределы формальной логики – крайне редко делают что-то просто так.

Всё, что действительно толкает мир вперёд, рождается не из рассудка, а из зуда, голода, ярости – и чуть-чуть из безумия.

Потому что новое не приходит по приглашению. Его надо вырывать – из зубов страха, в драке, без шансов на мирные переговоры.

Эволюция, в своём мрачном величии, поступила разумно: она прописала нам базовую прошивку – настороженность и страх перед переменами. И именно это спасло нас от вымирания в первые же тысячелетия: мы инстинктивно отстреливали чужаков, шарахались от всего непривычного и с подозрением смотрели на любые инновации.

Правильно делали. Иначе бы нас уже давно не было.

Любая революция – это поначалу кучка одиночек, которым надоело объяснять что-то толпе. Они просто берут – и делают. Захотелось приручить собаку? Прекрасно.

Только сперва попробуй убедить племя, что за это не стоит разрывать тебя на куски, потому что *эта тварь точно сожрёт нас всех ночью!*

Великие идеи побеждают не в дискуссиях. Обычно –

наглостью и упорством. Или тем, что их носители оказываются упрямее, злее, циничнее и крепче на кулак.

Большинство всегда хочет одного и того же – стабильности. Оно всегда хочет стабильности. Программа, отточенная миллионами лет: *делай, как предки, потому что они хотя бы не сдохли*. Общество хватается за уютную серость как за спасательный круг, дрожит перед переменами, охраняет своё *так принято* с фанатичным благоговением. Как священную реликвию.

Пока не появляется тот, кому всё это осточертело. Он не спорит, не уговаривает, не просит одобрения – он просто идёт напролом. А если кто-то против? Ну, так его мнение никто и не спрашивал.

Мозг перегрелся. Где-то в центре вспыхнула искра, и пошло-поехало: по коре пошла цепная реакция, задевая все подряд – раздражение, злость, агрессия, напряжение, нетерпение – вся невротическая симфония включилась одновременно. Головной процессор требует разрядки. Срочно. Прямо сейчас. Без диалогов и уступок.

Что делать? Выпить – даст пару часов иллюзий. Дрова поколоть? Да кто их столько напасёт? Дать кому-то в нос? Отличный способ, пока не нарвёшься на такого же энтузиаста, но с хорошим запасом мышечной массы. Валерьянка? Удачи, кот оценит. Весь фокус в том, что так называемые *плохие* эмоции – это просто попытка сбросить избыточный мозговой заряд. Это не сбой. Функция: батарея перегружена, энер-

гия ищет выход.

И – сюрприз – человек как вид выжил и перевернулся в разумного именно благодаря своей энергоизбыточности.

Вся наша пресловутая *разумность* – не вершина, а побочный эффект. Как чайник свистит от кипения, так и человек начинает *думать* от перегрева мозга. *Плохие* чувства – это не брак системы, это вспенившийся верх избыточной психической энергии. И они никуда не денутся. Они – как раздолбаный рваный перрон у последнего вагона, как кожа, натёртая в кровь – до самого мяса: именно там всё трётся, рвётся, зудит и давит – и именно там начинается движение.

В точках сопротивления среде – в этих точках боли и конфликта мы и начинаем что-то менять.

Без злости, без раздражения, без вспышек гнева и боли – всё давно бы покрылось плесенью и заросло мхом. Поэтому все эти советы *подавите эмоции, будьте добрее* звучат примерно как сердечное предложение чайнику *не кипятить*. Ну-ну.

Ну хорошо, допустим, человечество решило не устраивать себе финальный сезон в ядерном костре. Прекрасно. Какие планы? Как образумить неумных? Что делать с теми, у кого энергия льёт через край, кто не может сидеть на месте, от кого неясно, чего ждать? Ведь это не всегда будущие Магелланы, Ганди и Манделы – это могут быть и Калигулы, Иди Амины и Муссолини.

Заставить бояться наказания? Великолепно. Только вот смертник с поясом шахида не боится ровным счётом ничего – у него, прости меня Аллах, совсем другая система координат. Другая мотивация.

Запретить оружие? Ну конечно. Потому что мир без оружия – это просто рынок, где его делают подпольно и продают втридорога. Надеяться, что никто не нажмёт красную кнопку? Трогательно. Десятки лет тысячи офицеров дежурят у пусков, зная, что если прикажут – жажнут. Без обсуждений. Без сомнений. По инструкции.

И вся планета вспыхнет, как сухой луг в августе.

Ещё один благородный план – построить настолько справедливое общество, чтобы исчезли причины для насилия. Звучит прекрасно. Почти трогательно. Благородно. Но тут эволюция хихикает в кулак из-за угла: *вы серьёзно?* Жадность, агрессия, конкуренция – не досадная накладка, а базовая человечья комплектация. Это не вылечить пионерскими речёвками и магическими заклинаниями. И не обновить до последней версии гуманизма.

Экология? Уничтожение природы? Ну да, конечно, виноваты злобные корпорации... которые просто делают то, за что платят потребители. Каждый хочет новую машину, отпуск на море и ремонт по последнему тренду в стиле *урбан-бохо*.

Пусть богачи сначала поделятся! – возмущаются одни.
А что, я должен жить хуже? – парируют другие.

Инстинкты громче лозунгов. Пока человек хочет жить *хорошо*, он будет грести под себя и жрать ресурсы, как саранча, потому что так велит его внутренняя матрица. Другое дело – делать вид, что мы выше этого. Угу.

А что там у нас про разумное общество? О, это такая утопия, где все конформны, законопослушны, вежливо улыбаются и, конечно же, не делают гадостей. Каждый раз, как с нуля. Чтобы в этот раз вышло лучше, чем в прошлый. И в позапрошлый. И в тот, когда всё опять ушло под откос. И во все предыдущие, потому что цивилизация, сколько её ни строй, раз за разом разбивается об одну и ту же бетонную стену – человеческую природу.

И дело не в том, что кто-то слишком агрессивный. Дело в том, что у всех нас слишком много энергии. И она обязательно куда-то пойдёт. **Вопрос только – куда.**

Логичное решение: ослабить человека. Пусть не рыпается, не протестует, не взламывает, не лезет куда не просят и не хочет слишком многого. Нужен спокойный, покорный, смиренный индивид без лишних амбиций и острых углов. Но вот незадача – свободная психическая энергия не различает *добро* и *зло*. У неё другой масштаб: насколько сильно можно менять окружающий мир.

Хотите уgomонить преступников? Прекрасно. Но тогда прощайтесь и с гениями, и с первооткрывателями, и со все-

ми лидерами вообще. Ограничьте жестокость – получите кастрированную волю. Урежьте эгоизм – вместе с ним исчезнет талант. Задушите честолюбие – и пропадут не только аферисты, но и политики, бизнесмены, визионеры. Энергия – универсальна. И если она не идёт в одно, пойдёт в другое.

Единственное правило: всегда до упора. Без полумер.

Так что нет, у природы нет для вас *альтернативного человека*. Господь, если угодно, поставил условие: **берите, что дали и возрадуйтесь**. Вот подросток, с в кровь разбитым лицом, но без конца лезущий в драку. Вот банкир, скупающий всё подряд, до чего дотянутся руки. Вот поэт, с пером за ухом, как последний дебил, прущий на баррикады. Вот учёный, готовый уничтожить себя самого, лишь бы докопаться до сути.

Это всё – энергия. Всё – одно и то же топливо, один и тот же движок. И выключателя у него – нет.

Если общество хочет быть *разумным*, ему сначала придётся избавиться от людей. Ну или хотя бы вырастить новую модель – покорных, предсказуемых, без скачков адреналина, без желания урвать, сломать, переделать. Чтобы сидели в уголке, занимались коллективной добродетельностью и не отвечивали.

А мораль? А справедливость? А нравственность? – воздевает руки к небу романтик и украдкой шмыгает носом. О, боги! Да вы всё ещё не поняли, что это такое? Это просто красивые вывески, которые вешают на обветшавший фасад,

чтобы не так бросалось в глаза, что внутри – то же самое рубилово. Кровавая схлестка.

Мораль – это идеал поведения, справедливость – идеал устройства мира, нравственность – идеал общественных отношений. А идеал, по определению, – то, чего нет. Фантом.

То, чего в реальности пока нет, но что возникает как прямая противоположность происходящему – как диалектический антипод, как вторая часть единства противоположностей. Это не просто дуализм, а проявление диалектической пары: новое желание, идея или образ появляется именно тогда, когда окружающая реальность становится невыносимой.

Как желание похудеть не возникает на пустом месте, а только когда есть, что сбрасывать, так и стремление к противоположному рождается из неудовлетворённости настоящим.

Человек – конструкция нестабильная. Почему он вообще выдумывает все эти изошрённые концепции? Потому что не может быть в ладу с самим собой. Его всё бесит, его всё не устраивает, он не умеет просто *быть* – ему всё время нужно менять, крушить, изобретать, собирать заново. Его неравновесие – это не сбой, это суть.

Фундаментальная особенность. Базовая функция. Побочный эффект внутренней избыточности, которая бурлит под

кожей и требует выхода.

Её можно обернуть в музыку или в бойню, в поэму или рейдерский захват, но нельзя выключить. Потому что человеческая психика – это не просто движение, это прирост импульса. Вечный разгон, ускорение. Внутренний перегрев. Пока остальной мир стоит на месте – человек мчится вперёд и снова и снова разбивает себе лоб в кровь о стену, в надежде, что в этот раз она точно рухнет.

Двигаться можно как угодно – но нельзя меньше. Это физика. Можно строить правила, вводить запреты и ограничения, договариваться и уговаривать, придумывать тормоза – но всё это лишь временные амортизаторы, чтобы не улететь в кювет раньше срока. Потому что путь всё равно один – вперёд. И конечная станция – это не рай. Это перезапуск. Уничтожение текущей версии мира и сборка следующей.

А вы что думали – мы сюда прибыли вечно пикники устраивать?

Примите как данность: солнце сдохнет. *Не возможно*, не *если*, а точно. Это не гипотеза – это жёсткий, абсолютно ясно доказанный факт. Так что все эти разговоры про *вечное человечество*, *разумный прогресс*, *гармоничное развитие* – не более чем вежливые сказки для тех, кто не готов смотреть финалу в лицо. Иллюзии для слабонервных.

Агрессия, как писал Конрад Лоренц, – всё тот же древний инстинкт с легким налётом цивилизации. Мы повязываем ей бабочку, наряжаем в бальное платье, но внутри – всё та же

хищная сущность. В хорошие времена она охраняет семью, в тяжёлые – стирает города. Мы называем себя разумными, но рулит по-прежнему инстинкт. Мозг – это так, интерфейс. Визуальная оболочка.

А под капотом – двоянный мотор: страх и агрессия. Первый – поджигает фитиль. Вторая – срывает пломбу. Видишь чужака? Страх орёт: *беги!* Агрессия шепчет: *бей первым.*

Вот и весь базовый алгоритм. Никакого апгрейда: **атака или ноги в руки.** Комбо из каменного века на современных протезах.

В середине XX века американские педагоги решили схватить Бога за бороду и переписать детскую психику с нуля. И, как водится, *облажались*. План был простой, как дверной косяк: исключить из детства любые неудобства и создать поколение детей, свободных от огорчений – убрать всё плохое, оставить всё хорошее, чтобы вуаля, – на выходе идеальный ребёнок! Никаких отказов, никаких вспышек ярости, никаких разочарований. Только розовые единороги, плюшевые мишки и уверенность в том, что жизнь – это всегда *да* плюс радуга с пончиками. Ну, в теории всё выглядело чудесно. На практике – ад на земле. Душераздирающий зоопарк.

Человеческая психика – не хрустальный шарик, а кипящий энергетический котёл, где бурлят эмоции. Агрессия – один из ключевых ингредиентов. Когда педагоги решили закрутить все *вентили*, они превратили детей в ходячие скороварки. Давление копилось, крышка трещала, и когда её со-

рвало – вырвался не только пар, но и гайки. Вместе с петлями.

Результат предсказуем: крышка слетела, стены заляпаны.

На выходе – поколение перегретых бомб, выращенное в стерильных условиях, где любое *нет* звучит как катастрофа. Эти дети не умеют сталкиваться с отказом. Они не проживают фрустрацию, не переваривают агрессию – они её накапливают. А потом – бац! – вспышка. Взрывы где угодно: в школе, дома, на ровном месте. Они не справлялись с жизнью – они от неё как могли спасались. Бегом – в экраны телефонов, в истерики, в депрессию. Потому что хотя бы там – иллюзия безопасности.

Наивный эксперимент закончился предсказуемым крахом. Лишив детей возможности проживать трудности, общество сделало их слабыми и беспомощными. Обернув их пузырями заботы, взрослые вырастили поколение, не способное справляться с вызовами и выдерживать даже минимальный стресс. Подавленная агрессия не исчезла – она прорывалась в истериках, вспышках жестокости, разрушительном поведении. Каждое такое *воспитательное чудо* доказывало простую вещь: агрессию нельзя просто отменить, как рекламу на YouTube. Это наша неотъемлемая часть, требующая управления – не подавления.

Игнорировать её – всё равно что пытаться накачать вело-

сипед, не заметив огромную дыру в камере. Бесполезно.

Лишая детей возможности сталкиваться с разочарованиями, взрослые отняли у них главное – способность адаптироваться. Что общество получило на выходе?

Поколение невротиков. Кто-то сдаётся при первой трудности. Кто-то требует, чтобы всё решали за него. А кто-то превращается в ходячий вулкан, взрывающийся при любом сопротивлении, потому что его никто не научил справляться с собой.

Жизнь – это не благодатный пирог, который делится на всех поровну, а жестокий беспринципный махач, где побеждает тот, у кого зубы острее и локти крепче. Этот мир не для педагогических утопий, а для безжалостной борьбы – и выигрывает в нём не самый добрый, а самый приспособленный.

Опять двадцать пять.

И каждый раз, когда кто-то всерьёз говорит, что всё зависит только от *обучения*, хочется спросить: вы правда думаете, что вулкан можно приручить, если читать ему лекции? Ну наивно же. Однажды он всё равно взорвётся.

Экспериментаторы захотели слепить из разных детей одинаковых – мягких, неконфликтных, неагрессивных, сладеньких, как сироп из ванильной патоки. Забывая при этом простую вещь: неравенство – это не социальная ошибка, а базовый закон природы. Люди с рождения не равны. Кто-то появляется на свет с золотой ложкой в зубах, а кто-то – с ржавым черпаком. Судьба раздаёт столовые приборы вслепую,

без свежееотпечатанных инструкций.

И никакие сказки про *равные шансы* и *старт с нуля* этого не отменяют. Их не было, нет и не будет. Хотите поговорить о равных возможностях? Поговорите с тем, кто вырос в нищете, под аккомпанемент побоев и звон бутылок, – каково это, начинать *с чистого листа*. А потом спросите у наследника миллиардов, с какими невыносимыми трудностями он столкнулся *на пути к успеху*.

Поэтому вера в то, что поведение человека или животного – это просто набор реакций, который можно переписать, как строчку кода, – не больше чем уютный самообман. Мол, стоит подучиться – и природа сдастся. В этом мифе природа выступает как неудачная пробная версия, а воспитание – как патч, который всё исправит. Удобная сказка для тех, кто боится взглянуть реальности в лицо: инстинкты не перевоспитываются, а ритуалы не отменяются, сколько бы ни расставлял закладки в учебниках. Это заблуждение родом из детского восприятия мира – когда кажется, что если очень захотеть, можно всех приручить. Даже себя.

Социальные ритуалы – это тончайший слой лака на грубой древесине человеческой природы. Рукопожатия, улыбки, вежливые реверансы – всё это древние протоколы безопасности, придуманные, чтобы люди не кидались друг на друга с кулаками после первой неловкой фразы. Мы называем это *культурой*. И да, удивительно, что это вообще работает: заменить рычание на *здравствуйте* и считать это вер-

шиной цивилизации – это же почти анекдот. Великая шутка эволюции, в которой даже дикость маскируется под приличие.

Эти нормы – как обои на треснувшей стене: прикрывают хаос, маскируют напряжение, заменяя кулаки и затаённую ярость на учтивые поклоны и регламентированные улыбки. Мы с умилением называем себя *цивилизованными*, но по факту – это тонкая ледяная корка на раскалённой лаве. Один неосторожный шаг – и вот он, зверь, просыпается.

Даже животные устраивают свои ритуальные спектакли: лев рычит, демонстрируя арсенал в своей пасти, но не бросается в бой, пока ставки не становятся фатальными.

Ритуалы – это буфер. Между нами и катастрофой. Между взглядом и ударом. И у зверей, и у нас.

И особенно у нас.

Даже самые утончённые и торжественные церемонии – не более чем попытка приручить хаос. Превратить импульс в рутину и утихомирить ту самую биологическую бездну, которая, в сущности, никуда не делась. Такой себе ритуалистический барьер, чтобы мир не скатывался в пучину каждый раз, когда кто-то посмотрел не так.

Но давайте честно: вся эта вежливость – просто смазка для ржавых шестерёнок общественного механизма. Сорвите фасад – и перед вами человек в его первозданной красе,

с набором агрессивных инстинктов, аккуратно упакованных в приличную одежду. Мы носим в себе этот генетический рюкзак с динамитом и делаем вид, что он – винтажный аксессуар. Инстинкты – та самая дикость, которую мы якобы победили. Победили? Скорее, затолкали в чулан и задвинули мебелью, надеясь, что она там уснёт. Спойлер: не уснёт.

Инстинкты живы, бодры и в отличной форме. Просто сидят в засаде: мы закатали их в асфальт урбанистики, припрятали под стеклянными фасадами и винировыми улыбками.

Современные города – это зоопарки: дикость в клетке из условностей, правила в охапке, а дрессировщики в бейджах с надписью *HR*. Но у клеток есть замки, а у замков – привычка ломаться. И вот уже ваш вежливый сосед с айфоном и смузи в руках в один прекрасный момент превращается в хищника, которому плевать и на потухшие светофоры, и на прежние нормы приличия.

Клетка приличий хрупка. Лев вырывается – и весь гляцевый фасад в секунду рассыпается в пыль. Блестящие презентации, вылизанные профили, улыбки по протоколу – всё это становится просто фоном для нового, гораздо более зрелищного, первобытного шоу.

И всё потому, что жгучий голод, зов похоти и запах крови перекрыл сигнал Wi-Fi.

Так и живём – инстинкты всё те же, только реквизит сменился. Вместо булавы – бейджик с именем, вместо охоты на мамонта – многонедельная осада дедлайна. А схема стара,

как пещерные рисунки: агрессия остаётся движущей силой, просто её впихнули в узкие офисные брючки и научили говорить *с уважением*.

Вот она, природа агрессии: психическая энергия, аккуратно складированная слой за слоем, как динамит под старым театром. Не дать ей выхода – всё равно что сидеть на бочке с порохом и надеяться, что её забудут поджечь. Вспышка – всегда неожиданна. Но почти всегда неизбежна.

История человечества – это и есть история попытки натянуть на льва смокинг и заставить его пить чай с печеньками. Мы построили цивилизацию как тонкую сеть, в надежде, что этого хватит, чтобы укротить зверя. Но он не уснул – он просто научился мурлыкать.

Вы когда-нибудь замечали, как дрожит эта тонкая паутинка цивилизации? Законы, мораль, приличия – вся эта обёртка тонка, как шелк на сквозняке. Мы не победили агрессию – просто прикрыли её вуалью вежливости, церемонными рукопожатиями и дружелюбными цитатами Дейла Карнеги. А под этой ширмой всё так же бурлит. Давит. Глеет в челюстях, сидит в мышцах, долбит в темя – с готовностью в любой момент прорваться наружу и снова заявить о себе.

Слишком тонкий слой лака, чтобы сдерживать ядерное топливо внутри.

А главное – наша природная агрессия не уродство, которое надо выкорчевать. Это двигатель прогресса. Именно она

вывела нас из пещер и заставила зарыться в коды, идеи, мегаполисы и микрочипы. Не будь её, мы бы до сих пор сидели и недоумевали: *Как же так? Огонь жрет дерево? Да ну нах...*

Агрессия заставляет нас бороться, изобретать, создавать и, конечно, разрушать – потому что путь к новому всегда лежит через руины старого. Она может сжечь – но может и зажечь. Секрет – не в том, чтобы её прятать. **Секрет – в том, чтобы перенаправить.** Точно так же, как дрессировщик направляет хищника через пылающее кольцо – не забывая при этом держать кнут наготове.

Но приручить льва – это не сказка с хэппи-эндом и титрами под Моцарта. Это сделка с дьяволом на постоянной основе. Речь не о том, чтобы выкорчевать агрессию с корнем (спойлер: не выйдет), а о том, чтобы нанять её в команду.

Современные социальные инженеры – те, кто вместо кнута предпочитает политику и комьюнити-гайдлайны – изобрели свои цифровые намордники: нормы, законы, моральные коды. Мы с серьёзным видом надеваем их на хищника – и молимся, чтобы ремешки не лопнули в самый неподходящий момент.

Иногда, да – срabатывает. Но если вам вдруг показалось, что агрессия исчезла, значит, вы просто смотрите в другую сторону.

Она всё ещё здесь.

Вот она, полюбуйтесь – с пивом у телевизора, в майке любимой сборной, яростно орёт на судью на экране и машет лапами в воздухе.

И в этом весь фокус: не в искоренении агрессии, а в её *перенаправлении*. Природа выдала нам разрушительное топливо – так почему бы не поставить его на службу? Мы строим стадионы, чтобы канализировать страсти – выпускать ярость в безопасном, управляемом формате. Придумываем искусства, чтобы эмоции не просто взрывались, а обретали форму: кричали на холсте, выли в музыке, горели в словах.

Создаём религии и этические системы не от избытка душевной благодати, а потому что кто-то должен держать зверя на цепи.

Хотя он всё равно рвётся – каждое новое поколение, как первокурсник на раздолбанном мопеде, снова и снова пытается удержать равновесие: руки на руле, глаза в ужасе, педаль газа вжата инстинктом.

Так что же это за зверь – то самое перенаправление психической энергии? Или, если по-простому, накопленной агрессии, только на языке чуть более научном, чем банальное *держите себя в руках*. Это эволюционный трюк. Хак. Вшитая функция: не подавляй – направляй.

Агрессия – это огонь. Его не потушить навсегда, но можно выбрать: разжечь камин или устроить пожар на весь квартал. Хотите жить без разрушений – стройте. Хотите быть силь-

ными – действуйте точно. Хотите удержать зверя – не бейте его. **Дайте ему задачу.**

Спорт? Легализованный ринг, где можно рвать жилы и получать аплодисменты. Искусство? Узаконенное безумие, где боль превращается в форму. Карьера? Самая утончённая охота, где инстинкты носят костюмы от Hugo Boss. Перенаправленная агрессия – это архитектор с динамитом: да, он проектирует виадук, но хорошо знает, что держит в руках взрывчатку. Главное – не передавать управление. Потому что если зверь поведёт, вы вряд ли узнаете, где закончится эта дорога.

Представьте себе: древний человек, живущий по принципу *бей или беги*, внезапно очутился в мегаполисе. Стоит в пробке на Втором кольце. Вокруг – гудки, неон, смартфоны, кофейни, титьки, ляжки, толпы каких-то уродов. Представили? Да ну его нафиг, такое зрелище! Неудивительно, что культура и общество взяли на себя роль дрессировщика, натягивая поводок до хруста – лишь бы наше внутреннее *дикое и звериное* не разнесло всё к чёрту.

Вот зачем нам нужны нормы, законы и социальные игры: чтобы львы не жрали овец, а хищники учились сидеть на совещаниях. И вот зачем нам нужен спорт – как цивилизованный вольер, где можно рвать когтями... по правилам.

Спорт – не просто игра, а культурная вакцинация от распада. Иммунирует против Судного Дня на улицах. Коллективная терапия, где племена в шарфах выгуливают свою древнюю жажду крови под одобрительный гул стадиона. Побеждает – значит, твоё племя сильнее. Проиграл – можешь сжечь автобус. Всё по-честному. Инстинкты довольны, один автолюбитель в трауре, всё общество – на удивление цело.

Спорт – вот эта баночка консервов, в которую мы аккуратно запихиваем инстинкты воина и охотника, чтобы те ненароком не взорвали общественное спокойствие.

Футбол? Да это просто ритуализированная бойня: вместо мечей – бутсы, вместо крови – пот кумиров и слёзы фанатов. Бокс? То же самое, только без прикрытий – тут всё по-честному: синяк под глазом, зубы в зале, мозги на ринге. Это не просто игра, это социально приемлемая форма войны. Зачем нам Ганнибал, если есть чемпионат мира? Мы создали целую экономику безопасной агрессии – рынок, где наши внутренние звери могут выпустить пар, не превращая улицы в арену гладиаторов.

Хотя, если быть честными... арена уже готова. Просто билеты продаются через онлайн приложение.

А если не спорт – тогда дружба, коммуникация, всё то, что Дарвин, будь он сегодня инфлюенсером, называл бы soft power эволюции. Личное общение, взгляд в глаза, смех за чашкой кофе – всё это антидот против животной ярости. Потому что агрессия – это не просто инстинкт, это ещё и во-

прос дистанции. Ненавидеть удобно на расстоянии. Удалёнка, VPN, заблюренные аватарки – и вот уже любой встречный превращается в врага. Но убери преграды, сблизь, впусти запах человека в своё поле восприятия – и зверь внутри на миг замирает.

Смотрит искоса. Нюхает. Узнаёт сородича. Колеблется, зараза.

Инкогнито – топливо для агрессии, потому что в тени легче рычать и лаять. Интернет стал саванной без последствий, где можно скакать с копьём из CAPS LOCK'a, не опасаясь получить в ответ. Тролль в жизни и тролль онлайн – это два разных биологических подвида. Один – вежливый сотрудник в серых брючках с пластиковым бейджем на шее, другой – цифровой голиаф, пускающий слюни ярости на каждую чужую – *неправильную* – запятую. **Социальные сети – вот где львы наконец поняли, что охотиться можно сидя.**

И всё же, несмотря на эту цифровую охоту, в нас остаётся старая, усталая, но до боли знакомая тяга к реальности. К настоящему прикосновению, к честному, хоть и грубому взаимодействию. В этом – парадокс: чем более цивилизованными мы становимся, тем больше тоскуем по нецивилизованному. По драке, по риску, по настоящему. Мы вырываемся на трибуны, в комментарии, в спортзалы – не потому что звери – а потому что ещё смутно помним, как это – быть живыми.

Перенаправление агрессии – не чудо, а стратегия с мозгами. Вот личные связи, к примеру. Это вам не просто социальный клей, а настоящее *WD-40* для ржавых шестерёнок общественного механизма: капнул пару капель – и всё вдруг крутится без скрежета. Гораздо сложнее ненавидеть того, чьё лицо ты уже видел.

Анонимность – наш свежий наркотик, превращающий вежливого налогоплательщика в клавиатурного льва-людоеда. Но стоит встретиться *вживую* с тем, кого так яростно ненавидел *в онлайне*, – и вдруг чудо: агрессия испаряется, как пар с утреннего асфальта. *Привет-привет*, бурчит вчерашний тролль, не поднимая глаз. Потому что ненависть – паразит тени. Она процветает там, где никто не видит.

И это превосходно знают те, кто живёт и зарабатывает за счёт ненависти. Мерзкие пропагандоны в форме, фальшивые демагоги, мастера по сборке идеологических костров, разжигатели конфликтов – все эти профессиональные пастухи нашего страха. Им личные связи – как серпом по были.

Почему? Потому что дружба крошит их бизнес-модель: она невыгодна. Ненависть строит неприступные крепости, дружба разбирает их по кирпичикам. Пока все разделены – машина работает. У вас не получится искренне ненавидеть страну, если в ней живёт ваш друг. Поэтому людей надо держать на дистанции, подкладывать им под нос страх, гнев, тревогу, разводить по разные стороны окопа. Ненависть – это

их хлеб с маслом.

А дружба? А это как раз то, что выбивает у них из рук тарелку.

Где ещё можно оставить агрессию за порогом? Что у нас с домом? Ах да, дом – это не просто *жилище*. Для мужчины – это крепость, логово, последний бастион в этом восхитительно лицемерном мире, где нужно мило улыбаться, даже когда всё внутри вопит: *рявкни, вмажь, разорви*. **Дом – это его пещера в джунглях цивилизации.**

Здесь можно сорвать с себя галстук – символ одновременно и успеха, и добровольного рабства. Здесь он – настоящий. Здесь можно хоть ненадолго стать собой. Без фасадов. Без поклонов. Без роли. Без маски.

Только он, стены, и усталый зверь, который, наконец, может хрипло выдохнуть.

Нет, речь не о пиве у телека. Речь о гараже, огороде, мастерской, библиотеке – любых зонах, где можно зализать раны, полученные в ежедневной битве за территорию, статус и признание. Это не побег – это регенерация. Здесь он сбрасывает маску *функции*, перестаёт быть исполнителем, добытчиком, ответственным взрослым – и возвращается к себе настоящему, пусть и слегка потрёпанному.

Мужская пещера – не роскошь, а древний рефлекс: укрыться, восстановиться, собраться, чтобы затем снова прыгнуть в джунгли социальных контрактов – за ежедневную битву за место под солнцем. На очередной раунд за право

быть.

У женщин – иначе, но суть та же. Её пещера не физична. Это не сад и не кухня – **это момент.**

Момент, когда её просто оставили в покое. Не трогают. Не воспитывают. Не обесценивают. Это не про квадратные метры – это про пространство без шума. Где никто не читает нотации о том, что она *опять всё усложняет*, и не вручает очередной *диплом по драматизму* с видом великого психотерапевта. Это редкие минуты, когда можно сбросить плащ супергероини и просто *быть* – всё как у мужчин, фантастика! – без оправданий, без ролей, без всех этих опостылевших цирковых трюков.

Объятия без повода, тишина без упрёков, возможность выговориться без лекций в ответ – её вариант выживания.

И тут внезапно – сходство. Пещеры разные, но жажда укрыться от мира и выжить в хаосе под названием *жизнь* – универсальна.

Рыбалка, охота, любой экстрим – всё это звучит как хобби. На деле – это способ прикоснуться к истокам. Признайтесь: вытащить рыбу из воды – это не только про ужин. Это про возвращение к себе, к ощущению *альфы*, к биохимии победителя.

Прыжок с парашютом, рев бурной реки, круча скалы под пальцами – это не просто *люблю адреналин*, это культурно

упакованное *а слабо?*

Это тот самый древний вызов, который заставлял наших предков выходить из пещеры и не возвращаться без трофея. Камон, ребята, разве вы бы платили за это, если бы где-то глубоко внутри не горела жажда проверить себя? Это не просто развлечение.

Это древняя проверка на выживаемость. Это способ напомнить себе: *ты можешь*. И плевать, что на тебе сейчас кроссовки, а не шкуры. Суть та же.

Человечество – прирождённый иллюзионист. Мы научились не подавлять инстинкты, а элегантно ребрендить их. Заворачиваешь агрессию в подарочную упаковку, придаёшь чуть лоска, натираешь до блеска – и вот она уже не дикость, а высшее достижение культуры.

Взять хотя бы японцев. Старое доброе махание кулаками превратили в философичные боевые искусства. Теперь это не просто драка, а красивый ритуал с поэзией в придачу. Что изменилось? Разве что порядок действий: сначала ты героически избиваешь своих внутренних демонов, а потом с глубокими поклонами переходишь к чужим лицам. И пожалуйста: агрессия теперь – не тупое *набить морду*, а тонкое искусство самосовершенствования – *внутренний путь*. Медаль, сертификат, пояс, гравировка *за волю к победе*. Всё благородно, эстетично, с восточной изюминкой. Хотя, по сути – тот же древний рык, просто с бархатным баритоном и в кимоно.

Удобно, практично, со смыслом. Эталон культурного макияжа.

И вот он, венец: Олимпийские игры. Международный бал тщеславия, где народы меряются мускулами под соусом взаимопочтения и культурного обмена. *Гляньте на нашу эблему, пока мы вам тут носы ломаем.* Соревнования, где каждый хочет быть первым, но делает вид, что пришёл ради участия. Показательные выступления чьего-то эго, завернутые в национальные флаги, гимны и рекламные баннеры. *Прыжок в длину?* Нет, друг, это прыжок к национальному верховенству. *Плавание?* Нет, дорогая, это погоня за медалью превосходства, а не за достижением цели.

Древние греки хотя бы не ввали: их игры были временным перемирием, – чтобы не вырезать друг друга под ноль в перерывах между забегами.

Мы же умудрились выдать это за *дружбу народов*, оставив всё *спортивным духом* – как будто швырнуть копье дальше всех или перепрыгнуть через палку – всерьёз доказывает что-то, кроме того, насколько удачно у тебя сложился генетический коктейль. Ирония в том, что никакой дружбы тут нет. Мы не отказались от желания доминировать, соревноваться, быть выше, быстрее, сильнее – мы просто написали к этому регламент и начали выдавать грамоты за участие.

На деле всё предельно ясно: это всё наша бурлящая природная агрессия, аккуратно впихнутая в спортивные трусы, выплескивается в борьбу за статус, рейтинги и место на пье-

дестале. Агрессия, приглашенная, отутюженная, прошедшая фейс-контроль.

Плоды эволюции, мать её.

Бизнес! Вот он – легализованный выплеск агрессии, где она хлещет прямо через край. Вот где настоящая гладиаторская арена – только кровь здесь заменена зелёными циферками на экранах, а мечи – договорами с мелким шрифтом.

Конкуренция? Это не просто гонка, это экономическая мясорубка, где слабых сжирают быстрее, чем ты успеешь вскрикнуть: *чёртов демпинг!* Победителей венчают акционеры, засыпая их дивидендами, а проигравших рынок скидывает в свою бездонную яму, называя это элегантным словом *банкротство*. И всё это, конечно, выглядит вполне прилично: костюмы, презентации, рукопожатия – таковы *правила игры*. Но суть? Суть та же – это Колизей нового времени, где кровь стекает не в песок, а в электронные таблицы.

Бизнес – это не работа, это охота, только вместо шкур – сделки, вместо капканов – тендеры, а вместо копий – онлайн презентации. Здесь не просто *предлагают услугу* – здесь метят территорию. Не *сотрудничают* – а временно договариваются, чтобы потом всё равно перегрызть друг другу глотки. В кровь. И не *конкурируют* – а ведут холодную войну за клиента, рынок, внимание, капитал. Всё как в природе: слабые вымирают, сильные размножаются.

Тут каждый улыбается, но при этом точно знает, когда и куда воткнуть нож. ***Ничего личного – просто бизнес – ман-***

тра современного хищника. На деле – всё чертовски личное. Это никогда непрекращаемая битва эго, амбиций, территорий и ресурсов. Ты не просто хочешь выиграть – конечно же нет! – *ты хочешь, чтобы другой проиграл.* Чтобы почувствовал, как это – быть слабым, неуспешным, вне игры.

Это не про рост экономики – это про то, кто в этом квартале станет на один Range Rover ближе к верхушке пищевой цепочки.

Предпринимательство – это не фэнтези про *созидание* и прочую вдохновляющую высокопарную муть. Это умение наступить на горло конкуренту – раньше, чем он успеет сделать это с вами. Просто кто-то предпочитает называть это *стратегией*. Или, чтоб звучало благороднее, – *искусством*.

Какое нахрен искусство? Это гротескная корпоративная мясорубка, которая гордо зовётся *прогрессом* и *инновациями* – только вот запах свежей крови ловко перебит ароматом кофе из общего автомата. Так принято оправдывать природную хищность, втиснутую в узкий галстук и короткие штанишки по последней идиотской моде, которую, конечно же, нужно срочно копировать. Всем и немедленно.

Каждый стартап мечтает быть волком – прикидываясь невинным ягнёнком. А монополист – уже даже не волк, а жирный ленивый хищник из документалки: лежит, тяжело дышит и может одним зевком заглотить любого, кто покажется хоть сколько-нибудь вкусным.

И да, стартапы. Эти блестящие, вдохновлённые глаза, пол-

ные веры в то, что они *меняют мир*. Не смешите. Они меняют только маршруты власти и потоки денег. Потому что если не ты – то тебя. Правила просты: выживает не добрый, а быстрый, не вежливый, а хищный.

Софт скиллы? Пфф. Это просто новая форма камуфляжа. Улыбка – вместо рёва. Эмпатия – вместо удара в спину. Но если прислушаться внимательно, под всей этой шелухой всё равно звучит старый добрый хриплый вой: *Моё!*

Мы говорим *маркетинг* – а имеем в виду охоту с приманкой. Говорим *позиционирование* – а имеем в виду засады и захват плацдармов. Говорим *бренд* – а внутри всё тот же тотем племени, за который готовы драться до последнего байта.

Корпоративная культура? Это просто способ убедить хищников, что пастись в одном стаде выгоднее, чем перегрызть друг другу глотки на планёрке – прямо с утра.

Бизнес давно превратил агрессию и ранговую борьбу в игру, где побеждают те, кто умеет быть хищником – без крови на стенах. Всё, что мы сегодня называем успехом, – очередной трофей в коллекции современного охотника с ноутбуком.

А политика? Это просто изысканное искусство улыбаться, пока точишь нож. Не обманывайтесь: это всё тот же ринг – только сцена богаче, костюмы глаже, речи напыщеннее. Дипломатия, саммиты, протоколы – театральный реквизит в древней игре *влиять, доминировать, продавливать*. Мы зовём это

мирным процессом, но каждый договор – это шахматная атака, а каждая встреча – замаскированный раунд схватки. Когти сменили пресс-релизы, клыки – санкции и экономические удавки. Но суть осталась прежней: борьба за территорию и статус – просто с дипломатической сервировкой.

И вот они, архитекторы смыслов – культура и искусство!

Звучит благородно, даже возвышенно, но по сути – это просто аренда полотна для выплеска внутреннего зверя. Художники, музыканты, писатели – приручённые дикари, сменившие палицы на кисти, клавиши и перья. Всё просто: накопленная энергия – ярость, боль, тревога – требует выхода. А общество, вместо того чтобы бежать в рассыпную, дарует им выставочный зал.

Хочется закричать от боли, сжечь всё дотла, выть на Луну? Пожалуйста. Только делайте это через мольберт, микрофон или книжную обложку. И да – иногда за это ещё и платят.

Картина на стене? Это не просто мазня маслом, а метафорический вопль: *Смотрите, я горю*. Музыкальный хит? Та же истерика, только на мажорной ноте и с приличной оркестровкой. Книжный бестселлер? Это манифест внутренней тьмы, расщеплённый на главы, оформленный в суперобложку и выданный за культурный вклад.

Всё честно: общество получает безопасную порцию чужого безумия, автор – канал для личной психотерапии с мутной перспективой гонорара.

Но не обольщайтесь. Искусство – это не утешение, а чистая sublimation по Фрейдю: хищник просто надел фрак и вышел на сцену. Это не значит, что он перестал быть хищником. Это значит, что он научился рычать в рифмах. И чем яростнее внутренний зверь – тем громче аплодисменты.

Мы говорим *гений*, когда видим, как кто-то мастерски выплеснул свою тьму на полотно или в музыку. Но за этим **всегда** стоит боль, злость, обида или страсть – всё то, что мы боимся признать в себе и предпочитаем рассматривать со стороны, в красиво упакованном, эстетическом виде.

Вот почему почти все великие художники и литераторы были слегка – а иногда и вовсе не слегка – сумасшедшими. Потому что внутри них постоянно шла война. Они просто научились превращать свои сражения в искусство. Их холсты – поля сражений, стихи – фронтовые дневники. Каждый мазок, аккорд, абзац – как след когтей, только вместо крови – эстетика.

И публика в восторге: *Как глубоко! Как чувственно!*

Да, глубоко. Да, чувственно. Но в эти глубины не каждый рискнёт заглянуть.

Мы любим искусство – потому что оно даёт нам легальный способ прикоснуться к чужой боли, не расплачиваясь своей. **Безопасный флирт с хаосом.** Читаешь роман – и

он прожигает тебя, как ожог. Но ты в тапках, под пледом, рядом чай, никто не угрожает и ничто не ломает тебе жизнь.

И это, чёрт возьми, роскошь! – заглянуть в бездну, не падая в неё.

Творец упал за тебя.

Он мучился, кричал, сорвался, может, разбился – но прежде чем исчезнуть в безвременье, успел отправить тебе открытку с самого дна.

Чертовски красивую.

И всё это – тоже часть той самой грандиозной системы перераспределения агрессии. Механизм внутренней канализации для самых опасных порывов и разрушительных импульсов. Это способ разложить озлобленность по палитре, усмирить боль абзацами, укротить хаос через структуру. А заодно – хищно, но элегантно – монетизировать свою личную тьму. Свою внутреннюю тьму.

Не хочешь драться? Горлань песни. Не умеешь орать? Проектируй здания. Создавай интерьеры. Придумывай костюмы. Лупи по холсту, пиши до кровавых мозолей, разбивай парки до боли в коленях, качай железо, рви мышцы, сотрясай мир, танцуй с отчаянием, сражайся с пустотой, врывайся в тишину – и, глядишь, *станешь гением*.

Или хотя бы попадёшь в какой-нибудь каталог.

В этом и есть магия цивилизации: **не убить зверя, а дать ему сцену.** Пусть ревёт, пусть рвёт, пусть мечет, но в рамках выставки, альбома, книги. Пусть танцует, пусть бушует, пусть крошит, но только так, чтобы никому за это не прилетело.

И вот тогда мы называем это культурой.

Но не обманывайтесь: зверь внутри всё ещё жив. Свеж, бодр, голоден – как любой хищник, почуявший слабость. Но цепь может лопнуть в любой момент – и тогда здравствуй, хаос. Этот зверь – не враг. *Он – мы.* Мы его не приручили – мы просто пристегнули к нему манишку и научили держать вилку.

Цивилизация – это хорошо продуманная дрессировка. Культура – это поводок. А криминальные новости – список тех бедняг, у кого он сорвался первым.

Так и живём. Хищники – в театре. Демоны – на зарплате. Агрессия – под ключ. Культурные. Воспитанные. Якобы ручные.

Но если прислушаться... под шелестом заголовков, под светом витрин, под голосами экспертов всё ещё слышно дыхание зверя. Глубокое. Ритмичное.

Он ждёт.

Себялюбие

Знаете, чем человек отличается от льва, например? Нет, не интеллектом – с этим у нас как раз всё крайне неоднозначно. И уж точно не *благородной душой*, как любят наивно повторять современные философы. Даже кошки умеют сочувствовать искреннее. Наше подлинное достижение – это изобретение морали. Не обнаружение её в себе, не просветлённое *открытие* во мхах мироздания, а именно – *выдумка*, самопальная конструкция, наспех склёпанная из культурных обломков, как дурацкий DIY-проект на выходные. Как колесо, пенициллин или новогодняя гирлянда из макарон.

Потому что без неё мы не были бы ни королями джунглей, ни победителями эволюции, а остались бы всего лишь недоделанными приматами – шумными, нервными, склочными и склонными к бессмысленному насилию. Ни тебе царственности, ни победы в эволюционной гонке. Так, двуногие тупые клоуны, хаотично истребляющие друг друга ради удовольствия и случайного преимущества.

Вглядитесь в нас трезво (если сможете): мы, беспомощные *Homo sapiens*, с зубами, не способными справиться даже с чёрствым багетом, и когтями, разве что пригодными для чистки цитрусовых. И всё же – несмотря на эту вопиющую биологическую несостоятельность – мы не просто умудрились как-то выжить, но ещё и построить цивилизацию.

Как?

Элементарно: **мы вылепили из воздуха мораль**. Ту самую, искусственную, накладную, которая должна удерживать нас от погружения в пещерный хаос. Вместо клыков – *возлюби ближнего*, вместо когтей – *не убий*, вместо ядовитой слюны – этика и альтруизм, пригодные для ношения в светских кругах.

Естественная мораль? Да её в нас от природы – с гулькиным клык. И то, если эволюция к кому-то особенно благоволила. Стоит снять эти декоративные панцири под названием *законы и правила* – и мы с радостным урчанием вернёмся к привычному: рвать друг другу глотки за еду, территорию или условный лайк от условного социопримата. В отличие, впрочем, от львов, которые убивают строго по необходимости, мы делаем это, по большей части, от скуки и эволюционной зевоты.

Животным проще: убил, съел, размножился. Прямая, как кишка, логика. А у нас? Жалкое тело, слабое зрение, хрупкие кости, но... – сверхразвитый энергоизбыточный мозг, который вместо того, чтобы спасти шкуру, занят философским страданием по поводу *кто прав, кто виноват и почему все такие сволочи*.

Мы были на отличном треке к званию самого несостоятельного вида на планете – пока однажды не изобрели уни-

версальное поведение-спасатель: страх. Его мы ловко замаскировали под абстракции, запихнули в блестящие коробочки с этическими ленточками и стали выдавать за духовные ценности. Без этого ноу-хау нас, двуногих трясущихся выскочек, давно бы вымарали из пищевой цепи как несостоявшийся эксперимент.

Религия? Прекрасный инструмент, чтобы держать голову опущенной – не из смирения, а из инстинкта самосохранения. Её придумали вовсе не для того, чтобы *возлюбить ближнего*, а чтобы ближний не вмазал тебе по темечку, пока ты задумчиво моргаешь. Альтруизм – дрессировка души послушного дурачка: ты радостно горишь на алтаре чужих целей и амбиций, искренне считая это подвигом. Национализм – для тех, кто хочет дружно, с флажками, кричать *Мы – лучшие!*, строго по расписанию и с мандатом сверху.

И весь этот парад идеалов – героизм, патриотизм, самопожертвование, священный долг, гражданская сознательность, национальная гордость... – это не столько украшения нашей морали, сколько решётки, за которыми мы прячем настоящего себя. Потому что внутри каждого приличного гражданина сидит дикий психопат, и единственный способ не дать ему выйти – посадить над ним маленького внутреннего надзирателя.

С трескучими лозунгами, наборами цитат из Конституции, голосом как у школьного завуча и лицом святого – всё это крайне желательно.

Древние быстро смекнули: чтобы толпа не превратилась в орущую биомассу с горящими факелами, ей нужен поводырь. Свод правил. Или хотя бы табличка *не влезай – убьёт*. Проще говоря, инстинкты следовало приручить. Одомашнить. Обуздать. Накинуть на них поводок, как на бешеную собаку, и назвать это *нравственностью*.

Законы Хаммурапи не заморачивались полутонами – всё максимально по-человечески: *не лезь, куда не звали, если не хочешь огрести между ушей*. Педагогика в чистом виде. Всё как с детьми: вместо *ладь только пушистых котиков, солнышко* – говорят *не трогай горячую плиту, идиот*.

Когда разгорелась первая грызня за место у костра – где чьё мясо, кто первый кусает, кому достанется кость – Моисей торжественно спустился с горы и раздал *Десять заповедей*. Где-то рядом буддисты подбросили *Дзен* – чтобы хоть кто-то в этой вечной свалке тихо сидел и молча медитировал.

А чтобы внушить этой нравственной инженерии священный флер, добавили божественный ореол: отлили статуи богов, выдумали героев, написали эпосы, наваяли саги, сколотили храмы. Мораль водрузили на пьедестал, чтобы видно было из любой пещеры – вот, мол, к чему следует тянуться.

Так и родилось общество: строгое, многослойное и гениально простое. Где каждый знает своё место. Верхи строго смотрят вниз – с высоты балконов и мраморных колонн. Низы тянутся вверх – за пайкой, идеалами или просто по привычке.

Эгоизм, альтруизм, патриотизм, эмпатия... Все эти слова звучат красиво, почти музыкально – но в сущности, это ярлыки, переклеенные на давно просроченные инстинкты. Мы просто пытаемся придать им более презентабельный вид.

Вот, к примеру, *любовь к себе*. На рекламном фасаде – путь к просветлению, самопознание, принятие, внутренний лотос и всё такое. А по факту – всё тот же старый добрый инстинкт самосохранения, просто обёрнутый в цитаты и формулировки от наставников по ежемесячной – и нехилой! – подписке. Или как их теперь зовут?

Коучи? Менторы? Старшие товарищи с заоблачным прайсом на самом видном месте?

А самооценка – это ваш личный PR-отдел, который круглосуточно убеждает вас в том, что вы не просто ценны, – вы незаменимы. Космос *обязан* вращаться вокруг вас, как будто это священная константа бытия.

Как только вы это проглотили, начинается весёлая игра под названием *выжми из жизни всё, но светись как просветлённый*. Вы уже не просто человек – вы центр мира, его альфа и омега, двигатель прогресса и хранитель смысла. Любовь к себе становится карьерной стратегией: главное – собрать как можно больше бонусов, не уронив при этом улыбку. Это уже не инстинкт, а эгоизм с корпоративной айдентикой – с планом роста, нормативами по счастью и бейджиком *лучший сотрудник месяца*, который вам торжественно вручает ваш внутренний нарцисс.

Из этой великой, самодовольной любви к себе – *самолюбия* – рождаются целые философии. Все с гордо поднятой бровью, каждая с претензией на уникальность, но по сути – как яйца в лотке: одинаковые, хоть тресни.

Эгоизм? Это когда вы ставите себя на пьедестал и вешаете над ним прожектор, чтобы никто, упаси Боже, не прошёл мимо вашего сияния. Эгоцентризм? Тут уже монодрама: вы и режиссёр, и главная звезда, и зритель, рыдающий на финальных титрах от собственной гениальности.

Эгоизм – ваш тайный союзник. Он склоняется к вам и шепчет: *Сначала ты. Потом, может быть, остальные. Только не забудь.* Эгоист не видит в людях друзей или врагов – только функции. Ресурсы. А нередко – помехи. Его кредо простое и безукоризненное, как и главный закон жизни: *либо ты, либо тебя.* И неважно, как это выглядит со стороны – пока работает. Вот где курьёз: эгоизм способен быть полезным. Почти терапевтичным. Особенно в мире, где каждый норовит воткнуться в вашу розетку без предупреждения.

Умение сказать *нет* – уже не черта характера, а акт экзистенциальной гигиены. Потому что, когда вас видят как бесплатную электростанцию, отказ – это не грубость, а профилактика. Такой эгоизм – не порок, а внутренний тренер: сначала больно, потом спасительно. Он не уговаривает и не льстит – он просто вырывает из чужих рук ваш последний процент заряда.

А вот эгоцентризм – это уже эгоизм в лакшери-упа-

ковке. Отточенный, как кристалл. Концентрат любви к себе. Человек в этом режиме всерьёз уверен: мир существует ради него – и не утруждает себя сомнениями. Ему не нужно добиваться внимания – он его требует, как бокал воды в ресторане, и с той же ненавязчивой уверенностью. А чужие усилия? Это, простите, коммунальные услуги: *Разве это не включено в стоимость моего величия?*

Разница между эгоистом и эгоцентриком до смешного очевидна. Эгоист хотя бы честен: *мне плевать на вас, и я даже не притворяюсь.* Он пройдёт мимо ваших бед с ледяным *не мой цирк, не мои клоуны* – и не моргнёт. А вот эгоцентрик... он не откажет, нет. Вы – оптический эффект от его собственного сияния: он просто не поймёт, что вы вообще существуете.

А альтруизм с эмпатией? Давайте без комедии. Это давно уже вывески, за которыми скрываются утончённые формы того же душевного эгоизма. Забота о ближнем – как стратегия личного обаяния. Спасение домашних зверушек – ради лайков. Доброта – как инвестиция в эмоциональный капитал. Вся эта *забота* – не что иное, как хорошо продуманный самопиар.

Альтруизм, особенно его лакированная, **бескорыстная версия**, – это такая карусель тщеславия, что даже прожжённые циники замирают на пару секунд в благоговейном ужасе. Снаружи – райский микс из доброты, эмпатии и заботы, украшенный зонтиком и вишенкой. Но стоит чуть копнуть

– и под слоем сиропа обнаруживается жёсткая арматура из прямолинейной нужды в самоутверждении.

Всё как положено: крепко, грубо, по лбу.

Если ваше эго разрослось до размеров небольшой горной гряды, альтруизм становится идеальной возможностью поиграть в местного мироустроителя. Милости и благодеяния раздаются с видом вселенского владыки: *Смотрите, какие хрупкие, но очаровательные создания! Я снизошёл до вас.* Помогли соседу – и тут же внутренний хор трубит фанфары: *Я не просто хороший человек. Я – живое доказательство, что человечество ещё не безнадежно.*

Добродетель как самопиар. Великодушие как форма доминирования. Эдакая моральная вертикаль, где вы, разумеется, на самой верхней ступени – с видом на всех остальных.

А если самооценка у вас на уровне неудавшегося сырника – альтруизм превращается в утончённую форму попрошайничества. Дешевую попытку выплакать хоть крохи признания. Бескорыстная помощь? Пф. Это отчаянный зов: *Заметьте меня!*

Оцените! Полюбите хоть кто-нибудь, пожалуйста! Я вытер вам слёзы – неужели никто не заметил, как это было трогательно? Вы ухаживаете за чужими ранами, тихо надеясь, что кто-нибудь вдруг залатает ваши. Ваша щедрость – это тонкий, скулящий шантаж: Я так стараюсь быть хорошим, почему же меня никто не любит?

И когда никто не хлопает, вы замираете с внутренним

криком: *Что я делаю не так?* – и с ощущением, будто кость отняли даже не дав понюхать.

Бескорыстие – это как единорог: все о нём говорят, но никто не ловил его за гриву. Сказочка для морально впечатлительных: даже если вы клянетесь, что творите добро *просто так*, где-то внутри обязательно поцарапает крошечная, мерзкая мысль: *А где моё 'спасибо', чертовы неблагодарные ублюдки?*

И вот оно, разочарование: благодарность не поступила, дивиденды в виде одобрения не пришли, лайки не каплют. Здравствуй закрытый клуб разочарованных альтруистов. Пароль – горечь и печаль. Абонентская плата – ваши невысказанные обиды.

Почётный резидент – вы сами, с медалью *За незамеченную святость* – на шее.

Взаимный альтруизм – это не акт милосердия, а эволюционный мастер-класс по сделкам с отсроченной оплатой: *ты – мне, я – тебе, но с выражением вечного братства на лице*. У зверушек всё честно: вычесал приятелю вшей – завтра он прикроет от когтей хищника. У людей схема та же, только паразиты стали символическими: не блохи, а статус; не когти, а токсичные начальники, навязчивые *друзья* и *стратегическая* родня.

Мы продолжаем вычёсывать друг другу социальную шерсть – только теперь с выражением одухотворённости и гуманистическим хэштегом на лбу. Всё держится, пока есть

вера в возврат инвестиций.

Проблемы начинаются, когда отдача исчезает из уравнения. Когда в ответ – вежливая тишина, дежурная улыбка или, в лучших традициях морального шантажа, укор: *настоящий хороший человек отдаёт просто так, ничего не ожидая*. И вот ты уже не человек, а ресурс. Мягкий, бесшумный, всегда под рукой. В идеале – одноразовый. Как туалетная бумага.

Спасибо за тепло, сочувствие и участие. Мы обязательно к вам вернёмся.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.